Сергей Сюрсин

Фантастика

Пасынки Земли

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

На Земле появляются концентраторы, попав в которые, человек оказывается в другом месте. Цивилизация рушится. По планете бродят потерявшиеся люди. Появляется новый вид людей, способных самостоятельно перемещаться в пространстве. Об их нелегком выживании, борьбе с простым человечеством и уходом в другие миры.

Книга предназначена для любителей фантастики.

- Фантастика
  -
  - Часть первая1
  - Часть вторая
  - Часть третья
  - Часть четвертая
  - Рецензия
- notes
  - 1

Фантастика
Пасынки Земли
Сергей Сюрсин

© Сергей Сюрсин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть первая[1]

Саня медленно брел по ночной улице. Ноги упорно не желали слушаться и вместо того, чтобы идти прямо, норовили куда-то увильнуть. В голове шумело от выпитого. Сейчас упасть бы в постель да расслабиться, но его, как всегда, потянуло на подвиги. Вот теперь плетись из конца в конец по ночному городу, донжуан несчастный! И вообще, какого черта приглашать на вечеринку таких ненормальных девиц. Вроде бы и на мордашку ничего, и ножки классные, и все прочее, а вот осечка вышла. Саня весь вечер за ней приударял и провожать даже пошел, а тут на тебе, выкуси! Как школяры проторчали в подъезде, наобнимались, нацеловались и адью. И никакие намеки на позднее время, на сложности пути до дома ее не убедили. Топай теперь, Санек, пешочком.

Саня уныло проводил взглядом проскочившую мимо машину, вздохнул и побрел дальше по вымершей пустынной мостовой. Уличные фонари сочувствующе глядели ему вслед. Санина тень, появляясь то слева, то справа, насмешливо убегала вперед или, укоризненно покачиваясь, уплывала за спину.

Потянуло едким тяжелым туманом. В горле запершило. Никак опять химзавод, пользуясь темнотой, спускает на город свою отраву. А ведь в ней, как рассказывала Сане одна мимолетная знакомая, работающая в лаборатории охраны окружающей среды, обнаружены и фосген, и синильная кислота, и хлор. Полный набор, чтобы отправить человека на тот свет. Кашляя и чертыхаясь, Саня припустил вприпрыжку из зоны отравления. Черт бы их побрал, – и завод этот, и его рабочих. А впрочем, так им и надо. Ведь травят-то в первую очередь себя и детей своих. В этом районе живут как раз эти самые химики. Им больше всех и достается.

Отбежав, пока воздух не посвежел, Саня перешел на шаг. Не повезло с девицей, ну да ладно. Хуже другое – завтра, на первой паре лабораторная. Кровь из носу, а к девяти ноль-ноль надо быть. За прогул практики ассистура шкуру снимет. А сдать потом будет непросто…

Отвлекшись от дороги, Саня упустил из-под ног почву. Взмахнув руками, он упал и покатился по склону.

Когда движение прекратилось, Саня открыл припорошенные пылью глаза. Он находился, по всей видимости, на дне котлована. Со всех сторон во тьме смутно просматривались невысокие бугры. С одного из них он имел неосторожность скатиться.

– Ох уж эти строители, где только не нароют! – досадливо

проворчал Саня. – Да и сам тоже хорош. Надо поменьше думать и внимательнее смотреть под ноги.

По-черепашьи загребая сухой и сыпучий песок, из которого оказался сложен бугор, он, то и дело сползая, полез наверх. Песок набивался за шиворот, в волосы. Во рту скрипело. От тысяч песчинок тело неприятно зудело. Достигнув долгожданной вершины, Саня замер, разинув от неожиданности рот. Где асфальт, где дорога, где громады домов, деревья, фонари? Ничего этого не было. Вместо них простиралась во все стороны и терялась в темноте холмистая песчаная местность. Ни кустика, ни травинки. Лишь освещенные лунным светом ровные пологие вершины холмов. Пустыня… Звезды, равнодушно мерцающие в темном чернильном небе… И ветер… Ледяной, пронизывающий до костей.

Что за ерунда? Где город? Надышался отравы, и галлюцинации начались? И почему так ужасно холодно? Саня принялся бестолково бегать по вершине холма, не в силах решить, в какую сторону идти, что делать. Но тут резкая боль ударила в ногу. Вскрикнув, он упал, больно ударившись обо что-то твердое и зажмурив от резкого света глаза.

Когда боль чуть отпустила, он бережно высвободил ступню, зажатую меж двух валунов. Они-то откуда здесь взялись? Ощупав ногу и пошевелив ей туда-сюда, он облегченно вздохнул. Перелома нет, разве что связки потянул немного. И только после несмело открыл глаза и огляделся.

Было светло, будто только наступил вечер. Или, быть может, утро. Саня оказался на склоне горы среди каменных россыпей. Ниже, метрах в пятистах россыпи заканчивались, и начинался лес. Редкий, лиственный вначале, постепенно густея соснами, елями и кедрами, он сплошным темно-зеленым потоком скатывался далеко-далеко вниз и через многие километры вздымался вновь по крутобокому горному кряжу.

Чушь какая-то! Не может быть этого. То город, то пустыня, теперь вот в горы попал. Снится все? Только вот нога болит по-настоящему. Саня приподнялся и осторожно встал на поврежденную ногу. Больно, но терпимо. Потихоньку, с камня на камень, хромая, он стал спускаться с горы. Раз идти все равно куда, так лучше вниз, к природе. Не оставаться же в этом каменном буреломе. Подолгу отдыхая, чтобы успокоить ноющую боль в ноге, он спускался с горы. Вскоре с обеих сторон уже громоздилась дикая непроходимая тайга. Ни тропинки, ни единого намека на присутствие человека. Только все усиливающийся шум, идущий откуда-то снизу, из-под ног. Во время очередного отдыха до Сани дошло, наконец, что это шумит

скрытая под камнями горная речка. Сразу ужасно захотелось пить. Попытка свернуть валуны и добраться до воды ни к чему не привела. Слишком глубоко запрятался ручеек. И лишь сделав еще несколько переходов, Саня заметил выбившийся из-под камней небольшой ручеек. Он радостно припал к ледяной, на удивление вкусной воде. И пил, пил, не в состоянии оторваться от живительной влаги.

Оказалось, был вечер. В тени гор сумерки быстро сгущались. Ночь внезапно легла на лес, застав Саню врасплох. Идти стало труднее. Он все чаще оступался и падал. Нога болела зверски. Хорошо еще, что полная темнота наступать не спешила. Хотя луна пряталась где-то за отрогами гор, все вокруг было подернуто белесой сумрачной дымкой.

– Как в Питере в пору белых ночей, – подумал Саня.

Вновь увлекшись своими мыслями, он чуть не проскочил мимо подозрительно светлого участка леса. На лапах елей и сосен мерцали красноватые отблески. Взобравшись на невысокий скальный выступ, он увидел небольшую полянку, окруженную деревьями, и костер посреди ее. Еле переставляя одеревеневшие ноги, Саня добрел до костра и опустился на землю, прислонившись к липкому смолистому стволу сосны.

Костер, обложенный со всех сторон каменными плитами, затухал. Узкие язычки пламени изредка вырывались из багровых, подергивающихся сероватым пеплом углей, озаряя склонившиеся над огнем ветви деревьев. В стороне, спрятавшись в ельнике, стояла палатка.

– Люди! – сердце у Сани дрогнуло. – Люди. Конец одиночеству в этой ужасной неразберихе.

– Эй! – позвал он негромко, – есть кто-нибудь?

В палатке зашевелились. Откинулся полог, и высунулась лохматая взъерошенная голова.

– Чего тебе?

– Переночевать не пустите?

– Можно. А ты что, заблудился?

– Вроде бы.

– Ладно, забирайся. Укладывайся сбоку. Завтра разберемся.

Саню разбудило металлическое позвякивание. Открыв глаза, он долго всматривался в колышущийся от ветра полог палатки, вспоминая сумбурную фантастическую ночь, прислушивался к негромкому разговору, треску костра и несмолкаемому шуму речки.

Значит, не сон. Он действительно необычным, непостижимым образом оказался в горах, на огромном расстоянии от родных

степей. Поверить в это невозможно, но жесткая логика очевидных фактов заставляла смириться с произошедшим и принять действительность такой, какая есть.

Саня выбрался из палатки. На поляне весело полыхал костер, жадно облизывая жгучими языками черные прокопченные бока котелка, висевшего над ним. Перед костром возились двое ребят примерно одного с ним возраста. Один, вчерашний знакомый, присматривал за костром, изредка вороша угли и подбрасывая свежие ветки. Второй, коротко стриженный светловолосый парень, сосредоточенно колдовал над котелком, пробуя из него ложкой, подсыпая что-то из пакетов и снова пробуя.

Вокруг в диком буйстве природы вздымались могучие ели и кедры, заросшие внизу непроходимым кустарником, выпирали из земли замшелые гранитные глыбы. По ту сторону каменной речки мрачной стеной нависали серые, слегка с синевой скалы. В их расщелинах ютились карликовые полярные ели и березки, пробивалась неприхотливая трава и мох. И цветы. Вакханалия цветов такой гаммы и оттенков, что глаз невозможно оторвать.

– Привет! – поздоровался Саня.

– А вот и ночной гость, – отозвался первый. – Как спалось?

– Нормально, вот только под утро замерз немного.

– Это бывает, тем более форма у тебя не совсем подходящая для этих мест, – тот разглядывал Санин джинсовый костюм и кроссовки. – Как будто со званого ужина сюда попал.

– Почти угадал, – отозвался Саня. – Не с ужина, не со званного, но с вечеринки у друзей – это точно.

– У тебя что, медведи друзья? Здесь на тридцать километров вокруг ни единой живой души, кроме нас.

– А я не утверждаю, что гулял по соседству. Сам не пойму, как здесь оказался. Кстати, что это за место?

– Серебрянка.

– Что за Серебрянка?

– А тебе куда надо? Если гору Серебрянку и речку Большую Серебрянку, то ты на месте, – кивнул лохматый в сторону ручья, а если тебе нужна Малая Серебрянка…

– Постой, – прервал его Саня. – Мне это ни о чем не говорит. Что это за место? Откуда горы?

– Ну, дает! – лохматый восхищенно оглянулся на дружка. – Крепко вчера, видать, загулял. Даже в каких горах не знает. Урал это, Уральские горы.

– Вот это да! – присвистнул Саня. – Занесло меня…

– А сам-то ты откуда будешь?

Саня назвал свой город.

– Где это? – спросил лохматый.

– В Казахстане. Не слышал?

– Нет, – помотал головой тот.

– Да заливает он, – подал голос стриженный. – Мои соседи оттуда переехали. Трое суток на поезде тряслись. А он за ночь здесь оказался.

– Не заливаю я, ребята, – вздохнул Саня. – Сам не могу понять, как сюда попал.

– Не хочешь говорить – не надо.

– Готово, – сказал стриженный. – Давай завтракать. Ритка! – закричал он, – иди есть.

Со стороны речки послышался ответный крик, и на обрыв вскарабкалась девушка в купальнике. В одной руке она держала полотенце, в другой – еще один котелок с водой.

– Согреем, посуду помою, – деловито сказала она, подходя к костру.

Саня опешил. Он никак не ожидал встретить в этой глухомани, в этом богом забытом уголке, где, казалось, не ступала нога человека и только по – хозяйски бродили дикие звери, эту девчонку. Стройная, худенькая, но с крепкими мышцами и уже вполне развитыми грудью и бедрами, и в то же время смешно торчащими в разные стороны скрепленных резинками хвостами светлых, выгоревших на солнце волос. Она показалась Сане чужеродной, не принадлежащей этому суровому дикому миру. Ей место в городе, цивилизованном большом городе за столиком кафе или бара, заставленном «пепси-колой», «мартини», и обязательно, чтобы играла музыка.

Девчонка стрельнула в него голубыми брызгами глаз. Длинные изогнутые ресницы и густые, неухоженные, не выщипанные в тонюсенькую ниточку брови.

– Здравствуйте, – промямлил почему-то одеревеневшим языком Саня, не отрывая от нее глаз.

– Иди умойся, – ухмыльнулся лохматый, – завтракать будем. А то нам еще на вершину сбегать надо.

Саня привстал, но тут же, охнув, сел обратно.

– С ногой у меня что-то, – извиняюще произнес он. – В щель меж камней попала.

Ребята склонились над ногой, стянули обувь и принялись ощупывать посиневшую, раздувшуюся лодыжку.

– Ничего страшного, – объявил стриженый, – связки потянул немного. – Ритка, – приказал он девчонке, – у тебя где-то бинт был. Неси живо!

Рита нырнула в палатку и через минуту появилась с пакетом. Втроем они туго перебинтовали ногу.

– Вот так будет лучше, – сказала Рита. – Ты только поменьше

ходи. Отлеживайся, ногу не тревожь. Тогда быстро пройдет.

– Без посторонней помощи ему все равно вниз не спуститься, – возразил стриженный. – Помнишь, как в прошлом году вы меня вдвоем вниз тащили…

Рита полила Сане из котелка. Он сполоснул лицо, припухшее после вчерашней вечеринки, казавшейся уже такой далекой, нереальной. Затем все устроились у костра и стали прихлебывать горячий, прямо с жара, пахнущий костром и еще чем-то лесным, смолистым и ароматным, суп прямо из котелка. По ходу завтрака выяснилось, что ребята живут недалеко отсюда, километрах в пятидесяти, в небольшом шахтерском городке, расположившемся в холмистых предгорьях Урала. Сюда приезжают регулярно, как только появляются свободные два – три дня. В городе скучно, а горы затягивают как омут. Кто хоть раз здесь побывал, обязательно захочет вернуться. Лохматый Колька и стриженый Володька были одного возраста, а Рита, оказавшаяся Володькиной сестрой, была на пару лет моложе. Впрочем, это нисколько не мешало нашей троице бродить по отрогам суровых и привлекательных гор.

Когда с едой было покончено, Саня угостил ребят сигаретами из помятой в ночных похождениях пачки.

– Пожалуй, ты действительно забрел сюда издалека, – Коля с интересом разглядывал пачку. – У нас такие не водятся.

– Зря вы не верите, – отозвался Саня. – Я и сам бы не поверил, да и до сих пор не верю. Потому и объяснить ничего толком не могу.

– Давай-ка, расскажи все по порядку, – предложил Коля. – Может, вместе и разберемся.

– Шел я вчера вечером, вернее, ночью по городу от одной… – Саня, поймав взгляд Риты, переставшей мыть посуду и по-детски приоткрывшей рот, смешался, – вечеринки, в общем. От друзей. Выпили мы там прилично, а автобусы уже не ходили…

Когда Саня закончил рассказ, ребята долго молчали, пытаясь вникнуть в необычность ситуации.

– М-да, – протянул Коля, – это больше тянет на фантастику. Володька, – обратился он к товарищу, – ну-ка, прокомментируй. Ты ведь спец по этой части. Фантастику любит, – объяснил Сане.

Володька почесал затылок:

– Это, по-видимому, искривление пространства… Пространственная дыра. Саня в нее попал, вот его и перенесло к нам.

– Да к тому же не одна, а две «дыры», – поправил Коля. – Он же сначала в пустыню угодил.

– В Каракумы, наверно, – несмело подала голос Рита.

– Нет, – засомневался Володя. – В Каракумах сейчас лето, как и здесь. Там жарко. А в Саниной пустыне было холодно, зима. В Африку, пожалуй, в Калахари. Или в Австралию, в пустыню Виктория. Там сейчас зима.

– Фу-фу-фу! – вскочил Коля. – Убей меня, не укладывается это в голове. Чушь собачья! Мистика! Сейчас пойдем и специально проверим эту «дырку». Разберемся.

– Лучше не ходите, – попытался остановить их Саня, – а то сами в нее угодите. Неизвестно где окажетесь.

Коля в ответ только рассмеялся. Исследователи стали собираться. Рита, скользнув в палатку, появилась уже в ярком красно – сине – желтом альпинистском костюме, который она называла «аноракой». «Фирма» – оценил Саня. Он сделал еще одну попытку отговорить ребят, но те только замахали руками.

– Шутник! – фыркнул Коля. – Где это видано – быть в горах и не подняться на вершину. Покоя потом не будет. Ты лежи, ногу не тревожь, не то тяжело возвращаться будет. Разденься, позагорай. Солнце здесь хорошее, загар быстро ложится, как у моря. Мы часа через четыре вернемся. Если медведь заявится, не пугайся. Он мирный. В палатке конфеты – дашь ему.

Ребята ушли, заронив в Саниной душе тревогу. Медведя только не хватало! А вдруг он не такой уж мирный? Саня посидел у палатки, с опаской поглядывая на таежные заросли, но постепенно успокоился. Хотел раздеться и позагорать, но, представив свое изнеженное, заросшее жирком с кисельными мышцами тело рядом с поджарыми, мускулистыми ребятами, отказался от этой затеи. Хотя припекало изрядно. Не хотелось красоваться таким перед Ритой. Сравнение было не в его пользу. Ограничился тем, что скинул куртку да закатал рукава рубашки.

В томной бездеятельности медленно текло время.

Возвращение состоялось раньше, чем он ожидал. Сначала послышались звуки торопливых прыжков по камням, затем на обрыв вскарабкалась Рита.

– С возвращением, – приветствовал ее Саня, но тут же осекся. – Где остальные?

Растрепанная, тяжело дышащая Рита подбежала к нему и разрыдалась.

– Пропали, исчезли в твоей «дыре», – взахлеб, сквозь слезы говорила она. – Я последней шла, а они… Володя впереди шел. Он первый… Коля закричал ему вслед, бросился туда и тоже… Что теперь будет? Что делать?

– Ну, ничего, ничего, – Саня притянул Риту к себе, обнял и стал поглаживать по спине, неумело успокаивая. – Вернутся. Может, сейчас уже опять там. Тебя ищут.

– Да? – обрадовано вскинулась девчонка. – Я схожу туда, а то взаправду потеряют.

– Не ходи, – спохватился Саня. – Сами придут. Поищут и придут. А тебе нельзя. Опасно. Еще попадешь нечаянно туда же.

– А вдруг не придут? – не унималась Рита. – Надо вниз, в поселок идти. Людей звать на помощь.

– Погоди, не спеши, – урезонивал Саня лихорадочно метавшуюся девушку, хватавшую разбросанные вещи и засовывавшую их в рюкзак. Видя, что уговоры на нее не действуют, прикрикнул:

– Да сядь же ты! Давай спокойно обдумаем.

Рита приумолкла и перестала плакать. Присев на камень, она с надеждой посмотрела на него. Саня в глубине души понимал, что ребята пропали так же, как и он, и вряд ли смогут скоро вернуться. Но не говорить же об этом перепуганной девчонке. Надо как-то удержать ее от опрометчивых поступков.

– Далеко до ближайшего поселка? – спросил он.

– Километров тридцать.

– Далековато. Если повезет, ночью доберемся. А вдруг Володька с Колькой объявятся. А нас нет. Представляешь. Что они могут подумать? Да и людей зря взбаламутим. Если ребята не вернутся, завтра утром пойдем за помощью. Как раз засветло доберемся. Да и мне идти легче будет, – нога подживет за ночь.

Рита кивнула в знак согласия. Посидев немного у палатки, она спустилась к речке. Саня встревожился и на всякий случай, чтобы не терять ее из виду, незаметно устроился в кустах на краю обрыва.

Рита сидела на камнях, отрешенно подставив ладонь под струйку небольшого водопада. Ее взгляд был устремлен на каменную речку, которая, плавно изгибаясь, терялась в лесной чаще. В своей печали она была так загадочно привлекательна, что у Сани впервые остро, незнакомо защемило сердце. Чтобы отвлечь ее, Саня крикнул:

– Рита, давай обед готовить. Ребята вернутся голодные, а у нас в котелке пусто. Набери воды, а я костер разведу.

Рита нехотя поднялась.

В хлопотах и разговорах быстро пролетело время. Наступил вечер, а за ним и сумеречная белая ночь. Ребята не возвращались. Чем дальше, тем меньше, иллюзорнее становилась надежда на их возвращение. Да и как бы они вернулись? Саня в пустыне вошел в ту же «дыру», из которой вышел, но оказался не дома, а на Урале. Так же и они, наверно, блуждают сейчас, бог знает где. Одна надежда, что с ними ничего не случится. Ведь он – то не пропал, не погиб. Мир не без добрых людей, – встретят, накормят, домой

помогут вернуться.

– Ты тоже домой вернешься? – спросила Рита.

– Да. Сяду на поезд – и через три дня дома. – Саня осмелел. – Вот только надо с одной знакомой переговорить да забрать ее с собой. Если захочет.

– У тебя знакомые здесь есть? – удивилась Рита.

– Да.

– Кто?

– Ты.

Рита смутилась, отвернулась и принялась ворошить угли в костре.

– Так что бы ответила эта знакомая? – решил довести разговор до конца Саня.

– Она бы ответила, что ты слишком торопишься, – помолчав, сказала Рита.

Она встала и ушла в палатку. Саня, посидев немного, последовал за ней. Нащупав в темноте край одеяла, забрался под него и закрыл глаза. Сон упорно не шел. Саня устраивался и так, и этак, но все было бесполезно. Как странно – впервые было так, что спишь рядом с девчонкой и без всяких этих.

Рите, по-видимому, тоже не спалось. Тоже ворочалась на жесткой подстилке. Саня, осмелев, протянул в темноте руку и коснулся ее плеча. Рита вздрогнула, но промолчала. Рука осторожно поползла по плечу, дуновением ветерка обласкала шею, спустилась к затянутой в лиф упругой, похоже, еще не целованной девичьей груди, пошла ниже…

Резкий рывок откинул руку. Рита взвилась и отскочила.

– Ты что? – часто дыша, прошептала она.

– Нравишься ты мне.

– Раз нравишься, значит, все можно?

– Чего ты боишься, дурочка, – потянулся к ней Саня.

– Только пошевелись, – рванула Рита полог палатки, – в лес уйду.

– Ладно, ладно, не буду, – откинулся, приходя в себя, Саня. – Ложись, не трону.

Саня проснулся от постороннего звука. Сумрак в палатке уже рассеивался. Было прохладно и по-утреннему сыро. Возле палатки кто-то ходил. И стучал. Изредка слышался зубовный скрежет.

– Медведь! – похолодело у Сани в груди. – А ну, как в палатку заберется?

Он хотел приподняться, но не смог. Во сне Рита подкатилась Сане под бок и теперь спокойно спала, уютно устроившись на его руке.

Саня нащупал ногой топор, припрятанный им вечером на всякий случай у входа, и с немалыми трудностями подтянул его к себе. Теперь, когда рука сжимает рукоятку, когда вливается через нее сила и смелость, уже не кажешься таким беззащитным. Хочется, как древнему человеку, грудью встать навстречу грозным стихиям для защиты себя, своей семьи, своей женщины, которая сейчас спокойно спит, доверившись тебе.

В палатку никто не врывался. Топот и зубовный скрежет продолжались до рассвета. Потом все стихло. Саня отпустил топор и пошевелил онемевшей рукой. Слава богу, все кончилось хорошо. Медведь ушел. Саня скосил глаза. Рита спала, не ведая о смертельной опасности, грозившей им минуту назад. Даже не шелохнулась, лишь изредка посапывала во сне.

Нежность наполнила Саню. Нежность к этой девчонке, еще вчера совсем незнакомой, а сейчас ставшей самой близкой, самой родной на свете. Он осторожно потянулся и коснулся губами ее волос, бархатистой, покрытой светлым пушком щеки.

По лицу Риты пробежала гримаса. Она отмахнулась рукой, как от назойливой мухи, и повернулась на спину. Глаза ее раскрылись, обежали потолок, стены палатки и замерли на Сане, прочитав в его взгляде что-то новое, удивительное. И тогда глаза ее загорелись, в них засветилась нежность, ласка. Но тут мимолетное воспоминание затенило эти чувства, лицо ожесточилось. Вскочив, Рита откинула полог и выскользнула из палатки. Саня, проклиная себя за вчерашнее, виновато полез следом.

Рита умывалась внизу на речке. Он спустился с обрыва и направился к ней. Девушка не обращала на него внимания.

– Рита, – язык не слушался, но Саня пересилил себя, – извини меня… Я… Пожалуйста!

Рита выпрямилась, бросила на него холодный взгляд и молча прошла к палатке. Сане ничего не оставалось, как тоже умыться.

Ощущение неловкости не проходило. В молчании приготовили завтрак, молча поели. Затем Рита занялась посудой. Саня закурил.

– Ночью медведь приходил. – Рита молчала. – Топтался вокруг палатки, зубами скрежетал. Видно, голодный. – Поймав ее заинтересованный взгляд, Саня расписал, не скупясь на эпитеты, бессонную ночь, свои страхи, ожидание с топором в руке.

Выслушав рассказ, Рита звонко рассмеялась. Нагнувшись, она схватила что-то с земли и бросила Сане. Это оказалась шишка. Кедровая шишка, наполовину кем-то обгрызенная. Саня недоумевающе поднял глаза.

– Это кедровка была, – пояснила Рита, – видишь, шишки

грызла.

Действительно, вокруг были разбросаны шишки. В одних орехи вышелушены полностью, в других – наполовину. Попадались и целые.

– Это она нам оставила на угощенье.

– А кто это – кедровка? – спросил Саня.

– Птица. Смахивает на ворону, только поменьше.

– Птица? Вот это да! Ну и смельчак же я! – захохотал Саня. – С топором, ха-ха-ха, на птицу…

Рита звонко вторила ему.

Смех рассеял возникшую неловкость, очистил души от шелухи обид и темных мыслей, сблизил. Стало легче и свободнее. Лишь тревога за судьбу ребят тяготила обоих.

Они сложили в палатку, которую решили оставить на случай возвращения ребят, вещи. Взяли с собой самое необходимое да немного продуктов. Ребятам написали на всякий случай записку, чтобы те не волновались. И, затушив костер, двинулись вниз, к далекому поселку. Идти пришлось опять по каменной речке. Иного пути не было, – кругом стояла непроходимая тайга. Саня, нагрузившись рюкзаком, несмотря на уговоры Риты, беспокоящейся за его ногу, чувствовал себя прекрасно. Нога окрепла и почти не болела. Жаркое солнце прыгало вместе с ними с камня на камень. Горный воздух, насыщенный ароматами хвои и трав, не облагороженный примесями из заводских труб и выхлопными газами автомобилей, проникал во все поры и будоражил мысли. Неумолчное журчание ручья, превратившегося постепенно в строптивую бурную речушку, вплеталось неразрывной нитью в их разговор. Так, прыгая с одного гладкого, обработанного речкой валуна на другой, помогая друг другу в труднопроходимых местах и радуясь мимолетной, никем не нарушаемой близостью, занятые только собой, они незаметно прошагали около двух часов, когда в их уединение внезапно ворвался какой-то непрерывный вой.

– Что это? – прислушалась Рита. – Не могу понять. Во всяком случае, не лесной зверь.

– Конечно, – отозвался Саня, недовольный появлением третьего. – Это автомобиль сигналит.

– Какой автомобиль? – возразила Рита. – Как он сюда заберется? Здесь не то, что дороги, тропинки нет.

– Определенно, автомобиль, – настаивал Саня. – Пошли, посмотрим.

Они взобрались на обрыв и стали пробираться сквозь заросли на непрекращающиеся сигналы. Обойдя невысокую скалу, преграждающую путь, удивленно остановились.

У подножия скалы, уткнувшись в нее передком, стоял автомобиль. Двухместный, без верха. В автомобиле сидел человек. Обхватив руль и прижавшись к нему, он будто спал.

– Стой! – схватил Саня дернувшуюся Риту. Она, вырвавшись, подбежала к машине и, осторожно приподняв человека, прислонила к спинке сиденья. Замолк освобожденный клаксон, и тишина вновь воцарила над лесом.

– Господи, да что это такое? Это же нелепость какая-то, – плачуще шептала Рита, указывая Сане на водителя, мужчину лет сорока, с разбитым в кровь лицом. – Как он здесь оказался? Это же невозможно!

В самом деле, кругом стоял нетронутый лес. Ни малейшего намека на дорогу, лишь изломанные кусты да примятая трава указывали прошедший автомобилем путь до финиша у скалы. Саня, почувствовав опасность, не рискнул пойти по следам, а взобрался на скалу и осмотрелся.

Следы начинались недалеко, метрах в десяти. Возникая из ничего, среди зарослей, они петляли по склону, увиливая от могучих кедров и сшибая тонкие ели и сосенки, и заканчивались под скалой. Ни спереди, ни сзади следов больше не было. Только непроходимая чаща, сквозь которую даже танк не в состоянии пробраться. Саня недоверчиво покачал головой, посмотрел даже на всякий случай вверх, – вдруг самолет или вертолет обронил? Но сплошная, без окон и проплешин крона леса говорили о нелепости его догадки.

Он медленно слез со скалы.

Рита хлопотала возле водителя, еще не пришедшего в сознание.

– Целый, вроде бы, только голову разбил, – сообщила она.

– Его заросли спасли, скорость снизили, – Саня бессильно опустился на землю. – Рита, будь осторожна. Там еще одна «дыра».

– Какая «дыра»? – спросила она и замолкла, переводя беспомощный взгляд с Сани на раненого, на теряющиеся в зелени следы.

– Что-то с нами случилось. И очень серьезное. С нами, с этими горами. Возможно даже, со всей страной, а может, и с планетой.

– Ой, Санечка! – всхлипнула Рита, прижав ладони к лицу, – что же теперь будет?

– Не знаю, – вздохнул Саня. – Знаю одно – надо идти. В поселок, в город – куда угодно, лишь бы к людям. Выяснить все. Можем, конечно, и не дойти, в «дыру» попасть. Думаю, эта не последняя. Еще попадутся.

– Нет! – закричала Рита. – Санечка, милый, дорогой, только не это. Страшно. Лучше никуда не пойдем.

– Будем жить, как первобытные люди, да? – невесело усмехнулся Саня. – С медведями воевать… летающими. Нет, здесь мы не выживем. Зима наступит, – с голоду и холоду умрем.

– Хорошо, – опустила голову Рита, – пойдем. Ты только… – подняла она глаза. – Саня, я без тебя одна… – голос ее сошел на шепот, – не смогу.

Саня, не сводя с нее глаз, поднялся и приблизился. Девушка доверчиво прильнула к нему.

– Рита, – лихорадочно зашептал он, прижимая ее к себе и чувствуя, как просачиваются сквозь рубашку на груди ее слезы, – не бойся. Я тебя никому… никогда… Мы шнуром обвяжемся. Нет, будем держаться за руки… И чтоб ты от меня ни на шаг… Слышишь, милая?

– Да, – Рита освободилась из объятий и кивнула на раненого. – А что с ним делать?

– С собой возьмем. Не погибать же ему здесь одному. Я пойду на речку за водой, а ты попробуй привести его в чувство.

– Я с тобой! – испуганно схватила Рита его за руку.

Они вместе сходили к речке, набрали воды во фляжку. Вернувшись, стали обмывать лицо раненому. От ледяной воды незнакомец застонал, шевельнулся и открыл глаза.

– Эй, вставай! – затряс его за плечо Саня. Водитель застонал, схватился рукой за грудь и закашлял.

Рита сердито прикрикнула на Саню и начала ласково поглаживать раненого по щекам, груди, что-то нашептывая при этом. От ее прикосновений раненый успокоился. Он посмотрел на ребят, окинул взглядом разбитое лобовое стекло, скалу, стоящий стеной лес и что-то невнятно произнес.

– Ничего не понял, – пожал плечами Саня.

Незнакомец встревожено обернулся к нему и быстро заговорил, пытаясь приподняться. Рита, укоризненно глянув на Саню, прижала ладонь к губам раненого и мягко принудила его откинуться на сиденье.

Они отошли и сели на траву.

– Это не наш, – задумчиво сказала Рита. – Не по-русски говорит.

– Да, – согласился Саня. – Я не совсем уловил, но, похоже, что английский.

– Во всяком случае, не немецкий. Я в школе изучала.

– А я английский изучал, но все равно ни черта не помню. Тяжело дается, особенно, когда в тебя вдалбливают.

Они замолчали. Раненый неподвижно лежал в машине.

– Может, костер разожжем да пообедаем, пока он оживет, – предложил Саня.

– Нет, только не здесь, – опасливо покосилась Рита на помятые кусты. – До Кедрового дойдем, там и пообедаем.

– Это далеко?

– С час ходу. С ним, конечно, подольше будет. Но идти легче. Вон там, за горой начинается тропа.

Незнакомец зашевелился, прервав их разговор. Подергал ручку заклинившей двери и, убедившись в тщетности своих попыток, неуклюже полез через верх. Рита вскочила, чтобы помочь, но Саня остановил.

– Пусть сам. Дорога дальняя, нельзя с ним, как с маленьким, возиться.

Выбравшись из машины, человек приблизился к ним, уселся на землю и заговорил. Саня, слыша знакомые слова, пытался увязать их друг с другом, но ничего не получалось. Незнакомец смолк и в ожидании ответа смотрел на них.

– Спик инглиш? – решился Саня.

– Йес, йес, – закивал тот головой, но тут же застонал и схватился рукой за голову, недоуменно ощупывая повязку.

– Все о-кей. Гуд, – сказал Саня, демонстрируя свои способности.

Незнакомец опять что-то спросил, но Саня в ответ только пожал плечами. Рита сидела с серьезной миной, подавляя готовый вырваться смех от Саниных попыток преодолеть языковый барьер. Наконец тот произнес первую понятную фразу.

– Вот из ит? – и обвел рукой вокруг.

– Ит из э… – зачесал Саня затылок, – горы, лес, – не получалось, – Урал. Ит из Урал.

– Вот из Урал? – не понял, по-видимому, тот.

– Россия, – вступилась Рита.

– Вот? Раша? Йес? – выпучил глаза незнакомец.

Саня кивнул.

Незнакомец залился потоком слов, но Саня только мотал головой. Рита была уже не в силах сдерживаться и весело прыскала от Саниной мимики.

Изрядно помаявшись, Саня выяснил, что зовут его собеседника Мэнс, что он из Англии, из Плимута. Куда и зачем направлялся, – этого Саня не понял. Англичанин в свою очередь не смог понять из Саниного объяснения, как он мог очутиться, минуя все границы и расстояния, в центре России. Когда же Саня сводил его на скалу и показал путь автомобиля, вообще пал духом и только нашептывал что-то себе под нос.

Время поджимало, да и на душе было неспокойно от опасной

близости «дыры». Частью словами, частью жестами убедив Мэнса следовать за ними, спутники направились к речке. Рита теперь неотступно шла рядом с Саней, крепко сжав его руку и с опаской поглядывая на предательские заросли. Мэнс плелся сзади, все так же бормоча и оглядываясь на оставшийся, уже ненужный автомобиль. Спустившись еще метров на пятьсот по речке, Рита нашла по знакомым только ей приметам тропинку. Они углубились в лес.

Могучий лес полностью закрыл кронами солнце и небо, создав внизу тенистый влажный полумрак. Душный, настоянный на прелом запахе хвои воздух сдавливал грудь. Зеленым ковром расстилались заросли хвоща и папоротника, с листьев и стеблей которых монотонно стекали и падали на напоенную влагой почву сконденсировавшиеся капли росы. Одежда и обувь мгновенно промокли насквозь. Ноги то и дело скользили и спотыкались на мокрой каменистой тропе. Сверх того приходилось перелезать через рухнувшие трухлявые стволы, то здесь, то там перегораживающие тропу. Даже в таких случаях, хотя это сильно затрудняло движение, Саня не рисковал выпускать маленькую девичью ладонь из своей руки. Тяжелее всех было Мэнсу, не до конца оправившемуся после аварии. Приходилось помогать ему и часто останавливаться на отдых, хотя тут же налетавшие комары и мошкара не особенно располагали к этому. Когда же измученные, промокшие и опухшие от укусов они вышли на большую поляну, сухую, залитую солнцем и заросшую алым пламенем иван – чая, с трудом поверили, что дошли. Это был Кедровый, где Рита намечала пообедать.

Выдохшиеся мужчины попадали на траву, а Рита, скинув с себя мокрую одежду и оставшись в одном купальнике, принялась распаковывать рюкзак и вытаскивать из него продукты и посуду.

– Нечего валяться, – приказала она, – собирайте сучья и разводите костер.

– Погоди немного, – чувствуя, как ноет в теле каждая косточка, застонал Саня, – дай отдохнуть. И сама отдышись.

– Костер разожгите, тогда отдыхайте. А я не устала. Не в первый раз хожу, закаленная, – засмеялась Рита. Но, взглянув на изможденные лица спутников, сменила гнев на милость. – Ладно, отдыхайте. Я пока за водой схожу, – она подхватила котелок и направилась в ложбинку, где чуть слышно журчал ручеек.

Саня лениво следил за ней, мечтая о том, что было бы хорошо больше никуда не идти, лежать и лежать здесь, на залитой теплом и светом поляне, а не нырять опять в мрачные промозглые дебри.

И тут случилось то, чего он больше всего боялся. Рита,

шедшая плавной походкой и беспечно размахивающая котелком, Рита, которую он, как ребенка, всю дорогу держал за руку, чтобы не потерять, не разлучиться ненароком, – вдруг исчезла. Только что была, стояла в глазах ее худенькая полуобнаженная фигурка. И вот ее нет! Лишь стебли травы качаются там, где она шла секунду назад.

Саня медленно поднялся, боясь поверить в случившееся.

– Рита! – закричал он. – Рита!

Но только эхо, отозвавшись, вязко затухло в лесу.

Саня бросился к «дыре». Крик перепуганного Мэнса остановил его. Он подскочил к рюкзаку, лихорадочно запихал в него пару консервов, свою и Ритину непросохшую одежду, обувь и, оттолкнув пытавшего задержать его Мэнса, кинулся к «дыре». Шаг, еще шаг, еще… От страха замирает сердце, по спине бегут мурашки. Но надо идти. Надо…

Момент перехода Саня не заметил. Только что вокруг него был лес, нога ступала на покрытый мхом камень. На следующем шаге он уже бежит по пыльной, высушенной солнцем степи. Саня остановился, ошеломленно оглядываясь и заставляя себя поверить в реальность этой степи.

– Рита! – крикнул он. Ответом было молчание. Только стрекот кузнечиков, дальняя трель жаворонка да шелест ветра, запутавшегося в седой бороде ковыля.

Нет ее здесь, на этой ровной как скатерть равнине, пустынной от горизонта до горизонта. Саня бессильно опустился на землю. Потерял! Всю дорогу берег и не сберег. И тогда он заплакал. Не думая о том, что кто-то может увидеть его слезы. Пусть видят, пусть думают, что хотят. Ему все равно. Как вернуть Риту, милую смешливую девчонку? Как найти ее в этом необъятном мире?

Слезы облегчили. Надо идти, искать. Не сидеть здесь, сложа руки, не ждать, а что-то делать. Он стряхнул оцепенение и встал.

Вдали, у самого горизонта в жаркой дымке миража парили какие-то приземистые постройки. Похоже, село. Что делать, – идти к селу или вернуться назад, в «дыру»? В селе Риты нет, это точно. Не могла она за столь короткий промежуток времени дойти до него. Саня бы ее заметил. Значит, попала совсем в другое место. Видно, «дыра» кидает тебя, куда ей захочется. И может забросить из одной точки и в Америку, и в Африку, и даже в Антарктиду. Он представил Риту в одном купальнике среди заснеженных гор…

Но что же произошло с нашей тихой мирной Землей? Отчего она словно взбесилась? С этим надо разобраться в первую очередь. Тогда дальнейшие поиски уже будет легче вести. Обдумав все, Саня решил идти в поселок, выяснить в отношении

«дыр» все, что удастся.

До поселка дойти не удалось. Где-то на втором километре Саня провалился с головой под воду. Наглотавшись от неожиданности, он судорожно выгреб на поверхность. Его окружала вода, но невдалеке виднелись густые заросли деревьев. Ветви их склонялись до самой воды, скрывая от глаз землю.

Намокший рюкзак тянул под воду, и Саня, сожалея, вынужден был избавиться от него, чтобы живым добраться до берега. Он направился к берегу, но тут заметил невдалеке плывущие бревна. На бревне легче добраться. Саня остановился в ожидании.

Но что это? В движениях бревен была какая-то странная закономерность. Все они плыли к нему, даже те, что находились ниже по течению. У Сани похолодело сердце. Крокодилы! Мерзкие, беспощадные твари, спасенья от которых нет. Уверенные, что жертва от них не уйдет, они неторопливо приближались со всех сторон. Саня в панике заметался по воде. До берега было далеко, но лучше попытаться спастись, чем покорно отдаться в зубы этим монстрам. И Саня метнулся к спасительным зарослям. Берег приближался быстро, но еще быстрее сокращалось расстояние между преследователями и жертвой. Спасения не было.

И вдруг перед ним взметнулась, бурля, вода. Из нее, утробно рыча, выросла чудовищная чешуйчатая голова на длинной морщинистой шее.

Крокодилы бросились врассыпную. Последнее, что заметил Саня, – это как один из них, подброшенный высоко вверх, переворачивается в воздухе, словно рыбешка, и исчезает в огромной распахнутой пасти, ощерившейся внушительных размеров зубами. Затем гигантская волна сгребла Саню в охапку и бросила в заросли. Исцарапанный, изодранный в кровь ветками, он ударился о ствол дерева и судорожно вцепился в него. Мелкая противная дрожь сотрясало все тело. Хотелось спрятаться, схорониться от этой страшной зубастой пасти.

Тем временем побоище на реке продолжалось. До Сани доносился мощный рев чудища, его чавканье. Высокие волны качали дерево, пытаясь стряхнуть с него Саню. Сквозь листву мелькало чешуйчатое грязно – серое туловище, но разглядеть чудовище полностью не удавалось, – обзор застилала листва. Но даже того, что видел Саня, было достаточно, чтобы повергнуть его в трепет. Неземная мощь и ярость была в этом монстре, по сравнению с которым даже слон выглядел пигмеем. Будто только что вышел он сюда из доисторической эпохи. Или Саню перенесло туда?

Вскоре рев ящера затих, пропало в листве чешуйчатое тело.

Волны стихли. Лишь тихо журчала река, лениво колыша опущенные в нее ветви. Ожила и весело засновала в кронах деревьев летающая живность, оглашая воздух звонкими трелями. Саня отлепил от дерева непослушные оцепеневшие руки и облегченно вздохнул:

– Пронесло!

Речка, с виду неширокая, на самом деле оказалась намного больше. Со всех сторон Саню окружала вода. Из нее выступали кряжистые замшелые стволы деревьев с мощной корневой системой. Было удручающе жарко и душно от зловонных гнилостных испарений, поднимающихся от лопающихся на поверхности пузырьков.

Куда идти? Назад, к «дыре» не вернуться – она где-то в реке, а где – точно не определить. Да и каким нужно быть храбрецом или идиотом, чтобы лезть опять прямо в пасть тому чудищу. Нет, надо забираться вглубь чащи. Подальше от опасного места, от ящеров, крокодилов и прочих тварей, что прячутся, быть может, в глуби вод. Да побыстрее, пока еще кто-нибудь не проголодался.

Саня сполз по узловатым корневищам и, оказавшись по грудь в воде, покрытой ковром противной болотной зелени и тины, побрел. Ноги спотыкались о подводные корни, проваливались в холодный, засасывающий ил. Вызывающую брезгливость и отвращение склизкую зелень приходилось разгребать руками. Едва Саня миновал несколько деревьев, как краем глаза уловил взболтнувшее зеленый ковер серое тело. Мигом взлетев на ближайшее дерево, он нашел на недосягаемой для зверья высоте развилку и, примостившись на ней, стал всматриваться вниз. В тенистом сумраке разглядеть что-либо было невозможно, но Саня почувствовал чей-то взгляд. Холодный, безжалостный, от которого по спине побежали мурашки. Все, хода нет! Он не обезьяна, чтобы идти по кронам. Крыльев у него тоже нет. А внизу затаился крокодил и уходить, похоже, не собирается. А вон еще один, и еще…

Спустя некоторое время под деревом собралась целая стая. Они, уже не таясь, плавали вокруг дерева, делали неуклюжие попытки взобраться на него, неизменно бултыхаясь в воду, шумно схватывались между собой, подымая фонтаны брызг. Но уходить не собирались, лишая Саню малейшей надежды на спасение. Ожидание становилось все тягостнее. От жары, от спертого, пронизанного миазмами испарений воздуха в голове туманилось, деревья плыли и теряли четкие очертания. Недалек момент, когда Саня потеряет от этих испарений сознание и упадет с дерева. А эти внизу, видимо, только и ждут этого момента. Как же уберечься от ядовитого дыхания болота? Саня укутал голову

мокрой курткой, но тут же сдернул ее.

– И кто это порекомендовал закутываться мокрой тряпкой!? – пробормотал он. – Сам бы попробовал.

Саня где-то читал, что на болотах выделяется метан. Может, и здесь то же самое? Если это так, то ему недолго осталось. То, что этим тварям достанется холодный бездыханный труп, являлось слабым утешением. Присутствие метана проверяют огнем, – пламя должно быть ярче. Саня достал зажигалку и чиркнул.

Последовавшие затем события сохранились смутно. Громовой удар в уши, ослепительная вспышка и удаляющаяся стена огня…

Саня не помнил, сколько он был без сознания. Когда он очнулся, оглохший и наполовину ослепший, лес вокруг пылал. Насыщенный влагой воздух не давал огню набрать силу, но наверху, в кронах деревьев стоял оглушительный шум и треск. Сверху сыпались горящие ветки, оставляя за собой дымный след, и, пшикнув напоследок, гасли в воде. Зеленый ковер превратился в серое, усыпанное пеплом, чадящее месиво. Над водой стелился сизый дым. Одежда на Сане тлела, обгорелая кожа нещадно ныла. Из ушей и носа текла кровь.

Заниматься собой было некогда. Необходимо быстрее выбираться из зоны действия пожара. Малейшая задержка грозила смертью.

Саня спрыгнул в грязное месиво и, задыхаясь от першившего в горле дыма, увертываясь от падающего сверху огня, заспешил вглубь чащи. Идти можно было без опаски, – вся живность исчезла из охваченного огнем района. Вскоре пошли островки суши, – сначала мелкие, затем все больше и больше. Когда Саня, еле живой от усталости, выполз передохнуть на такой островок, деревья, болото, да и сам островок исчезли. Саня зарылся с головой в глубокий снежный сугроб. Он уже забыл о существовании «дыр», и переход получился внезапным.

Взметнувшись из-под снега, Саня затравленно огляделся. Вокруг до самого горизонта расстилалась снежная равнина. Яркий солнечный свет, рассыпаясь искорками снежинок, слепил воспаленные глаза. Еще неприятнее был холод. Мороз моментально сковал мокрую одежду, превратив ее в негнущийся панцирь, и подбирался к телу. Руки и ноги закоченели. Зато отступила боль в обожженных местах.

– Делать здесь нечего, – сказал себе Саня. – Пора сматываться назад, в «дыру», пока не превратился в ледышку.

Он собрался уже повернуться, но заметил неровную цепочку следов, уходящую вдаль. Следы заканчивались неподвижной темной точкой.

– Кто это? Первая жертва «дыр»? Человек, впервые попавший в «дыру» и еще не знающий, что выбраться отсюда можно, всего лишь сделав шаг назад. Не суетиться, не искать спасения в беге неизвестно куда, – Саня невесело усмехнулся, вспомнив, как сам перепуганный метался по песчаному склону при своем первом переходе. И тут тревожная мысль закралась в душу. – Нет, это не она. Не может этого быть, – но ноги уже несли его по следам.

Все ближе и ближе темная точка, вырастающая в пятно, затем в неясный силуэт. Наконец, Саня стоит около человека, вызвавшего тревогу в его душе. Перед ним, скорчившись, обняв подтянутые к груди голые ноги и уронив голову на колени, сидит девушка в тонком летнем платьице. Сидит уже давно. Волосы, рассыпавшиеся по плечам, платье, руки и ноги, – все припорошено тонким слоем инея. На живом иней так лежать не будет.

Саня осторожно коснулся ее плеча, но тут же с содроганием отдернул руку. Непередаваемое ощущение – дотронуться до человека и ощутить не податливую мягкость, а каменную твердость статуи. Он нагнулся и заглянул из-под руки сидящей ей в лицо.

– Нет, не она, – прошептал облегченно.

Но мороз пробирается сквозь панцирь и леденит тело. Сказав «прости» ледяной статуе, Саня помчался назад, к спасительной «дыре».

И снова жаркий тропический лес. Только нет пылающих деревьев, нет реки с ее болотом и злобными тварями. Можно содрать с себя ледяной панцирь, согреться, отдохнуть, наконец.

Отлежавшись, Саня очистил, сколько мог одежду от грязи и отправился, куда глаза глядят. Выбирать не приходилось, – ни тропинки, ни следа человеческого видно не было. На влажной земле, покрытой стволами полусгнивших деревьев, не росло ни травинки из-за густой тени, создаваемой высоко вверху сплошным зеленым пологом. Но идти по трухлявым, рассыпающимися под ногами завалам, пробиваться сквозь переплетения лиан было непросто.

Устав от всех передряг, Саня брел, едва переставляя ноги, спотыкаясь и падая. Вверху в кронах деревьев кто-то дико и неистово визжал. Но Саня был уже не в состоянии это воспринимать.

Вдруг мерные звуки проникли в его сознание. Он замер. Сквозь визг и писки пробивались глухие удары. Будто кто-то лениво, с перерывами бил в барабан. Звуки были явно искусственного происхождения, непохожие ни на шум водопада, ни на раскаты грома.

– Люди! Где-то недалеко! Неважно, кто. Неважно, дикари это или людоеды. Главное – люди, разумные существа.

Торопливо разрубая ножом загораживающие путь лианы, Саня бросился на звуки барабана, опасаясь, что они могут прекратиться. И тогда он опять останется один в этом диком страшном лесу.

Увлекшись, он чуть не наступил на шевельнувшийся под ногой пестрый ствол, но в последний момент отпрянул, побледнев и выпучив глаза. Лиана подняла один кончик, на котором закачалась мерзкая треугольная головка с мелькавшим раздвоенным язычком, и сердито зашипела. Саня замер, сжимая в руке бесполезный нож и боясь отвести глаза в поисках подходящей ветки.

Змея, покачавшись немного в боевой позиции и решив, что это неподвижное двуногое существо опасности не представляет, успокоилась и струйкой утекла в бурелом. Проводив ее взглядом, Саня обошел стороной опасное место и, стараясь унять бешено стучавшееся сердце, медленно пошел дальше, с опаской посматривая под ноги.

Лес поредел, появились тропинки. Вскоре Саня вышел на широкую прогалину. На ней в живописном беспорядке расположились конусообразные хижины. Бой барабана, оглушительный и однотонный, доносился с дальнего края селения, где собралась большая толпа темнокожих полуголых людей.

При виде дикой туземной толпы Саня немного струхнул. Но деваться было некуда. Надо налаживать контакт. И он медленно, с опаской поглядывая на туземцев, направился к ним.

Внезапно негромкий окрик остановил его. Саня повернул голову.

У ближайшей хижины стоял человек. Светловолосый, с белой кожей. Обыкновенный европеец.

– День добже! – приветствовал он.

– Здравствуйте, – запинаясь от неожиданности, отозвался Саня.

– Русский?

– Да, – обрадовался Саня.

Разговорились. Саня рассказал свою историю, товарищ по несчастью – свою. Поляк, родом из Щецина, немного знает русский язык и даже бывал в Белоруссии, где у него живут родственники. Сегодня утром Станислав, так звали поляка, возвращался с ночной смены и вместо двухкомнатной квартиры угодил сюда. Станислав махнул рукой в сторону толпы:

– Вон там, в том самом месте и появился. Туземцы меня

сначала чуть на копья не подняли. У них несколько человек пропало. Думали, моих рук дело. Но разобрались, не тронули. Поняли, что я не при чем. Сам в такой же переплет попал. Теперь вот собрались, колдуют, заклятье снять хотят.

– И ты весь день здесь сидишь? Выбираться не собираешься?

– Как выберешься? – пожал плечами Станислав. – Городов поблизости нет, дорог – тоже. Даже речного транспорта нет, хоть и река рядом. С ними пока побуду. Тут ты еще появился. Вдвоем веселее будет.

– Я здесь оставаться не собираюсь, – отрезал Саня. – Дальше пойду. Я человека одного ищу. Задерживаться мне нельзя.

– Ну и как думаешь выбираться? Куда идти? Здесь на сотни километров вокруг жилья нет. По джунглям? Да тебя либо змея ужалит, либо зверь хищный загрызет. Или же с голоду помрешь.

– Через «дыру» пойду. Над которой туземцы колдуют. Хочешь, давай вместе.

– Нет, – Станислав помолчал. – С меня одного раза хватит. Чем заведомо жизнью рисковать, лучше тут отсидеться, живым и здоровым.

– Рисковать приходится, не спорю. Но я должен найти того человека. Весь мир обойду, но найду. И погибнуть мне никак нельзя. Иначе и он погибнет.

– М-да, – протянул Станислав, – программа у тебя сложная. Потому не спеши. Отдохни, переночуй, а завтра с утра и иди. Силы-то поистратил, второй раз можешь и не выплыть. А завтра, глядишь, может, и я с тобой надумаю.

– Хорошо, – согласился Саня. – А сейчас покажи «дыру».

Они встали и направились к толпе.

Туземцы, низкорослые, курчавые, с обнаженными телами, расписанными яркими красками, сгрудились на краю поляны, сжимая в руках копья. Перед ними бесновался в страшной клыкастой маске шаман, выкрикивая заклинания и ударяя в подвешенный на груди барабан. Возбужденные его колдовством воины вопили и метали в участок перед ними копья. Копья вонзались в землю и мерно раскачивались, вызывая в толпе довольные возгласы.

– Здесь «дыра», – Станислав указал на истыканный копьями участок.

В это время какой-то воин, достигший, вероятно, высшей степени экстаза, выскочил вперед и с копьем наперевес атаковал заколдованное место. Должно быть, бедняга решил, что злой дух, истыканный вдоль и поперек копьями, должен находиться при последнем издыхании. Добежать он не успел. Исчез прямо на бегу

с занесенным для удара копьем. Перепуганная толпа бросилась в разные стороны. Остались только шаман и старый седой туземец. Седой подошел и заговорил по – своему, указывая на торчащие в заколдованном кругу копья и вопросительно поглядывая на Саню.

– Хочет, чтобы ты объяснил, – сказал Станислав. – От меня-то они ничего вразумительного не добились. Я сам терялся в догадках.

Саня подумал, подобрал у ближайшей хижины плод, напоминающий маленькую тыкву. Потыкал пальцем в тыкву, в землю, развел руками, пытаясь изобразить Землю. Седой и снявший маску шаман усиленно закивали головами. Тогда Саня раскрыл нож и с размаху всадил его в тыкву. Лезвие прошло насквозь. Изобразил, будто ныряет в начале лезвия и выплывает в конце. Поднял руку с четырьмя оттопыренными пальцами и коснулся своей груди, поясняя, что нырял уже четыре раза.

Оставшийся вечер Саня служил диковинкой для туземцев. Постоянно возле него толпились, оживленно гомонили, размахивая руками, щипали, чтобы убедиться в его реальном существовании. Особенно досаждали особы женского пола, приводящие Саню в смущение своей наготой. И наконец-то за весь этот сумбурный день Саня по-настоящему подкрепился щедро предложенным туземцами угощением, состоявшем, в основном, из растительных продуктов – того самого плода, похожего на тыкву, гроздьями оранжевых фруктов размером с яблоко и других, не виданных им ранее. После еды Саню разморило, и он, забравшись в хижину, осиротевшую после канувшего в «дыру» хозяина, мгновенно заснул.

Проснулся поздно. Селение опустело, жители разбрелись по лесу, занятые своими нехитрыми делами. Изредка встречались хозяйничавшие по дому женщины, да весело гомонили у реки ребятишки. Станислава он тоже нашел на берегу. Тот успел искупаться и теперь безмятежно загорал на песке. Саня присел рядом.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал он. – Ты как, остаешься или со мной?

– А я домой попаду? – оперся на локоть Станислав.

– Маловероятно. Я что-то постоянно попадаю не туда, куда мне надо. Но со временем все равно попадешь, рано или поздно. Побродишь по свету и попадешь.

– Тогда уж лучше здесь останусь. Бродить, где попало, не хочется. Да и дома что я забыл? Работу эту проклятую из-за куска хлеба? Жизнь от получки до получки? Да пропади она пропадом! Чем здесь не жизнь? Природа, воздух чистый, продукты натуральные, без всякой химии. Прямо как на курорте. Нет, иди

один. А мне здесь нравится.

– Ну, как знаешь, – поднялся Саня. – Я, может, тоже бы задержался здесь на месяц – другой, да дела.

Не хотелось уходить из этого залитого солнцем гостеприимного мирка с его спокойным, размеренным укладом жизни, уходить в неизвестность, навстречу неожиданностям и опасностям. Еще хотя бы один денек пожить здесь, отойти от обрушившихся на него невзгод.

Испугавшись, что смалодушничает и передумает, Саня торопливо шагнул вперед, раздвигая копья руками. И прежде, чем успел оглянуться, услышал грозное рычание.

Саванна, поросшая высокой травой. Редкие, возвышающиеся над травой деревья. На толстой разлапистой ветке ближайшего дерева разлегся лев. Вернее, львица, потому что внизу под деревом резвились два детеныша размером каждый с овчарку. Львица, напружинив мощное упругое тело, впилась злыми горящими глазами в непрошеного гостя.

Саня, не сводя завороженных глаз от львицы, начал отходить. В руке он неожиданно ощутил древко копья, невесть откуда взявшегося. По-видимому, в момент перехода он держался за него. Плохая защита от сгустка львиной мощи и ярости, но лучше, чем вообще ничего. Он взял копье на изготовку.

Санины движения львице не понравились. Спрыгнув с дерева, она, грозно рыча, неторопливо направилась охотничьей поступью к человеку.

– Вот и конец, – тоскливо подумал Саня, пятясь от зверя. – И зачем только я полез в «дыру». Лежал бы сейчас на песке под солнцем и не думал ни о чем, не рисковал понапрасну. Прощай, Рита. Извини, что не смог отыскать тебя.

Деревья, трава, львица с львятами и неминуемая гибель вдруг исчезли. Уступив место домам. Крепко сжимая копье, не веря еще в счастливое спасение, Саня очумело огляделся. Пятясь ото львов, он попал назад в «дыру» и теперь оказался в городе. Широкая заасфальтированная улица. Многоэтажные дома. Светофоры. Автобусная остановка. Знакомая картина.

Саня бессильно опустился на землю. Его трясло. Тряслись руки, отпустившие уже не нужное копье. Ходуном ходили колени. От нервного смеха сотрясалось все тело.

Немного успокоившись, он поднялся на ноги и медленно побрел по улице, пытаясь понять неясную тревогу, поселившуюся в душе при виде этой улицы. Что-то в ней было не так. Город казался пустынным, вымершим. Лишь кое-где изредка мелькали силуэты, пробиравшиеся вдоль стен домов. В окнах виднелись испуганные, растерянные лица. По-видимому, жители,

напуганные непонятной опасностью, сидели по домам, не решаясь выйти на улицу.

Пустынность города ошеломляла. Риту здесь искать все равно, что иголку в стоге сена. Где же она? Как ее найти?

Планета, разговевшаяся, успокоенная, потерявшая бдительность после миллионов лет, прошедших в относительном спокойствии, замерла, съежилась. Опустели, вымерли многолюдные города, запруженные ранее нескончаемыми людскими потоками. Перепуганные люди забились в свои дома, задвинув засовы и тревожно взирая на мир, когда-то родной, привычный, а теперь дикий, враждебный, ощетинившийся ловушками «дыр». Лишь изредка по пустынным улицам прошмыгнет вдоль вызывающих иллюзорную надежность стен домов какой-то смельчак. Или изголодавшийся житель несмело выйдет в поисках продуктов. Или же пробредет, ошеломленно озираясь, неизвестный, вырванный «дырой» из родных мест и заброшенный неведомой силой сюда, в неизвестное далеко.

Тишь и запустение. Стоят брошенные автомобили, осиротевшие, с раскрытыми дверцами, в некоторых местах сбитые в груду искореженного металла. Замерли на взлетных полосах самолеты. Мчатся еще кое-где поезда, благополучно проскочившие через «дыры». Мчатся навстречу своей гибели, до столкновения с таким же поездом – призраком. Потому что нет в этих поездах ни пассажиров, ни проводников, ни машинистов, – все они исчезли в «дыре». И теперь мчатся поезда «летучими голландцами» в неизвестность.

Замерли заводы и фабрики. Не идет из сиротливо торчащих высоко в небо труб смрадный дым. Некому оживить их, запустить станки, подкинуть в топку угля, – не вышли рабочие на смену.

Остановились электростанции. Погас в домах свет. Прекратила работу отопительная система. Чавкнули в последний раз и замолкли водопроводные краны.

И остался человек один на один с собой, лишившись всех атрибутов цивилизации, средств существования, столкнувшись опять с дикой природой, из которой когда-то вышел и имел неосторожность так далеко отдалиться от нее. Парализованная цивилизация, этот колосс, оказавшийся на глиняных ногах, зашатался и, рассыпаясь, стал медленно рушиться. Ужас и Хаос обвеяли все разумное и мыслящее, призвали его к Апокалипсису…

Саня брел по улице небольшого городка. Вторую неделю, – а может, пятую, десятую? – все идет кувырком, все смешалось.

Разобраться в чехарде меняющихся мест и дней уже невозможно. Попадаешь из дня сразу в ночь или из рассвета в поздний вечер, – и наоборот. Впрочем, неважно, какую неделю бросается он из «дыры» в «дыру». Ни Риты, ни маломальских следов ее он до сих пор не обнаружил. Да и можно разве отыскать человека в такой сумятице? Незнакомые места, чужая речь, враждебные лица… Если в первые дни все хоть как-то помогали затерявшимся и обездоленным путникам, кормили, устраивали на ночлег, то теперь, когда на счету каждая крошка хлеба, каждое зернышко крупы, с этим стало сложнее. Теперь приходилось и мерзнуть, и спать, где повезет. А голод стал постоянным спутником. Голод и усталость. Так и хочется привалиться к стене дома и уснуть. Уснуть навеки. Так, по-видимому, и кончали с жизнью те, чьи трупы попадались все чаще и чаще. Но как же тогда Рита?

Звуки выстрелов и крики вырвали Саню из дремотного забытья. Где-то что-то происходило, – опасное, но в то же время притягивающее. Саня завернул за угол и остановился.

Перед стеклянными витринами магазина сгрудилось человек тридцать. Они кричали высокими голосами и размахивали руками, держась на некоторой дистанции от него.

Саня пробился вперед. В дверях стоили двое мужчин, держа в руках ружья и настороженно поглядывая на толпу. Сквозь стекло на полках витрин виднелись бутылки и консервные банки.

– Продуктовый, – определили Саня. – И голодная толпа. Если заваруха начнется, ружья хозяевам не помогут.

Сквозь незатихающий гомон пробился звон разбитого стекла. Витрина треснула и осколками осыпалась вниз. Один из охраняющих крикнул и выстрелил наугад в толпу. Многоголосый вопль перекрыл чей-то одинокий болезненный стон, и обезумевшая толпа бросилась на хозяев. Людской поток подхватил Саню. Поневоле подчинившись, спотыкаясь, скользя на битом стекле и чудом удерживая равновесие, чтобы не быть затоптанным разъяренным человеческим стадом, он оказался внутри.

Вокруг копошились люди с разгоряченными лицами и обезумевшими глазами. Они лихорадочно сгребали с полок продукты и запихивали, кто во что мог, – в сумки, пустые коробки, скинутые куртки и рубашки. Саня последовал их примеру. Хватая все, что попадалось под руку, он торопливо набил рюкзак и бросился к выходу. Прибывающая толпа, расхватав продукты, скоро начнет нападать на счастливчиков и отбирать у них.

На выходе он наткнулся на хозяев. Один, истерзанный и растоптанный, лежал у дверей. Над ним склонился второй, в

изорванной окровавленной одежде, весь в синяках и ссадинах, но живой. Уже не нужное оружие валялось рядом. Мимо воровато сновали люди, не обращая на них внимания. Лишь некоторые бросали виноватые взгляды. Проходя мимо, Саня нагнулся и подхватил винтовку. Ею оказался семизарядный карабин. Отличное оружие для такого одиночки, как Саня.

Саня двинулся от магазина. Кто знает, может, здесь полиция еще действует. Его, чужака, она не пожалеет. Да к тому же полный рюкзак продуктов – непозволительная роскошь в этом изголодавшемся городе. На части разорвут и рюкзак, и его самого. Голодная толпа страшнее даже полиции.

Жестянки, глухо ворочающиеся за спиной, покоя не давали, вызывая непотребные мысли. Нестерпимо закололо и заурчало в давно не принимавшем нормальной пищи желудке. Помучив себя немного, Саня не выдержал. Заскочив в глухой безлюдный закоулок, он вытащил наугад первую попавшуюся банку и, тревожно озираясь, раскроил ее ножом. Торопливо загребая трясущимися пальцами содержимое и отправляя его в рот, он быстро опустошил банку, выскреб начисто и только тогда, поглядев на нее с сожалением, отбросил. Желудок немного успокоился. Можно идти дальше. Надо найти «дыру» и убраться из этого города подальше от греха. Банкет можно устроить в другом месте, тихом, спокойном, вдали от шальных людей.

Цивилизация агонизировала. Обезлюдели миллионные города. Рушились оставленные без присмотра и ухода здания жилых домов и заводов. Покрывались ржавым налетом станки. Все прочное и, казалось, незыблемое, созданное творение рук человеческих на века, исчезало с лика Земли. Лишь ветер, почувствовав себя полновластным хозяином, смело покорял серые многокилометровые громады городов.

Зато ожили бескрайние, некогда пустынные просторы. Люди, уничтожив свои припасы и столкнувшись с альтернативой остаться в родном доме и погибнуть от голода или же, очертя голову, ринуться в неизвестность ради куска хлеба, выбирали второе. И теперь в любом уголке планеты – в дремучей нехоженой тайге, посреди обширных степей, в раскаленной пустыне и даже среди снегов Антарктиды, – всюду можно было встретить человека, оборванного, измученного, с безумным взглядом глубоко запавших глаз, бредущего неизвестно откуда и куда. Японец из страны восходящего солнца грелся у одного костра с австралийским аборигеном и узбеком из Ташкента, африканский бедуин пробирался горными тропами Аппалачей, аргентинец кутался в шкуры у эскимосского чума… Великое смешение рас и народов… Новый Вавилон…

Звук выстрела и посыпавшаяся со стены штукатурка застали Саню врасплох. Он метнулся в подъезд ближайшего дома. Подъезд хоть и защищал от пуль, но оказался непроходным. Ситуация была критической. Непрекращающаяся стрельба не позволяла скрыться или хотя бы переменить место. Непонятна была и причина стрельбы. Ведь он только что вышел из «дыры», шагу ступить не успел, а из него уже делают мишень.

– Ну уж нет, – прошептал Саня. – У меня тоже кое-что для вас найдется.

Он передернул затвор карабина. Не первый раз уже выручает он Саню. Приходилось отстреливаться и от осмелевших зверей, и от озверевших людей. На мгновение выглянул, чтоб оценить ситуацию. Успел заметить троих, бегущих к дому и стреляющих на ходу. Похоже, они не успокоятся, пока не нафаршируют его свинцом. Почему? Плохого он им нечего не сделал, даже не успел бы при всем желании. Но выбирать не приходилось, – надо принимать бой.

Он выпрыгнул из подъезда и вскинул карабин. Один нападающий упал и замер в неестественной позе; другой, выронив винтовку, волчком закрутился на асфальте, держась обеими руками за бок. Третий, выронив оружие, скрылся за углом.

– Этот уже не страшен, – удовлетворенно подумал Саня. – Вояка вшивый. В штаны наложил от страха.

Он победно осматривал оставшееся за ним поле боя, забыв об осторожности. Внезапно что-то обжигающее полоснуло по плечу. Не успев осознать случившегося, Саня метнулся в подъезд.

– Загордился, черт! – выругался он.

Пуля прошла вскользь, вырвав клок рукава и разорвав мышцы предплечья. Рука быстро тяжелела и деревенела. Перевязать было нечем, да и некогда.

Он осторожно выглянул. Группа человек в двадцать открыто шла на штурм.

– Похоже, здесь не привыкли встречать ответное сопротивление, – решил Саня. – От такой толпы не отстреляться, хотя, судя по их наступлению, это не профессионалы. Пальнуть пару раз, – глядишь, и разбегутся.

Он, не таясь, шагнул из-за прикрытия и вскинул здоровой рукой карабин. Но тут же опустил и, не обращая внимания на свистевшие мимо пули, стал вглядываться в толпу. Что-то в ней было неестественное.

– Вот сволочи! – прошипел он сквозь зубы. – Что придумали – толпой прикрыться. Фашисты!

Действительно, позади безоружной толпы, уныло и

безропотно двигающейся навстречу смерти, сновали какие-то личности, поднимались и опускались на головы и плечи безоружных приклады винтовок.

Саня, помедлив, отшвырнул оружие и, зажав рукой рану, устало прислонился к стене.

Лязгнув засовом, дверь со скрежетом отворилась.

– Выходи!

Саня скинул ноги с нар и, скрипя зубами от боли, тяжело поднялся. Прилично его отделали. Отыгрались и за тех двоих, оставшихся лежать посреди улицы, и за свой испуг. Хорошо хоть в живых оставили, не прихлопнули сразу. Тело в ссадинах и кровоподтеках ныло, выплескивалась болью при каждом шаге.

Саню долго вели по длинному коридору, подсвеченному редкими лампами.

– Свет! – вдруг дошло до него. – У них горит свет! Значит, работает электростанция, а с ней отопление, водопровод. Господи, неужели все закончилось? Неужели снова наступает нормальная жизнь?

Он обрадовано повернулся с вопросом к охранникам, но один из них молча ткнул стволом автомата ему под ребра. В глазах у Сани замельтешили радужные круги. Больше он не оборачивался. Они дошли до ограждения, перекрывающего коридор, свернули вбок через свежие проломы в стенах. Миновав несколько помещений, опять оказались в коридоре.

– «Дыру» обошли, – догадался Саня. – Значит, кошмар продолжается. А эти неплохо придумали – «дыры» оградить. Чтобы никто случайно не попал.

Подъем по лестнице, опять коридоры, переходы. Наконец, Саня стоит посреди роскошно обставленного кабинета. За столом сидит скуластый, невзрачного вида человек. Человек кивнул головой, двое за Саниной спиной щелкнули каблуками и вышли. Тот медленно поднялся из-за стола, подошел к Сане и остановился, покачиваясь на каблуках и с усмешкой разглядывая его. Взгляд Сане не понравился. Так глядела та змея, на которую он чуть не наступил когда-то в джунглях.

– Кто такой? Откуда? – резко спросил хозяин кабинета.

– Бродяга я, как и все, – ответил Саня.

– Зачем в моих солдат стрелял?

– Они первые стрельбу открыли…

– Эта территория закрыта для бродяг. Ты этого не знаешь?

– «Дыра» не спрашивает, куда тебя доставить. Позвольте сесть, – чувствуя, что долго не выдержит, попросил Саня, – Ноги не держат.

– Садись, – милостиво разрешил хозяин. – Ты не сказал,

откуда ты.

Саня сел на стул и расслабленно откинулся на спинку, – Я из… – он запнулся и продолжил, – сам уже не помню, откуда.

– Темнишь, парень! – сузил глаза скуластый. – Давно бродишь?

– Давно. Кажется, будто всю жизнь брожу. Будто иной жизни и не было. Счет времени потерял. Не знаю даже, какое сегодня число, месяц, год.

– Ну ладно. Не хочешь говорить, откуда, – твое дело, – смягчился хозяин. – Меня это мало интересует. Все равно отсюда уже не выберешься, – усмехнулся он. – Скажи лучше, что ты думаешь об этих, как ты их назвал, «дырах»? Что это такое? Насколько опасно? Надолго ли?

Саня пожал плечами.

– Никто толком не знает, что это такое и откуда. Появились одновременно везде, по всей планете. Может, кто-то эксперимент неудачный поставил, а может, произошло что-то на космическом уровне. – Саня задумался. – Что это такое, надолго ли, – этого мы определить уже не сможем. Не успеем. Некому будет. Что осталось от нашего мира? Кучка голодных одичалых людей, странствующих по планете и занятых одной целью – как бы выжить.

– Но мы-то живем. Не странствуем, – возразил хозяин кабинета. – И у нас все есть – и пища, и крыша над головой. Предприятия и транспорт работают.

– Зачем же тогда автоматы?

– Чтобы народ не паниковал. Вначале здесь тоже паника началась. Мы взяли власть в свои руки и быстро навели порядок. «Дыры» все выявили и обнесли ограждениями. Теперь по городу не страшно ходить. И все стабилизировалось.

– Как вам удалось найти все «дыры»?

– Прогнали толпу по улицам и нашли. Где люди исчезали – там, ясное дело, «дыра».

– Но ведь это бесчеловечно! – ужаснулся Саня.

– Бесчеловечно по отношению к единицам, зато на благо остальным. Город живет. И люди живы.

– И на меня толпу погнали, чтобы самим под пули не лезть, – это тоже во благо?

– Конечно. Чужие нам не нужны – смуту наводят. Да и продукты питания у нас не в избытке. Лишние рты не нужны.

– Значит, меня прикончите?

– Ты мне нужен. Надоело ограничиваться одним городом. Пора наводить порядок по всей стране, на всей планете.

– Такими методами?

– Можешь предложить другие?

– Н – нет, – подумав, ответил Саня.

– То-то же, – удовлетворенно отметил хозяин, – мой метод – единственный. Пойдем вперед, метр за метром отвоевывая землю. Обнесем «дыры» заборами. И создадим великое всепланетное государство.

– А правителем в этом государстве будете, конечно, вы, – с сарказмом произнес Саня.

– Конечно. Я его создам, мне и править. Александр Македонский, Наполеон и Гитлер стремились создать такое государство, но не смогли. А я смогу. И ты поможешь мне в этом великом деле. Ты много бродил по свету, много видел. Будешь моим консультантом.

– А если я не соглашусь?

– Согласишься, – ухмыльнулся главарь, – иначе пулю в лоб получишь. А ты вон какой молоденький. Пожить – то еще хочется, верно? Так и быть, – расщедрился он, – дам тебе подумать до завтра.

Он нажал на кнопку и приказал появившимся охранникам:

– Глаз с него не спускать!

Всю ночь Саня провел на нарах без сна. Многое казалось правильным и логичным в словах новоявленного фюрера, пытавшегося спасти хоть частицу былой цивилизации. Не нравились Сане только методы, которыми тот пытался спасти мир, – автоматы, приклады над головами, безропотные безликие толпы. Такое уже было. И не раз. И финалом всегда был бесславный конец самого зачинателя и всей его затеи. Нет, Сане с ним не по пути. Должен же быть еще какой-то выход. Не может быть задачи с одним единственно верным вариантом решения.

Утром Саня с рюкзаком за плечами нетерпеливо ожидал стражу. И когда за ним пришли, он, посмеиваясь и болтая со стражами, на повороте в обход «дыры» внезапно бросился в сторону и, перескочив заграждение, исчез на глазах у замешкавшихся охранников.

Планета, стряхнув с себя бремя человеческой цивилизации, облегченно вздохнула, расправилась и стала чиститься от шелухи и грязи. Вздымались вырубленные безжалостной рукой леса. Дожди смыли грязь и мусор в реки, те снесли все в моря и океаны, а эти гигантские перерабатывающие фабрики уничтожили результаты человеческой деятельности. Рыба вернулась в реки и, весело плещась на перекатах, блестками сверкая в глубине прозрачных, как слеза, рек, принялась опять обживать законные владения.

Очистилась атмосфера, не задымляемая больше трубами заводов и автомобилей, и в ночном небе незнакомо ярко и близко засияли звезды.

И понял человек и ужаснулся былым деяниям рук своих.

За время своих скитаний Саня совсем одичал и даже иногда забывал о цели своих поисков. Казалось, он всю жизнь только тем и занимался, что шел от «дыры» к «дыре», голодал, наедался до отвала в редких случаях, замерзал на полюсах и умирал от жажды в знойных пустынях. И когда однажды вновь оказался на каменистом склоне Серебрянки, то чуть было не прошел мимо. Смутные воспоминания, всколыхнувшиеся невольно из глубины души, заставили его остановиться.

Где-то ниже по ущелью, по застывшему навеки течению каменной речки стояла, а быть может, стоит до сих пор небольшая палатка, где Саня встретил обычную девчонку, так необычно глубоко запавшую ему в душу. Невыносимо больно заныло в груди. Где те времена – мирные, спокойные, счастливые?

Неодолимая сила потянула туда, к палатке, Последнему Приюту, из которого он шагнул в бесконечный путь по свихнувшемуся миру. Тщательно запомнив месторасположение «дыры», чтобы не плутать при возвращении, Саня стал осторожно спускаться по скользким обледенелым камням. От дикого летнего буйства природы не осталось почти ничего, кроме зеленой черноты хвойников. Все вокруг припорошил снег, из-под которого торчали кое-где сухие былинки трав. Да еще отощавший и обмелевший, но все такой же неугомонный ручеек пробивал дорогу меж валунов, не желая замерзать. А мороз был приличный, и малейшая задержка в этих ставших негостеприимными горах грозила обернуться гибелью.

Место стоянки изменилось до неузнаваемости. Только палатка, осевшая под тяжестью снега, все так же пряталась под соснами, уныло пошевеливая на ветру распахнутым пологом. Ни малейшего намека на человеческое присутствие, хотя в глубине души так хотелось обратного.

Первым делом Саня разгреб снег вокруг очага, наломал хрупких еловых и вересковых веток. Озябшими негнущимися пальцами долго разжигал костер, не жалея драгоценных спичек. Наконец весело зашипело алое жаркое пламя, разогнав холод и отодвинув в тень деревьев сумерки. Не поленившись сходить за водой на речку, Саня повесил над огнем котелок, засыпав туда неочищенных гречишных зерен, раздобытых случайно на заброшенном поле. Затем присел у костра и предался

воспоминаниям.

Вот здесь он вышел тогда на костер. Там увидел впервые Риту, там наблюдал за ней из кустов, любуясь ее фигуркой.

Нахлынула тоска. Господи, до каких же пор будет продолжаться этот кошмар? Сколько еще бродить по свету, Когда же наступит всему этому или ему самому конец?

Проглотив без аппетита пресную коричневую бурду, он собрал в рюкзак вещи, присыпал снегом костер и поднялся. Надо поторапливаться, пока совсем не стемнело. Да и ветер что-то уж слишком начал завывать в вышине. Взгляд его, пробежав в последний раз по поляне, остановился на палатке. Он так и не осмелился заглянуть в нее.

Скинув рюкзак, Саня залез в палатку. Внутри было темно. Колени утопали в нанесенном ветром снеге. В углу лежали оставленные когда-то ими вещи. Продуктов не было. Видно, кто-то уже побывал здесь.

Он продолжал бесцельно разгребать снег, хотя искать было нечего. Ничего здесь быть не может, пусто. Но так не хотелось уходить отсюда, не захватив с собой что-нибудь на память. И тут пальцы нащупали какой-то лоскуток. Выдернув его из-под снега, Саня увидел листок бумаги.

Записка, которую писала Рита ребятам перед уходом. Так вот что он бессознательно искал!

Саня лихорадочно зачиркал спичками. Пляшущий огонек осветил тусклые, почти стертые непогодой строчки: «Ребята! Мы ушли…». Но что это? На Ритины строчки накладывалась витиеватая арабская вязь. Видно, какого-то горемыку занесло сюда издалека. Оставил послание потомкам.

Саня уже хотел засунуть ломкий листок в карман, но тут при свете затухающей спички заметил надпись на оборотной стороне листка. Второпях сломав несколько спичек, он зажег еще одну.

«Саня, где ты? Помоги! Рита».

Вздрогнув от обжегшей пальцы спички, Саня пришел в себя. Выскочив из палатки, он вновь и вновь перечитывал записку. Рита… Была здесь… Живая… Но как же так, почему мы не встретились? – обрывками мелькали мысли. – Меня ищет… Помощи просит… Искать! Искать! Не отчаиваться! Рита, я иду! – закричал он и бросился назад, к вершине, к зовущей «дыре».

Тяжелый опасный подъем да еще сильный ветер с начавшимся снегопадом вскоре охладили его. В быстро сгустившейся темноте ничего не было видно. Ноги то и дело соскальзывали и проваливались в невидимые, покрытые снегом щели меж камней, вызывая нестерпимую боль. Ветер швырял охапки колючего, жгучего снега прямо в лицо, насквозь

пронизывал одежду. Руки и ноги быстро закоченели и перестали слушаться, но Саня упорно карабкался вверх, срывался, вскрикивал от боли и продолжал лезть.

Подъем все не кончался. Сквозь вьюгу и темень просматривались на два – три шага камни, остальное терялось во мгле. Где он, правильно ли идет или давно уже сбился с пути, – определить было невозможно.

Чувствуя, как последние силы покидают его, Саня, тяжело дыша, привалился к большому валуну, где было хоть какое-то затишье. Похоже, отсюда ему уже не выбраться. Руки и ноги онемели и уже не чувствовали ничего, двигаться не было никакого желания. А если бы даже и было желание, то как в такой круговерти найти «дыру»? Невозможно.

– По всем статьям выходит, что конец, – лениво думал Саня. – Так вот где он меня застал. На том же месте, откуда я начал свой путь. Как же теперь Рита, что с нею будет? Прости, дорогая, любимая! Так поздно я тебя нашел и так быстро потерял, не успев даже сказать всего. Прости…

Надвигалось забытье. Тело успокоилось, не чувствуя уже холода. Каменное ложе стало мягким, пуховым. Страницы жизни замельтешили перед глазами. Родной город, дом, мать с отцом, братишка вредный… Дома так и не удалось побывать, – мелькали последние искорки сознания. – Жаль. – Он представил себе их небольшой дом, уютную детскую площадку перед ним, стол со скамейками под развесистым кленом, где любили собираться по вечерам словоохотливые соседки…

В какой-то момент Саня почувствовал, что выныривает из забытья. Медленно возвращалось сознание, все быстрее и быстрее разгонялись мысли. Онемевшее тело оживало, сердце гулко, с трудом продавливало загустевшую кровь по сосудам. Камни под спиной не чувствовались, но он ощущал, что на чем-то лежит. Вот только это что-то было ровным, не каменистым.

Саня шевельнулся, и тут же тысячи, миллионы иголок впились в тело. От боли он окончательно пришел в себя, застонал и открыл глаза.

Метели не было. Исчез яростный ветер с мириадами жестких снежинок. В чистом ночном небе ласково мерцали далекие звезды. Не было камней и гор. Не было сурового зимнего леса. Только среди звезд темными провалами зияли силуэты невысокого дома и одинокого дерева рядом с ним. Чем-то знакомым повеяло на Саню.

Превозмогая колючую боль, он с трудом поднялся на еще непослушные ноги.

Это был его дом, Родной дом. Вон старый клен, скамейка под

ним, детская площадка… Снег здесь еще не выпал, и было относительно тепло. Это тепло и вернуло Саню к жизни. Но как он здесь оказался? До «дыры» он не добрался, – это Саня помнил точно. Но думать об этом не хотелось. Достаточно того, что он дома, что конец всем скитаниям. Стены дома укроют его от всех выпавших на его долю невзгод.

Всеми порами впитывая запахи и тепло родного дома, он вошел в подъезд и поднялся по знакомой скрипучей лестнице. Света не было, но это нисколько не мешало. Достав из потайного кармана ключ, бережно хранимый все это время, Саня открыл дверь и вошел в квартиру. Было темно, но глазам, отвыкшим от электричества и приученным за время блужданий к ночному видению, свет был не нужен.

В большой комнате никого не было. Обычно здесь на широком диване спали мать с отцом. Сане с братом была отведена в полное распоряжение небольшая спаленка. Сейчас же в комнате было пусто. Исчез диван, исчезли стулья и стол, старенький сервант. К тому же в квартире стоял чужой запах – запах костра, углей и пепла.

Саня встревожено отправился в спальную. Там тоже ощущался недостаток мебели, но старая кровать, на которой они спали с братом, сохранилась. На ней была навалена груда тряпья, смутно вырисовывавшаяся в блеклом свете месяца. Запах гари стоял и здесь, живым жильем не пахло.

– Где же мать, отец, братишка? Неужели и их застигла беда? Зачем же он стремился сюда, мечтал о том дне, когда ступит на порог родного дома? Саня подошел к кровати, присел на краешек. Достал сигарету, закурил и погрузился в раздумья.

Куда теперь? Здесь делать нечего, душу только травить. Единственное, что держит его на этом свете, – это Рита. И хоть найти ее практически невозможно, надо верить и искать. Иначе хоть сейчас в петлю…

Вдруг тряпки зашевелились. Из-под них появилось белое лицо. Лихорадочно ломая спички, Саня зажег огонь.

На него глядела Рита. Рита, которую он так долго искал, из-за которой терпеливо бродил по этому безумному миру. Рита, поиски которой не позволили ему свихнуться, из-за которой он, собственно, жив до сих пор. Девушка молча смотрела на него испуганными, широко раскрытыми глазами.

– Саня! Санечка! – выдохнула она и, метнувшись к нему, судорожно, словно боясь потерять опять, обхватила и разрыдалась облегченно, снимая этим плачем страх, тоску ожидания и тяжесть минувшего. Саня, оглушенный, все еще до конца не верящий в происходящее, отупело сидел на кровати.

– Как я долго тебя ждала, – бормотала сквозь слезы Рита. – Мучилась… Кругом ужас, голод, смерть… А тебя все нет… Как долго… Ой, да что я о себе, – очнулась она. – Ты же ледяной весь. Замерз. Ложись! – Она толкнула его на кровать и стала закидывать одеялами, не переставая говорить. – Холод жуткий. Тепла нет. Света тоже. Газ давно кончился. Хоть совсем замерзай.

Навалив на Саню весь ворох, она нырнула в него, пробралась к Сане и прижалась к нему горячим телом.

– Уже не боишься меня? – от такой близости девушки Саню кинуло в жар.

– Глупый! – шепнула она. – С тобой я уже ничего не боюсь. Вволю без тебя набоялась. Чего только не насмотрелась.

– Погоди! – опомнился Саня. – Как ты сама-то сюда попала?

– Когда я на Кедровом в «дыру» попала, то очутилась в каком – то поселке. Стою на узкой улочке, кругом стены каменные, высокие. Башни. Жара. Ни одного деревца. Люди ходят в светлых накидках, на головах тоже накидки. Арабы, что ли. Все взбудораженные. Меня как увидели, закричали и ко мне. А я, сам знаешь, в каком виде была, – чуть ли не голая. Испугалась и назад попятилась. Смотрю, – а их уже нет. И стен, города тоже нет. Пячусь неизвестно от кого к самой кромке обрыва. Внизу скалы, волны громадные о них бьются. И море до самого горизонта. Чуть вниз не сорвалась, вовремя оглянулась, остановилась. Пошла по берегу, вышла на селение рыбацкое. Там меня одели, накормили. Остаться предлагали, но я ушла. Надеялась назад выбраться, на Кедровый, к тебе. Да не вышло. Бродила по этим «дырам», пока сюда, в твой город не попала. Думала, ты уже дома. Еле отыскала. А тебя нет.

– А мои где были – мать, отец, брат?

– Брат в первый же день пропал. В школу утром ушел и не вернулся. Отец ушел его искать и тоже пропал. Мать извелась тут одна. Когда я появилась, приказала сидеть и ждать всех, а сама ушла. С тех пор о них ни слуху, ни духу. А ты где пропадал все это время?

– Тоже мотался по «дырам». Тебя искал. Где только не пришлось побывать. И везде голод, разруха, толпы одичалых людей, сумасшедшие, трупы. Смерти не раз в глаза смотрел. Но ты не давала мне погибнуть. Да, я же сюда с Серебрянки попал, – встрепенулся он. – Записку твою в палатке нашел.

– Я, как чувствовала, написала ее. Не верила, но надеялась, что ты вернешься туда.

– Вернулся, да чуть там навсегда и не остался, – невесело усмехнулся Саня. – Спуститься к палатке-то спустился, а на обратном пути буран поднялся. Заблудился и чуть не замерз.

Сам не пойму, как здесь оказался, – мысль, мелькнувшая в голове, заставила задуматься.

– Я тебя сейчас горячим чаем напою, – Рита вскочила и побежала на кухню. – Чай вот только ненастоящий, из кленовых крылышек. Но зато горячий. Мигом согреешься.

Саня поднялся и пошел вслед за ней. Рита возилась перед сложенной из кирпича и жести самодельной печкой, раздувая тлеющие угли. Дым шел из всех щелей.

– Соседи помогли сложить, – пояснила она, – не то давно бы замерзла. Дров нет, вот мебель уничтожаю помаленьку. Как жить дальше, – не знаю, – вздохнула она горько.

– Выживем как-нибудь, – ободряюще произнес Саня, разглядывая в отблесках огня осунувшееся лицо девушки.

– Еды нет, – продолжала Рита. – Магазин разгромили, все там вычистили. Я уже остатки подбирала, что попадалось. А без еды не выжить. Разве что через «дыру» в теплые края перебраться. Но я ни за что не пойду, – мотнула она головой, – опять тебя потеряю.

– Постой! – мысль, засевшая Сане в голову, наконец, нашла свое решение. – Я все думаю о том, как здесь очутился. До «дыры» на Серебрянке я не добрался, – это точно. А здесь во дворе «дыра» есть?

– Нет, – непонимающе протянула Рита.

– Но я же во дворе оказался, возле самого дома! Значит, не через «дыру» я сюда попал, а сам. Очень захотел – и перенесся. Без помощи всяких «дыр». Помню, там, на Серебрянке, когда уже совсем замерзал, о доме думал. Двор представил, клен. Захотелось побывать здесь перед смертью. И в самом деле, здесь оказался. А может, это всего лишь сон предсмертный? – Саня закрыл лицо руками. – Ведь так, кажется, оно и бывает.

– Нет, Санечка, нет! – затрясла его перепуганная Рита. – Это не сон. Ты живой! И я живая, здесь, рядом с тобой. И я люблю тебя! Все это на самом деле. Не веришь? – и она вцепилась острыми зубками Сане в щеку.

– Ты что? Больно же! – пришел в себя Саня. – Чуть не свихнулся, – пробормотал он, мотая головой, чтобы стряхнуть наваждение, и потирая укушенную щеку. – Ну и жена мне досталась! Хищница, а не жена.

Рита в ответ счастливо засмеялась.

– Рита! – Саня вскочил и, схватив ее в охапку, закружил по кухне, – ведь это конец всему! Конец этим страшным «дырам». Ведь от страха перед ними человечество парализовано, от страха перед ними вся эта разруха, этот кошмар. А я переместился по желанию. Захотел – и здесь оказался. И в любом другом месте,

каком захочу, могу очутиться. Теперь мы уже не будем страшиться «дыр», будем свободно перемещаться, куда пожелаем. И заживем опять по-прежнему.

– Нет, – покачала Рита головой, – по-прежнему мы уже жить не сможем.

Часть вторая

Из зыбкой мутной пелены выплыли кружащиеся словно в хороводе лампы, серые размытые силуэты. Затем всплеск боли затушил их…

Сознание возвращалось медленно. Темнота рассасывалась, светлела. На смену ей пришло белое марево, сквозь которое ничто не просматривалось. Тщетно напрягал Саня глаза, – ничего не было видно.

– Ослеп? – мелькнула тревожная мысль.

Он попытался приподняться, но в плечо ударила резкая боль. Голова затуманилась на мгновение, и тут же наступила ясность. Исчезло противное дрожание мыслей, явь стала осязаемой. Саня все вспомнил. Или почти все…

Небольшое озеро, заросшее наполовину камышом и осокой. Серые голенастые журавли, чинно фланирующие по берегу. Полуразрушенные постройки на холме.

– Опять тебя куда-то занесло, – хмыкнул Саня. – Я здесь не был.

– Я тоже, – Рита оглянулась. – Нет, не была.

– Надо яснее вырисовывать образ, – проворчал Саня. – Сколько раз тебе говорить! Опасно же – можно в такой переплет попасть, что и выбраться не успеешь. – Саня день ото дня становился осторожнее. Причина, возможно, была в том, что волноваться приходилось теперь не столько за себя, сколько за свою вновь обретенную после долгих мытарств подругу.

– А я сюда как раз и собиралась, – засмеялась Рита. – Не ворчи, пожалуйста! Захотелось что-нибудь этакое, чтобы озеро было и камыш, и журавли у озера… Вот только тех домов у меня не было.

– Не нравятся они мне, – смутная тревога давила на Саню. – Может, переберемся в другое место?

– Глупости! – отрезала Рита. – Смотри – красота какая! Пойдем к озеру, – потянула она Саню за руку.

– Ты иди, – осторожно освободился он. – Я сейчас. Проверю только развалины.

Рита, весело крича и размахивая руками, понеслась к озеру, распугивая на ходу журавлей, которые, нехотя освободив ей дорогу, продолжали свой променад. Проводив ее взглядом, Саня обернулся к развалинам. Тревога не отпускала. Саня чувствовал на себе чей-то недружелюбный взгляд, идущий оттуда.

Он незаметно вытащил из-за пояса револьвер и спрятал его в складках куртки. Напряженно вглядываясь в темные изломы

пустых оконных проемов, в сгустившиеся сумерки отбрасываемых зданиями теней, настороженно двинулся к постройкам, примечая на ходу каждый бугорок, любую складку местности, за которой можно было бы укрыться в случае опасности.

Развалины молчали, но их обманчивая безобидность не успокаивала. Беспокоила Рита, ее незащищенность. Не приняв Санину тревогу, она задорно гонялась за журавлями, являя собой легкую мишень для недоброй руки.

Саня обернулся было к Рите, но тут краем зрения уловил в темном проеме окна движение. Мгновенно прыгает он в сторону к небольшой ложбинке, высвобождая на лету пистолет и чувствуя, что не успевает, не успевает… В проеме сверкает вспышка, и что-то сильное, сокрушительное ударяет в грудь. Последнее, что Саня успевает запомнить, – это небо, падающее ему под ноги.

В поле зрения вплыло женское лицо, обрамленное белым капюшоном, вгляделось ему в глаза, пошевелило неслышно губами и исчезло.

– Я в больнице, – доходит, наконец, до Сани, – и эта белизна исходит от стен и потолка. Значит, живой! Но где Рита? Что с ней? – тревога о Рите заслоняет все остальное. – Может, лежит сейчас там, у озера, бездыханная, с темным расплывшимся пятном на груди.

Саня осторожно, чтобы не растревожить затаившуюся внутри боль, сел и опустил ноги на пол. Раскрылась дверь, и в палату вошел в сопровождении медсестры врач – низенький пожилой человек.

– Ну – ну, какие мы шустрые – уже встаем, – неодобрительно покачал он головой, – а зря. Рановато тебе, миленький, вставать. Полежать еще надо, – они вдвоем насильно укладывают сопротивляющегося Саню в постель.

– Рита, где Рита? – вырывается Саня.

– Что? А – а, – доходит до доктора. – Вот почему ты такой прыткий. Успокойся, все у твоей подружки в порядке. Скоро сам ее увидишь. Она каждый день о тебе справляется.

Саня успокоился.

– Что со мной?

– Пустяк! Пулевое ранение в области груди. Тебе, можно сказать, повезло. Пройди пуля чуть ниже, – и все, конец. Зацепила бы сердце. Но все равно полежать недельку – другую придется. И постарайся не делать лишних движений.

Доктор долго осматривал больного, продолжая разговор и изредка сообщая результаты сестре, делающей пометки в карточке. Наконец они ушли, и обессиленный Саня закрыл глаза. Явь, смешанная с кошмарами, приходит к нему во сне. Из

полыхнувшего огня выплывает чудовищная зубастая пасть, оледенелая фигурка сидящей на снегу женщины, несущаяся громадными прыжками львица. Ее сметает поднявшаяся до неба гигантская волна, океан пылающей воды, незнакомое звездное небо с двумя маленькими лунами, пляшущие тени жутких чудовищ…

Когда он выкарабкался из кошмарного сна, у кровати сидела Рита. Как после долгой вечности всматривался Саня в родное лицо, обветренное, осунувшееся, отчего кажутся огромными не теряющие своей голубизны глаза. А в глазах тревога, смятение и нежность.

– Рита! – шевелит непослушными губами Саня.

– Лежи, лежи! – шепчет Рита, нежно поглаживая его безвольную руку. – Тебе нельзя шевелиться.

– Как ты? Как я здесь оказался? – засыпает он ее вопросами. – Кто был в развалинах? Помню, шел к ним, а дальше…

– Лежи спокойно, не волнуйся, – прерывает его Рита. – Я все расскажу.

Звук выстрела оторвал увлекшуюся игрой с журавлями Риту. Застыв в растерянности, переводит она взгляд с замершей на склоне фигурки на развалины, таящие в себе смертельную опасность. Что делать, – бежать к Сане или прятаться.

Второй выстрел выводит ее из оцепенения. Пуля, взвизгнув где-то рядом, проходит мимо. Рита падает на землю и перекатывается в ближайший овражек, скрываясь из глаз стрелявшего. Овражек тянется вдоль берега и уходит вверх, огибая возвышенность, на которой расположились строения. Рита ползет по нему, прижимаясь к земле.

Добравшись до конца овражка, она осторожно выглядывает из укрытия.

Перед ней метрах в десяти глухая, без окон стена обвалившегося здания. Вокруг ни души.

Рита вынимает из кармана маленький дамский браунинг, подаренный Саней, и взводит курок. Затем, собравшись с силами, вскакивает и мчится к зданию, ожидая на каждом шагу выстрела. Хорошо, что ноги обуты в мягкую обувь, топота почти не слышно.

Вот и стена. Рита прижимается к ней, сдерживая дыхание и затравленно озираясь. Медлить нельзя, – она здесь как на ладони. Стоит только тому неизвестному заглянуть за угол, – и все, конец. Тщательно выбирая место, куда поставить ногу, она пробирается к изломанному краю стены. Отсюда как на ладони видно озеро, журавли, неподвижная фигура Сани. Что с ним, жив ли? Внутри разливается лед.

– Нет, нет! – беззвучно шепчет она, стискивая зубы, – не

думать об этом! Не сейчас. Позже.

В раздумье стоит она у стены, не зная, как поступить дальше. Выйдя из-за укрытия, она может получить пулю, не успев даже оглядеться как следует. С такого расстояния противник уже не промахнется. Стоять же здесь и ждать, пока подвернется удобный случай, нельзя. Нет времени. Особенно у Сани.

Рита решительно делает шаг, но тут же отшатывается назад.

От развалин, сжимая в руках винтовку и настороженно оглядываясь, спускается к озеру человек. В изорванной, превратившейся в лохмотья, мятой и грязной одежде, со спутанными космами редких, давно не мытых и не стриженых волос. Бедолага, занесенный сюда «дырой», одичавший, потерявший человеческий облик и разум.

Собравшись с духом, Рита выступает из-за угла и наводит пистолет на удаляющуюся спину.

– Стой!

Сквозь прицел видно, как вздрагивает от неожиданности фигура.

– Брось оружие! Руки вверх!

Противник мешкает, не спеша выпускать из рук винтовку.

– Быстрее! – истерично кричит Рита, но тот лишь медленно поворачивается, осклабивши в недружелюбной ухмылке щербатую пасть. Ухмылка завораживает, принуждает опустить пистолет.

– Не шали, девочка! – хрипло произносит он. – Тебе ли баловаться с такими игрушками. – И тут он рывком вскидывает винтовку. Но Рита на мгновение опережает его. Не осознавая даже, что делает, она спускает курок. Гремит выстрел.

Колени незнакомца подламываются, и он, все так же ухмыляясь, опрокидывается навзничь. Громыхает запоздало винтовка, и наступает тугая гнетущая тишина.

Инстинктивно шагнув к упавшему телу, Рита останавливается. Ее трясет. От волнений, от этого неподвижного тела. Впервые стреляла она в человека. Стрелять в это тревожное время ей приходилось часто. Саня на этом настаивал. Но стреляла она только по мишеням или оборонялась от осмелевших хищников. Это был ее первый выстрел в человека.

Не отрывая оцепенелого взгляда от трупа, она обходит его стороной и бросается к Сане. Упав перед ним на колени, припадает к залитой кровью груди. Сердце бьется. Слабо, чуть слышно, но бьется. Жизнь еще теплится в теле.

Надо спешить! Но куда?

Она приподнимает послушное тело, обхватывает его покрепче и вызывает в памяти образ больницы, из которой она недавно

стащила для их убежища медикаменты…

– Попала сюда удачно, – закончила рассказ Рита. – Доктор сразу же занялся тобой.

– Молодец ты у меня! – похвалил ее Саня. – Боевая. С тобой не пропадешь.

– Ну, уж и боевая, – отмахнулась Рита. – Сколько я после этого мучилась. Глаза закрываю, а он уже тут, стоит передо мной. Невыносимо!

Саня ободряюще сжал ее руку.

– Крепись. Все пройдет, забудется. Если бы не ты, меня бы на этом свете уже не было. Это ли тебе не утешение?

Рита молча кивнула головой.

– Сама-то как живешь?

– Отсиживаюсь в нашей пещере. Выхожу редко, только за лекарствами. Нашла заброшенный склад медикаментов, теперь снабжаю ими твоего доктора.

– Будь осторожнее, – беспокойно шевельнулся Саня, – не рискуй одна без меня.

Дверь открылась, и их прервала медсестра:

– На перевязку!

– Я буду приходить, – поднялась Рита. – Ты, Санечка, только не волнуйся, – со мной ничего не случится. Выздоравливай быстрее.

Скучно и однообразно проходят день за днем. Темнеет рано, свет из экономии по вечерам не включают. От скуки Саня уходит весь в воспоминания.

…Они идут, взявшись за руки, по городу. Безлюдный, вымерший, он производит тягостное впечатление. Обветшалые здания с облупленной штукатуркой и темными щелями лишенных стекол окон, занесенные песком улицы и тротуары с пробившейся порослью молодой травы, не тревожимой грубой ногой человека. Стаи одичалых собак и кошек, схлестывающихся между собой в кровавых стычках или молча следующие с алчным блеском в глазах за двумя странными двуногими чужаками. Только выстрелы удерживают их на почтительном расстоянии. И еще стаи ворон, кружащих над городом, сидящих на балконах, смело разгуливающих по улицам.

…Набережная. Заросший молодым тальником городской пляж. Размытые и обрушившиеся бетонные плиты, облицовывавшие когда-то крутой берег. Они сидят, обнявшись, на парапете, и следя за пустынной речной гладью, лениво несущей к берегу мелкие ребристые волны, навевающей спокойствие и безмятежность.

– Думай! – говорит Саня. – Сосредотачивайся!

– Не получается, – хнычет Рита. – Не выйдет у меня ничего.

– Выйдет! – убеждает он. – Надо только отвлечься от всего и предельно сосредоточиться. Так, чтобы в мыслях был только образ желаемого места в мельчайших подробностях, без посторонней шелухи.

Сколько уже бьется он над ней, пытаясь развить у нее способность к внепространственным перемещениям, но безрезультатно. Или не хватает уверенности в себе, или, может, нужны какие-то экстремальные условия, чтобы сдвинуть с места мыслительные центры. Как произошло у него. С того первого раза, когда он без помощи «дыры» перескочил с горного склона Серебрянки к своему далекому дому, в его организме будто что-то сместилось. Теперь он уже без особых усилий может перемещаться, куда пожелает. Стоит только мысленно вообразить это место. Но на этом дело не остановилось. С организмом происходило еще что-то непонятное. Саня иногда ловил себя на том, что ясно видит место и даже происходящие там в данный момент события. Хотя сам он в это время находится совсем в другом месте. Вот и сейчас за этим длинным зданием кошачья орава обложила со всех сторон отбившуюся от своей стаи молодую собаку. Саня воспринимает ее ужас, обреченность и предсмертную тоску, но помочь ей желания нет. Это их дела, их борьба за выживание. Да и опасно ввязываться, ломать охоту этим маленьким демонам. В ярости они не жалеют жизни и при своей феноменальной живучести представляют серьезную угрозу.

Но что за угроза, не связанная с кошачьей охотой, накладывается на его мысли, гнетет? Угроза неясная, явно не выраженная и идет откуда-то с верховьев реки. Но там тихо, спокойно – река, не заслоненная коробками зданий, видна отсюда далеко.

Саня отбрасывает тревогу и вновь приступает к Рите. Та вымученно мотает головой.

– Голова разболелась.

– Отдохни, расслабься, – Саня целует ее.

– Ой, что это? – вырывается Рита. – Смотри!

В верховьях реки, куда только что смотрел Саня и где не было до этого ничего странного, стоит, возвышаясь над лесом, серая стена. Стеной она кажется лишь в первое мгновение. Затем становится ясно, что это не обычная стена, а стена воды. Громадная волна, идущая по реке и сметающая все на своем пути. Видно, как склоняются и исчезают в бушующем месиве отдельные деревья, мечутся на гребне в гроздьях пены их обломки.

Вот откуда шла томящая его угроза. По-видимому, не выдержала оставшаяся без надзора плотина стоящей выше по

течению электростанции. Теперь это искусственное море, вырвавшись из бетонных застенков на свободу, мчится своей мегатонной громадой, мща за свое былое заточение всем без разбора. Никто не в силах остановить эту несущуюся смерть. Бежать от нее уже поздно, да и бесполезно, – через мгновение не то, что от них, – от города ничего не останется. Все разнесет вдребезги. Единственное спасение – это исчезнуть отсюда, переместиться в безопасное место. Надо спешить, иначе волна через считанные секунды накроет их.

Саня прижимает к себе оцепеневшую от испуга Риту… и они оказываются на Серебрянке, возле их палатки.

Саня оторопело смотрит на Риту. Он ведь даже не успел представить себе место перехода!

– Получилось?!

– Она радостно трясет головой и прижимается к нему…

Процедуры, перевязки, осмотры… До чего ж невыносима бездеятельность! Только Рита, появляясь тайком по ночам, сидела, развлекая, до утра. Затем наступал рассвет, появлялась сестра и прогоняла ее. И Саня на весь день оставался один.

Откуда у тебя эти шрамы? – спросил как-то доктор, рассматривая исполосованное застарелыми рубцами тело Сани. Саня рассказал, как вскоре после первого прыжка Риты над горизонтом на востоке поднялась темно – серая стена, которую даже солнце по утрам не в состоянии было пробить своими лучами. Все кругом затянулось серой неосязаемой дымкой, дальние дали потеряли свою ясность. Горизонты смазались и растворились в этой дымке. Даже солнце, утратив свою яркость, превратилось в тусклый желтый диск, что при пусть слегка и сероватом, но все-таки безоблачном голубом небе вызывало беспокойство и тревогу. Саня решил, что наступило обычное солнечное затмение, – ведь при нем всегда так бывает. Но затмение тянулось уже несколько дней, что было неестественно. Тогда Рита объяснила, что это вовсе не затмение. Там, на востоке, где стоит серая стена, горят леса. Так бывает при таежных пожарах. Ей уже приходилось сталкиваться с такими случаями. И действительно, во рту появилась сухость, горло противно першило, как от дыма.

Саня, не умевший спокойно сидеть на месте, отправился разведать обстановку и попытаться предпринять какие-нибудь меры для ликвидации пожара. Риту уговорил ждать его на Серебрянке.

Сначала он перепрыгнул в свой город. Последствия прошедшей волны он представлял, но явь оказалась намного

трагичней. Вода уже сошла, но от былого величия человека не осталось ничего – ни деревца, ни здания. Всюду, куда ни кинь взор, расстилалась однообразная грязевая равнина, испещренная лужами и озерами мутной воды. Все здания оказались разрушенными. Лишь кое-где под скользкой глинистой грязью угадывались груды кирпичей и стеновых блоков, бывших когда-то высокими стройными зданиями, да высовывалась из них скрученная арматура. Река, будто еще не насладившись местью, пробила себе новое русло прямо через город, довершая его гибель. Из воды торчали обнаженные подземные коммуникации, нависали грозящие ежеминутно рухнуть асфальтовые участки улиц и размытые фундаменты домов.

От увиденного у Сани тоскливо сжалось сердце. Нет у него больше родного города, в котором он когда-то родился и вырос. От страны тоже ничего не осталось, – все ее население разбрелось по планете. К чему теперь расстраиваться, – одернул он себя, – когда сейчас вряд ли найдешь хоть одного человека, не потерявшего свою родину. Сейчас родина любого – вся Земля, вся планета. Нет разделения на страны, народы, нации. Единый город, единая страна – Земля.

Собравшись с мыслями, Саня обратил внимание на север, куда переместилась серая стена. Заняв половину небесного свода, приняв черный грязевой оттенок, она показалась ближе и грознее.

Определив вдали возвышение, показавшееся с виду надежным, Саня перепрыгнул туда. Затем снова подыскал подходящее место и повторил прыжок. Так он постепенно, преодолевая с каждым шагом по несколько километров, будто на нем были надеты сказочные сапоги – скороходы, углублялся в дымную стену, которая, отодвигаясь, окружала его со всех сторон, укутывая в свой туманный саван. Идти с каждым шагом становилось все труднее. Дальние ориентиры исчезли, а ближние, едва различимые в зыбком сером месиве, оказывались предательскими. Саня провалился несколько раз в грязь и оказался вымазанным с ног до головы. От едкого дыма слезились глаза, кашель сотрясал тело. Саня уже подумывал о возвращении, но решил продержаться еще сколько сможет.

Сумрак сгустился настолько, что солнце едва пробивались сквозь пелену и угадывалось только по еле видимому ореолу. Саня уже не выбирал путь, а наугад перескакивал с места на место. Это чуть не погубило его. Перепрыгнув в очередной раз, он очутился по колено в жидкости. Что это была за жидкость, он разгадал позднее. А пока было только ощущение, что ступил в кастрюлю с кипятком. Кругом был огонь. Море огня. Языки пламени плясали по нефти, лизали ее жаркими языками.

Нестерпимый жар вызывал ощущение раскаленной сковородки. Одежда и волосы вспыхнули мгновенно. В следующее мгновение Саня исчез.

Рита опешила, когда из небытия перед ней возник пылающий факел и покатился по полу. Она упала на этот факел, крепко обхватила его, несмотря на жуткую боль, и представила мысленно воду – море, океан воды.

Позже они пришли к выводу, что та гигантская волна, снося на своем пути леса, деревни и города, разрушила нефтепроводы и установки Сибири. Высвободившаяся и продолжающая поступать из скважин нефть, залив Сибирскую котловину, воспламенилась и превратила этот район в ад. В память об этом вечном огне у Сани осталось шрамы от долго не заживающих ожогов.

Однажды доктор появился в палате слегка взволнованный.

– Что случилось? – спросил Саня.

Доктор помялся и, присев на краешек кровати, задал ему вопрос:

– Как ты думаешь, почему тот человек стрелял в тебя?

– Маньяк, наверно, – Саня задумался, – или охранял свою территорию. Жизнь сейчас тяжелая, голод везде. Вот он и опасался лишних ртов.

– Нет, – возразил доктор, – причина совсем в другом, – и, поймав недоумевающий взгляд Сани, продолжил. – Уже почти год прошел, как исчезли «дыры». Жизнь постепенно налаживается, входит в свою колею. Пусть многое изменилось. Пусть тяжело сейчас, голодно. Но и человек остался таким же, каким был. И эти временные трудности он преодолеет. Цивилизация восстановится в таком же виде, в каком и была. Единственное, что не укладывается в ее схему, – это вы, люди – мутанты. А, может, уже и не люди, а нечто другое. Чужое, инородное. Вы мешаете обычным людям воссоздать цивилизацию, не вписываетесь в нее. Вас боятся, ненавидят, как боятся всего нового, непонятного. Вам завидуют, завидуют вашим способностям перемещаться по всей планете, тогда как другие ограничены своим узеньким мирком. Особенно мешаете вы новым правителям, которые появляются сейчас повсюду. Даже в нашем городке, где едва ли имеется сотня жителей, появился свой мэр. Свалился, как снег на голову. Теперь ходит, командует, будто мы без него прожить не могли. И мы подчиняемся, да, подчиняемся, – качнул он огорченно головой, – а что делать? Он собрал вокруг себя горстку головорезов. Попробуй, пикни. Следов твоих в это смутное время не найдут. С вами же разговор особый. Вы неуправляемы, вольны, как птицы, Захотел – туда прыгнул, захотел – сюда. Как заставить вас подчиниться? Поэтому вы представляете угрозу нашему мэру, да

и любому другому правителю, угрозу их власти. Поэтому в вас и стреляют. Но ты не волнуйся, – потрепал он напрягшегося Саню по плечу. – Я в тебя стрелять не собираюсь. Все обстоит несколько иначе. Дело в том, что в город просочились слухи, что в больнице обитают мутанты. Кто это разнес – персонал или больные – не знаю. Да и не так уж это важно. Сегодня утром меня вызвали к мэру и учинили допрос. Я им ничего не сказал.

Доктор встал и направился к выходу. Замешкавшись у двери, он сказал:

– Будь на всякий случай настороже. Я не уверен, что мне поверили. Могут нагрянуть в любой момент. И подруге своей накажи пока не появляться.

Он ушел, поселив в Саниной душе тревогу. Пора отсюда уходить! Доктор требовал лежать в постели еще неделю. Но рана уже поджила. Саня даже изредка вставал и подолгу стоял у окна, наблюдая за чуть теплившейся жизнью городка.

Появившаяся к вечеру Рита не на шутку встревожилась, узнав о происходящем. Всю ночь они искали выход из создавшегося положения, но так ни к чему не пришли. Оставаться опасно. Уходить сейчас – значит, тоже рисковать. Мало ли что может случиться. Вдруг воспалится незажившая рана. При отсутствии специального ухода это может окончиться плохо, – рана серьезная.

Утром Рита исчезла. Саня строго – настрого запретил ей появляться, и та ушла с тяжелым сердцем. Оставшись один, Саня стал ждать, напряженно прислушиваясь к коридорным шумам. Глаза после бессонной ночи слипались, клонило в сон, но он не мог позволить себе этого.

Тишина, нарушаемая изредка больными и занятым обыденными делами медперсоналом, угнетала. Вот прошелестела накрахмаленным халатом медсестра, прокатили тележку с больным, проковылял на костылях пациент из соседней палаты. И снова тишина… Лишь весело щебечут за окном воробьи, да доносится издалека стук топора.

Вдруг в обычный шум вплелись посторонние звуки. Раздался и замолк чей-то вскрик, послышался звук упавшего тела.

Саня вздрогнул и сел в постели, лихорадочно озираясь в попытке хоть что-то предпринять. Затем вскочил, сгреб всю имеющуюся в палате одежду и тряпки, набросал в постель и прикрыл сверху одеялом. Сам отошел к двери и прислонился к стене, чтобы открывшаяся дверь могла прикрыть его в случае опасности.

В коридоре было тихо. Выждав немного, Саня решил, что ошибся, и хотел уже опять лечь в постель. Но уловил звук

лязгнувшего металла. Застыв, он расслышал шаги, крадущиеся, еле уловимые. Около двери шаги затихли.

Кто-то стоял за дверью. Саня это чувствовал по исходившей из-за нее враждебностью. Кто-то медлил за дверью, словно не решаясь открыть ее. Саня попытался представить себе это место, чтобы понять, кто это. Но не успел.

От удара ногой дверь стремительно распахнулась, чуть не сбив его с ног. Оглушительная автоматная очередь взорвала тишину. Автомат грохотал не переставая. Пули впивались в постель, вырывая из нее клочья ваты и перья, разлетавшиеся в разные стороны. Но Сани в палате уже не было. Он стоял на их излюбленном месте, на берегу горной речушки Серебрянки.

Возбуждение постепенно отпускало. Не так – то просто вырваться из когтей смерти и сохранить при этом спокойствие.

Саня присел на мягкую моховую подстилку и прислонился спиной к холодной скальной поверхности.

Многое здесь изменилось за прошедшие годы. Еле видимая раньше тропинка исчезла совсем. На поляне буйно разрослась трава, скрыв из глаз угли и камни очага. Даже палатка, которую они с Ритой решил не трогать, истлела и обрушилась, скрывшись под слоем осыпавшейся хвои. Ничто уже не напоминало о былом присутствии здесь человека. Рита и Саня, неизменно возвращавшиеся сюда в минуты опасности и разлуки из-за выработавшегося неосознанного рефлекса, старались ничем не нарушать эту девственную чистоту.

– А где же Рита? – подскочил внезапно Саня. – Как бы не вздумала она появиться сейчас в больнице. – И он вызвал образ пещеры.

Для жилья они оборудовали обнаруженную после недолгих поисков чуть ниже по течению пещеру. Вход в нее Саня нашел случайно, углубившись в кустарник, разросшийся под высокой отвесной стеной. Узкое отверстие у самой земли сначала не привлекло его внимание. Когда же он, решив проверить его на всякий случай, прополз на животе, измазавшись в холодной вязкой глине, внутрь, ожидания его были вознаграждены.

Пещера состояла из двух залов. В переднем, небольшом, метров пяти в поперечнике, было ужасно холодно. С покрытых инеем стен и низкого, над самой головой нависавшего свода свисали сосульки. Ноги на обледенелой глинистой земле скользили, и Саня, поскользнувшись, больно ударился коленом о выступающий камень.

Зато второй зал, куда можно было пробраться уже полусогнувшись, превзошел все ожидания. Обширный, высокий, с ровными стенами и сферическим сводом, он идеально подходил

для их целей. К тому же, как ни странно, в этом зале было сухо и тепло по сравнению с первым. Сухие стены и потолок, песчаный пол, прохладный, но не промозглый климат. Саня с первого взгляда решил обосноваться именно здесь.

С пещерой пришлось изрядно провозиться, чтобы привести ее в надлежащий вид. Они выровняли идущий немного под уклон песчаный пол, завалили камнями и замуровали глиной вход. Он им был не нужен, – стоило только представить себе пещеру, и они тут же оказывались внутри ее. Много времени ушло на то, чтобы придать ей комфортабельный вид. Саня натащил сюда ковров, поставил в центре печь, разместил по указанию жены диваны и кресла. От небольшого, но мощного генератора провел электрическое освещение и отопление. Мебель и оборудование, брошенное, бесхозное, несложно было найти в это время. Особенно велика была их радость, когда Рита, опасаясь, что дым от печи прокоптит все вокруг, затопив ее, убедилась, что дым не скапливается в зале, а уходит в незамеченное ранее небольшое отверстие, прятавшееся за изгибом стены. Изрядно поплутав по извилистому узкому ходу, Саня обнаружил целую галерею залов. Там они разместили склады продуктов, топлива, книг, оружия, различных приборов и инструментов. Туда же перенесли силовую установку и печь. Али-баба и граф Монте-Кристо, побывав в этой пещере, позавидовали бы им. Но самое главное, – это полная безопасность, которую гарантировало им это убежище. Только здесь Саня чувствовал раскованность, защищенность. Только здесь ему не нужна была предельная настороженность и собранность. Только здесь он мог целовать Риту, не чувствуя неприятной беззащитности своей спины.

В пещере стоял мягкий полумрак от нескольких затаенных в складках стен светильников. Рита, разметавшись в беспокойном сне, лежала в постели.

Саня осторожно опустился рядом, но Рита, вздрогнув, открыла глаза.

– Ты!? – она прильнула к нему, – пришел. А мне кошмары всякие снится. Боялась за тебя. Как хорошо, что ты пришел! – Она оторвалась от Сани и тревожно заглянула ему в глаза. – Они приходили, да?

Саня кивнул головой.

Ее глаза лихорадочно заметались по нему.

– Все в порядке, – успокоил ее Саня.

– А доктор?

– Не знаю. Не до него было. Сам еле ноги унес.

– Надо узнать, что с ним, – забеспокоилась Рита. – Еще пострадает по нашей вине.

– Не сейчас, – притянул ее к себе Саня. – Они еще там. Опасно. Попробуем пробраться туда ночью. Только я не знаю, где доктор спит.

– Я знаю, – сказала она. – Я у него бывала ночью. Лекарства приносила.

Среди ночи они оказались в маленькой каморке, где с трудом разместились стол и кровать. На кровати спал, не раздевшись, доктор. Разбуженный, он первым делом кинулся к двери и запер ее на ключ, а затем уже обрушился на незваных гостей.

– Вы с ума сошли! – яростно зашипел он. – Здесь засада. Эти головорезы засели в твоей палате и коридоры сторожат. Мигом вас так изрешетят, что и я сделать ничего не смогу. Убирайтесь немедленно!

– Сейчас уйдем, – успокоила его Рита. – Мы о вас беспокоились. Они с вами ничего не сделали?

– Сделали бы с великим удовольствием, – с сарказмом произнес доктор, – да я им нужен. Я ведь единственный врач в городе. Они это понимают и вынуждены мириться со мной.

– Может, с нами пойдете? Безопаснее будет.

– Я бы с радостью, – подумав, ответил доктор. – Но как быть с больными? Нет, не могу я их оставить.

– Жаль, что я нездоров, – вздохнул Саня. – Взял бы я вашего мэра да забросил в другое место – в пустыню или на Северный полюс. Быстро бы сбил охоту командовать.

– Не стоит мараться, – отозвался доктор. – Ну, уберешь ты его, так на смену ему другой появится, может, еще хуже этого. За меня не беспокойтесь. Не посмеют они тронуть. Я слишком заметная фигура. Если что со мной случится, от мэра и его банды ничего не останется. Все жители подымутся. А вы давайте отсюда! – он нетерпеливо махнул рукой.

– Хорошо, мы уходим, – поднялась Рита. – Я буду изредка появляться, лекарства вам приносить.

– Ни – ни – ни! – замахал тот руками, – и не вздумай! Я не хочу, чтобы ты из-за меня рисковала. Я уже обосновывал мэру твою неоценимую помощь. Представь себе, он все равно уперся, как баран. Так что не надо, обойдемся как-нибудь. А ты, – обратился он к Сане, – приходи только, если с раной станет хуже.

С приходом зимы пришлось перебираться в теплые края. Для них снова началась кочевая жизнь. Когда они бодрствовали, то двигались вслед за солнцем. Когда уставали, переносились на ночную сторону и устраивали ночевку в заброшенной лачуге или прямо в лесу, предварительно оградившись от хищников. Питались в основном овощами и фруктами, которых в тропических лесах всегда было в изобилии. Иногда Саня

подстреливал птицу или мелкое животное, и они устраивали пир, разрывая зубами сочное, запеченное на костре мясо.

Оказавшись как-то на небольшой возвышенности, они заметили внизу бегущего человека и гнавшегося за ним носорога. Саня выхватил пистолет, но Рита, заметив странное несоответствие в поведении разъяренного животного и его жертвы, остановила его.

Человек бежал слишком быстро! Так люди не бегают. Носорог при своей стремительной скорости никак не мог приблизиться к нему ни на метр.

Наконец, поняв, что жертву не догнать, носорог остановился. Остановился и человек. Но не просто остановился. Он направился к зверю, кривляясь и жестикулируя на ходу. Зверь ринулся вперед, нацелив свое грозное оружие на настырную букашку.

Рита, вскрикнув, вцепилась Сане в руку, но ее испуг оказался напрасным. Рог зверя прочертил дугу на пустом месте. Он в растерянности закружился на месте, отыскивая врага.

Человек, скрестив руки на груди, спокойно стоял в стороне. Рывок зверя в его сторону, – и он опять исчез. Чтобы тут же появиться в другом месте.

– Во дает! – восхищенно произнес Саня. – Такой же, как и мы. Только я так не могу.

Неизвестный продолжал забавляться с животным, исчезая у того из-под самого носа и появляясь то сбоку, то сзади у освирепевшего вконец зверя. Наконец носорог выдохся и остановился, тяжело водя боками и уставившись налитыми кровью глазами на своего истязателя. Рискованные попытки противника уже не могли сдвинуть его с места.

И тогда человек исчез и появился… на спине носорога. Ошеломленный таким надругательством, зверь рванулся вперед. Но странное существо, с трудом удерживая равновесие, упорно держалось на его спине. Носорог предпринял последнюю попытку. Резко остановившись, он упал на бок и принялся кататься на спине. Поднявшееся облако пыли скрыло их от глаз зрителей.

– Раздавил? – прошептала срывающимся голосом Рита.

– Вряд ли, – ответил Саня. – Вон как ловко он с ним управлялся.

– Вот и доуправлялся, – на глазах у Риты навернулись слезы.

– Вы кого-то ищете? – раздался сзади голос.

Они повернулись. Перед ними стоял тот, кто только что забавлялся с носорогом.

Встреча с Питером, как звали бесстрашного укротителя

носорогов, послужила толчком для развития способностей у наших героев. Саня теперь уже не обходил стороной попадавшихся на пути хищников и доводил их до изнеможения, оттачивая свою ловкость и мастерство. Не обходилось, конечно, без царапин, укусов и ушибов, но эти небезопасные игры увлекали. Да и в сегодняшней жизни, полной опасностей и риска, техника перемещений могла пригодиться. Поэтому Саня часами мог гоняться, подобно Тарзану, по деревьям за обезьянами, играть в кошки – мышки с разъяренным тигром или же, оседлав антилопу, мчаться в пыльной туче посреди обезумевшего стада. Рита в таких рискованных играх не участвовала, – не могла пересилить в себе страх. Поэтому в роли дикого зверя перед ней обычно выступал Саня. Они подолгу гонялись друг за другом по холмам и перелескам, теряя и вновь находя друг друга. И как же велика была радость победителя, поймавшего наконец-то свою неуловимую жертву.

На этом Саня не остановился. Запрыгнув как-то на цветок и тут же смяв его, он не успокоился. Через месяц он уже мог стоять на одуванчике в течение нескольких минут, не шелохнув ни пушинки. А когда на глазах у изумленной девушки он прошел по реке от берега до берега «аки посуху», она восторженно захлопала в ладоши и провозгласила Саню «новоявленным Иисусом».

Но и этого Сане было мало. Освоив сушу и воду, он начал поглядывать вверх на свободно парящих в небе птиц. А потом наступил и тот момент, когда Саня, искупавшись несколько раз в выбранном для безопасности озере, поднялся в воздух и поплыл, раскинув руки, словно парящий орел.

Единственно, что было плохо при таких тренировках, – это неизбежно сопутствующая им головная боль. Ведь основная нагрузка приходилась на мозг. Нужно было одновременно следить за своим положением в пространстве, выбирать и хранить в памяти сразу несколько точек предполагаемых перемещений и успеть, мгновенно сориентировавшись, оказаться в безопасном месте или же в течение нескольких секунд трассирующе проскочить через несколько точек. Со временем вырабатывался автоматизм, и тяжесть в голове становилась все реже.

Костер ярко пылал, потрескивая. Искры стаей уносились в небо, затухая, словно падающие звезды. Смутные тени, отодвинувшись, загустели и уплотнились, отчего звезды приблизились и засияли еще ярче.

Саня лежал у костра, уставившись в ночное небо, усыпанное мерцающими искорками. Рита, пристроившись на его руке, тихо посапывала во сне.

Да, оторвались они от людей, отошли в сторону. Двинулись

по своему пути, неизведанному, неясному до конца. Великим даром оказалась способность к перемещениям, без которой вряд ли выжил бы и он, и Рита, благодаря которой они теперь вместе. Но тяжела оказалась оборотная сторона, этот крест, который им придется теперь нести до конца дней своих. Обычные люди живут себе потихоньку в своих городах, работают, из сил выбиваются, чтобы преодолеть разруху и голод – последствия катаклизма, нагрянувшего неожиданно и растянувшегося почти на год. Катаклизма, парализовавшего цивилизацию и унесшего миллионы человеческих жизней. Живут, и ничто в их жизни не изменилось. Разве что немного тяжелее стало без привычных атрибутов цивилизации – транспорта, электричества, телевидения, связи. И только они – жалкая горстка людей – мутантов, Новых людей, овладевших способностью мгновенно оказываться в любой точке планеты, бродили по ней в растерянности, не желая жить по – старому, но и не зная, как жить по – новому при своих возможностях. Прав тот доктор, что лечил Саню, – нет им места среди обычных людей. Захочется разве приковать себя к одному месту, вставать утром и спешить на работу, чтобы обеспечить себя куском хлеба к обеду, возвращаться поздно вечером в свой опостылевший дом, ложиться в опостылевшую кровать, зная, что перед тобой открыт весь мир, любой закоулок тебе доступен. Недели не пройдет, как бросишь все и пойдешь опять бродить по свету. Разве что полностью отречься от своего дара и, терзая себя, коря и проклиная, вести оседлую жизнь, дожидаясь, пока не исчезнет, не атрофируется эта способность. А потом вся оставшуюся жизнь сожалеть об этом. Нет, чужие они в этом мире. Чужие для людей, обделенных этим даром. Ни за что не согласятся те жить с ними рядом одной семьей, чтобы постоянно тайком не завидовать, не травмировать свои ущемленные души. И нет никакой возможности отделиться, чтобы не мешать друг другу. Обычные люди повсюду и Новые всюду. Хоть Новых и очень мало, но пути и тех, и других постоянно пересекаются. Что-то еще будет, что-то должно произойти. Не смогут обычные терпеть Новых вечно.

От таких мыслей у Сани на душе заскреблись кошки. Рита, организм которой также перестраивался, приобретая способность к чувственному восприятию, беспокойно зашевелилась во сне. Чтобы не беспокоить ее, Саня отогнал тяжелые мысли и стал следить за полетом искр, веером рассыпающихся меж звезд и затухающих в ночи. Взгляд его стремился то за одной, то за другой, прослеживая их короткий жизненный путь. Опять просочились непрошенные мысли о быстротечности жизни. Саня усилием отогнал их прочь.

Одна искорка, словно следуя его желанию, не гасла и упорно продолжала свой путь. Саня долго следил за ней, удивляясь ее живучести и ожидая, что она вот – вот мигнет в последний раз и растает. Но она упорно пробиралась меж звезд, приближаясь к горизонту, пока не затерялась в листве деревьев, окружавших лужайку. И только когда она исчезла, Саня подскочил от неожиданно пришедшей в голову мысли.

– Что случилось? – мгновенно вспрянула Рита. – Опасность?

– Нет. Все спокойно, – успокоил ее Саня. – Извини, милая. Нечаянно. Спутник увидел.

– Ну и что? – пробормотала Рита, погружаясь опять в сон. – Спутник как спутник. Что тут особенного?

– А вдруг это не спутник. Помнишь, месяца за два до появления «дыр» наши корабль запустили на станцию. С космонавтами. Может это они кружат уже который год над Землей.

Рита молчала.

Саня улегся рядом и попытался заснуть. Сон не приходил. В голову настойчиво лезли мысли о летающем вокруг Земли космическом корабле, о его обитателях. Каково им там? Без связи с Землей, прервавшейся внезапно, не догадываясь о том, что здесь произошло, летят до сих пор во тьме, и бесконечен их путь. Если только живы еще…

Но какая же мысль мелькнула у него, когда он догадался, что это космический корабль? Как Саня ни старался, вспомнить ускользнувшую нить рассуждений так и не смог. Отчаявшись, он отмахнулся от нее. Но космонавты не выходили из головы.

Если они еще живы, надо их выручать. Как неоднократно выручали они потерянных бредущих путников, встречавшихся на их пути, перенося их в родные места. Также и с космонавтами – Никто, кроме Новых, не в состоянии вызволить их из неожиданного космического заточения. Помочь им должен он, Саня. Иначе мысль о гибнущих в космосе людях не даст ему теперь заснуть спокойно и будет приходить каждую ночь. Пусть не его вина, что они оказались в таком положении, но уже одно то, что он мог бы их спасти, но не сделал этого, отравит всю жизнь. Перед глазами вечно будут стоять эти люди, даже если их уже давно нет в живых.

Помаявшись немного, Саня подсел к костру и подбросил сучьев. Костер, очнувшись, весело взметнул в небо алые языки пламени.

Как же до них добраться? Просто представив себе каюту корабля, которой он никогда не видел, разве что по телевизору, – невозможно. Можно оказаться не внутри корабля, а снаружи. Это

равносильно неминуемой смерти. Успеет ли он вернуться в этом случае на Землю – неизвестно. А если даже и попадет сразу в корабельный отсек, есть ли гарантия, что там до сих пор имеется воздух? – Нет. Значит, нужен скафандр. В нем ему уже ничто не угрожает. Скафандр наверняка можно найти на космодроме. Только как быть с Ритой? Ее в такое опасное мероприятие брать нельзя. Рисковать лучше одному. Значит, надо уходить сейчас, пока она спит. Иначе от нее не отвяжешься. Еще уговорит взять с собой.

– Иди! – вдруг внятно произнесла Рита.

От неожиданности Саня вздрогнул. Повернувшись, он встретился глазами с Ритой.

– Иди, – повторила она, – раз надо. Только помни, – я без тебя жить не буду.

– Ты не спала? – Саня глуповато улыбнулся. – А я думал… Ритушка, ты извини. Я бы взял тебя, но…

– Я все понимаю, – перебила его Рита, – и не надо ничего объяснять. У нас, женщин натура чувствительнее, тоньше, так что я твои мысли воспринимаю лучше, чем ты мои. Только не рискуй без надобности, помни обо мне.

– А ты как здесь одна будешь? – Саню мучило запоздалое раскаяние. – Может, пока на Серебрянку уйдешь, в пещеру?

– Обо мне не беспокойся, Санечка, – Рита подобралась к нему и обняла. – Я со своим обостренным чутьем вне опасности. Любого хищника за версту услышу, запах его мысли учую.

– Тогда жди меня здесь. Я, самое большее, за день управлюсь.

Рита вздохнула.

– Я одна отсюда не уйду. Хоть всю жизнь буду здесь ждать. Понял!?

Изрядно помотавшись в поисках космодрома, заскочив по ошибке в пару городов, где его появление вызвало переполох и ружейные выстрелы, Саня достиг, наконец, искомого места. Он очутился на бетонной площадке, над которой высились наклонные ажурные мачты – захваты, удерживавшие когда-то космический корабль на старте. Запустение царило кругом. Мачты, искореженные, поржавевшие, поскрипывали, качаясь на ветру и, казалось, вот-вот рухнут на занесенную песком площадку. Яму – откос, отражающую мощь огненных струй, наполовину засыпало барханом, подобравшимся вплотную к площадке. Занесенная песком железная дорога вела к маячившим вдали домам небольшого городка.

– Он, – решил Саня.

Памятуя о выстрелах, встречавших его в городах, он решил

пробираться в город незаметно. Можно было подняться в небо и разглядеть все досконально оттуда. Но была вероятность, что его могут случайно обнаружить. Преодолев за несколько прыжков разделяющее их расстояние, Саня забрался в здание на окраине городка.

По комнатам, проникая сквозь лишенные ставней окна, гулял ветер, гоняя из угла в угол мусор по занесенному песком полу. Все деревянные части исчезли, обнажив кирпичную кладку, и здание приобрело запущенный нежилой вид.

– Неужели никого не осталось? – подумал Саня, но тут уловил посторонний звук, который ни с чем невозможно было спутать. Звук барабанного боя. Монотонный, сухой, он наводил аналогию с былыми приключениями Сани.

– Туземцы из Африки? А что, вполне возможно.

Саня выбрался из дома и, оглядываясь по сторонам, остерегаясь редких прохожих, тщательно прицеливаясь к очередной точке перехода, запрыгал по пустынным улицам к центру города на звуки барабанного боя.

Благополучно добравшись до улицы, выходящей на площадь, он подкрался до угла дома и выглянул.

По площади маршировало войско. Но какое войско! Разношерстные, одетые как попало солдаты, держа в руках кто автомат, кто винтовку, а кто обыкновенную двустволку, старательно чеканили шаг сапогами, ботинками, тапочками и даже валенками. Их нестройный топот заглушался боем нескольких барабанов, по которым усердно колотили одетые в лохмотья барабанщики. На ступеньках величественного помпезного здания стояла небольшая группа одетых по – военному субъектов, наблюдая за парадом и изредка отдавая команды подбегавшим снизу чинам. Среди них выделялся офицер в обшитой золотом кокарде. Саня постарался его запомнить, – возможно, он еще понадобится.

Неожиданно раздавшийся над головой женский визг нарушил ход парада. Ряды сломались. Одни солдаты бросились под защиту здания, другие попадали на землю и защелкали затворами.

Саня мгновенно оценил обстановку. Визжала женщина, стоявшая на балконе над его головой и указывающая на него пальцем. Как это он оплошал, не обратил внимания на окна и балконы прилегающих к площади зданий! Но, увы, время вспять не повернешь. И, прежде чем первые пули настигли его, Саня уже затаился на крыше соседнего дома. Вжавшись в липкий, расплывшийся от жары гудрон, он напряженно прислушивался к раздававшимся внизу выстрелам, крикам и топоту ног.

Вскоре выстрелы смолкли. Саня осторожно выглянул из-за

выступа, опоясывавшего плоскую крышу дома. Внизу по улице двое солдат тащили за ноги труп какого-то человека. Голова его, залитая кровью, безжизненно моталась, ударяясь о выступы и рытвины полуразрушенного асфальта, оставляя за собой кровавую неровную дорожку. Трое солдат, следовавших сзади, что-то оживленно обсуждали.

Внезапно позади них из подъезда выскочила женщина в распахнутом халате и с плачем бросилась за ними. Тогда один из них неспеша развернулся, поднял винтовку и выстрелил. Женщина, захлебнувшись, упала на землю и замерла в неподвижности. Двое очередных, подхватив ее за руки, поволокли вслед за первым.

На площади убитых окружила толпа, послышался говор и смех. Офицеры спустились со ступенек. Толпа расступилась, освобождая дорогу, и сомкнулась за ними.

И тут на глаза Сане попался плакат, закрепленный на стене. «Очистим землю от Нечистых!» – большими буквами шло по фасаду здания.

– Вот оно, началось! – от озлобления у Сани свело челюсти.

Врезаться бы сейчас в толпу, пораскидывать винтовки и надавать каждому по шее. Или даже не надавать, – слишком мягко это для них. Шеи бы им попереломать, чтобы лежали сейчас без движения и содрогались в ожидании приближающейся смерти. Ублюдки!

Но вряд ли это поможет. Сейчас везде, пожалуй, начинается средневековье. Цивилизация, откатившись назад, вновь начинает свой разбег. Где уж тут до гуманности и человеколюбия? И не эти безмозглые молодчики ответственны за содеянное, а те, с кокардами. С них и надо начинать, вытравить эту заразу с лица Земли. Но сначала надо довершить задуманное.

Саня вытащил револьвер, провернул, проверяя патроны, барабан. И только после этого перепрыгнул внутрь помпезного здания. Солдаты и высшие чины столпились вокруг убитых и не могли сейчас заметить его.

В комнате, где он очутился, никого не было. Он приоткрыл дверь, ведущую из комнаты. В длинном коридоре, тянущемся в обе стороны и устланным бархатистой ковровой дорожкой, было пусто. Пользуясь этим, он пробежался по пустым помещениям и этажом выше нашел роскошно обставленный зал, соединенный с несколькими смежными помещениями. Одно было оборудовано под кабинет. Здесь, по-видимому, располагался один из высшего командования.

Выяснив все, что хотел, запомнив расположение и внутренний вид помещений, Саня опять оказался на крыше дома.

Отсюда хорошо было видно интересующее его окно, и он стал ждать.

Стемнело быстро. Стих уличный шум, улицы вымерли. Только в засветившемся огнями здании продолжалась жизнь. Наконец, и там стали гаснуть окна. Окно большого зала продолжало светиться. Вспыхнул свет и в кабинете.

Саня подобрался, чувствуя, как запульсировала в артериях кровь.

– Пора! – сказал он себе.

Выждав немного, он прыгнул и очутился в кабинете.

За столом сидел тот, с позолоченной кокардой. Фуражка сейчас лежала рядом, а сам он, приобретя затрапезный канцелярский вид, углубился в бумаги, поблескивая в свете лампы лысиной. Больше никого в кабинете не было.

Сидевший, заметив какое-то движение, поднял недовольно глаза. Увидел перед собой чужака с изуродованным шрамами лицом, державшего в руке пистолет, встретился с жестким взглядом сухих безжалостных глаз. Он побледнел, челюсть его отвисла. Трясущиеся руки невольно потянулись вверх.

– Н – не убивай! – пролепетал он дрожащими губами, прочитав в Саниных глазах свой смертный приговор. – Я сделаю все, что прикажешь.

– Жить хочешь, мразь! – процедил Саня сквозь зубы, сдерживая себя, чтобы не спустить курок. – Те, на площади, тоже хотели жить. Но твои мерзавцы их не пожалели.

– Они Нечистые, – забормотал тот, но тут же осекся.

Ты верно подумал. Я – Нечистый, как ты нас называешь. А вот те не были Нечистыми, но вы их все равно не пощадили. Почему?

– Ошиблись. Бывает, – лысый, почувствовав, что конец оттягивается, осмелел. – Но это даже к лучшему. Народ успокоится.

– Разве народ напуган?

– А как же? – взвизгнул лысый. – Ведь это вы, Нечистые, сделали с нами это. Это от вас все наши беды, голод и разруха.

– Вот оно как? – опешил Саня. – Ловко вы повернули все против нас. Интересно, как же я, бывший студент, обычный человек, только приобретший из-за блужданий по «дырам» такую способность, мог такое сделать? Нет, здесь что-то не так. А ну, признавайся, – поднял он грозно револьвер, – кто надоумил? Откуда получил такие указания?

– Не знаю, – заверещал лысый, закрываясь руками. – Передали по рации.

– По рации? – удивился Саня, невольно опуская оружие. – У вас уже связь восстановилась? Туго нам будет, если так, –

подумал он.

– У нас мощная радиостанция, – самодовольно похвастался лысый, увидев, что опасность миновала, – и автономная энергоустановка. Поддерживаем контакт со многими точками планеты.

– Кто передал указание? – повторил Саня вопрос.

– Не знаю, – поморщился брезгливо тот. – Какой-то новоявленный Властелин Земли, как он себя называет.

– Да – а, – протянул Саня, – не постеснялся назвать себя таким громким именем. – Он вспомнил одного претендента на этот пост, от которого ему чудом удалось ускользнуть.

– Мы с ним не имеем ничего общего, – поспешил заверить его лысый. – Он сам по себе, а мы сами по себе. У нас свой город – государство, независимый.

– Почему же тогда вы выполняете его указания?

– Нам это на руку. Народ бедствует, неуправляемый стал. Того и гляди, самому голову оторвут, несмотря на то, что я ночей не сплю, делаю все, чтобы ему лучше жилось. Надо было людей успокоить, найти виновника всех бед. Вот и воспользовались этим предложением.

– А вы не подумали, что гибнут при этом невинные люди? Сегодня двоих таких убили. Нас собираетесь уничтожать. Завтра пойдете стрелять направо и налево, не разбираясь, кто прав, а кто виноват. Знаешь, чем вы отличаетесь от инквизиторов? Тем, что не сжигаете людей на костре, а милосердно посылаете им пулю в сердце. Невелико отличие, верно? – горько усмехнулся Саня.

– Ну ладно, – продолжил он. – Я не затем пришел, чтобы вбивать в ваши тупые головы прописные истины о милосердии и любви к ближнему. Все равно не поймете. Ты знаешь, что над Землей до сих пор кружит корабль с космонавтами на борту?

Лысый молча помотал головой.

– Космонавтов надо выручить, спустить их на Землю. Кроме нас сделать это никто не в состоянии.

– О, это великое дело, – высокопарно произнес лысый. – Народ Земли будет благодарен вам навеки.

– Если не пристрелит из-за угла, – оборвал его Саня. – Чтобы попасть на корабль, нужен скафандр. И ты мне его дашь, – добавил он угрожающе.

– Конечно, конечно, – засуетился лысый. – У нас сохранились склады, правда, пограбленные. Но скафандры там есть. Кому они нужны, – он метнулся к сейфу в сене, покопался и вытащил сверток. – Вот план города. Так, сейчас, – заводил он пальцем по карте, – вот, нашел, – ткнул пальцем в квадратик. – Здесь склад, в котором мои ребята обнаружили скафандры. Иди туда и выбирай

любой.

– Мы пойдем вместе.

– Хорошо, – смирился лысый. – Я только предупрежу охрану.

– Не надо, – Саня подошел, схватил его за плечи и вперил взгляд в выцветшие белесые глаза. – Думай о складе, представляй в нем место, где ты уже был, и куда нам нужно попасть.

Лысый задергался, но под действием Саниных тисков сник и, всхлипывая, опять начал бессвязно просить не убивать его. В это время в холле послышались шаги, и дверь распахнулась. Саня, обернувшись, успел заметить только фуражку с кокардой, испуганные навыкате глаза, искривленный в крике рот и пальцы, лихорадочно царапающие кобуру. В следующее мгновение человек упал. До Сани дошло, что стрелял он сам, опередив офицера.

Во внутренних покоях послышались крики, топот и лязганье металла. Через несколько секунд охрана будет здесь, и Саня не успеет.

Шорох заставляет его обернуться.

В руках у лысого неизвестно откуда взявшийся пистолет. Гремит выстрел, но пуля пронзает воздух. Сани там уже нет. Он появляется у того за спиной и с наслаждением всаживает ему пулю между лопаток.

Все это занимает считанные секунды. Топот слышен все ближе и ближе. Последнее, что успевает сделать Саня перед своим исчезновением, – это сгрести в горсть бумаги на столе. Перед вбегающими в следующее мгновение солдатами предстает загадочная картина – двое убитых и больше ни души…

Саня долго бродил по темным закоулкам забитого оборудованием склада, спотыкаясь в потемках и чертыхаясь. Склад он нашел по обрывистым смутным образам, выловленным из памяти лысого начальника. Но как отыскать в непроглядной тьме среди этого хлама нужную вещь? Наконец медленно нарождающийся рассвет, проникая сквозь узкие оконца – бойницы, облегчает его поиски. Взламывая ящики, вороша груды тряпья, забираясь по стеллажам к самому потолку, он добрался, наконец, до контейнера. Внутри аккуратно висели костюмы, крепились в зажимах колпаки и баллоны со сжатым воздухом. Особенно порадовали чудом сохранившиеся фонари с комплектом исправных аккумуляторов.

Забравшись в скафандр, он часа два провозился, определяя, какая штука для чего служит. Не разобравшись полностью, бросил это занятие и, закрыв глаза, сосредоточился. Было непросто представить себе безжизненный космос, одинокий корабль, затерявшийся в черной бездне, и себя, такого же

одинокого, внутри этого корабля…

Переход прошел успешно. Саня оказался внутри узкого тесного помещения, забитого аппаратурой. Тусклый свет чуть тлеющих ламп, казалось, не разгонял, а еще более сгущал тени. Мрак, гнездившийся за выступами и углами, навевал трепет. Отовсюду разило запустением, присутствие человека не чувствовалось. Саня решил, что попал не туда, как вдруг от его неосторожного движения все вокруг поплыло, заворачиваясь спиралями и мельтеша в глазах. Замерев от испуга, Саня подчинился и через некоторое время сообразил, что вращаются не предметы и приборы, а он сам, лишенный тяжести, крутится внутри помещения.

Попытки остановить вращение привели к обратным результатам. Саня бросило на переборки так, что если бы не гермошлем, он разбил бы себе голову или свернул шею. Выхватив взглядом из мельтешившей мешанины какую-то рукоятку, Саня мысленно ухватился за нее. В следующее мгновение он прилип к стойке, крепко вцепившись в рукоятку и ошалело оглядываясь.

– Нет, – подумал он, – ползком здесь перемещаться – последнее дело. Только прыжками вне пространства, да и то нужно сноровку заиметь.

Он сделал несколько пробных прыжков, чтобы приспособиться к невесомости, и тут краем зрения заметил движение в дальнем, скрытом в темноте конце каюты. Существо, похожее на гигантского паука, выскочило оттуда и, быстро перебирая конечностями, подбежало к Сане. От неожиданности он вздрогнул и чуть было не метнулся на Землю.

На него смотрело человеческое лицо. Но что это было за лицо! Обтянутое тонкой мертвенной кожей, с впалыми щеками, остро выпирающими скулами и носом. Безумный взгляд глубоко запавших глаз производил жуткое впечатление. Облик дополняли вконец истощенное тело с обтянутыми кожей ребрами, просвечивающими сквозь полуистлевшую одежду, и раскинутые по-паучьи руки и ноги. Вид этого существа вызывал сомнение в его принадлежности к человеческой расе.

Тонкие губы существа зашевелились. Саня поспешно откинул колпак гермошлема, чтобы расслышать, что тот говорит. В нос ударил спертый запах вони, нечистот и горелой изоляции. Видно, кондиционер работал на последнем издыхании.

– Ты вернулся, Коля, – услышал он шепот. – Я так долго тебя ждал. Я хочу есть, Коля! Дай мне кусочек своего мяса. Слава мне давал, но он давно кончился. Дай, Коля!

В его руке блеснуло лезвие. Саня еле успел увернуться от бросившегося на него существа. Сталь проскрипела по колпаку,

оставив на прозрачной поверхности борозду. Саня, переместившись за спину безумца, быстро защелкнул гермошлем и приготовился к встрече стремительно приближающегося человека-паука. Выбрав момент, он представил, как хватает его за руку с ножом. В следующий момент они, крепко сцепившись, борются, пытаясь подмять противника под себя. В условиях, когда нет ни верха, ни низа, выполнить это непросто. Явное преимущество было на стороне хозяина корабля, привыкшего за эти годы к невесомости и теперь колотившего Саню о переборки и пытающегося дотянуться ножом до непрочной ткани комбинезона. При такой степени истощенности такая обезьянья ловкость!

Чувствуя, что проигрывает в этой борьбе, Саня, парируя удары, собрал последние силы, обхватил сумасшедшего космонавта и бросил на Землю. Они прокатились по густой, смягчающей удары траве и затихли. Саня, пользуясь временной неподвижностью противника, выхватил нож из ослабевшей руки и отбросил в сторону.

Безумец, раскинув в стороны руки и ноги, был без сознания. Привыкший к невесомости организм тяжело принял земное тяготение. По прерывистому свистящему дыханию, по слабо, через силу подымающейся груди можно было представить, насколько ему тяжело сейчас.

Испугавшись, что слабый истощенный организм космонавта не справится с нагрузкой, Саня подхватил его и перенес в больницу. Доктор, как обычно оказавшийся на месте, крикнул санитарок, и космонавта увезли.

– Ну, рассказывай, – велел вернувшийся через полчаса доктор, – где взял такое страшилище?

Саня рассказал ему все с самого начала.

– М-да, – протянул доктор, когда он закончил рассказ, – вот уж действительно эпопея! Как тут с ума не сойти. А где другие космонавты?

– Как я понял из его слов, один из них выбросился в открытый космос. Не выдержал, по-видимому, неизвестности. Носится, наверно, до сих пор вокруг Земли, если уже не сгорел в атмосфере. Другого же наш герой съел. Есть нечего было, вот он его попросту и съел. Мной тоже хотел полакомиться, да не получилось.

– Думаю, вылечим твоего гурмана, – сказал доктор. – Сумасшествие его неглубокое, больше из-за голода.

– Ну, я пойду, – поднялся Саня. – Заскочу через неделю. Как у вас дела? Тихо? Не шалят верхи – то?

– Пошаливают, – махнул рукой доктор. – Ко мне долго

цеплялись после твоего ухода. Доказать ничего не смогли и отстали. Не беспокойся, у меня все в порядке.

Рита ждала его на том же месте. Увидев странную человекоподобную фигуру с несоразмерно большой головой, влитой в плечи, она испугалась и хотела уже махнуть куда – нибудь подальше. Но фигура скинула голову, и знакомый голос принес успокоение.

– Наконец-то! – кинулась она к Сане. – А мне всякая чушь в голову лезет. То кажется, что тебя убили на космодроме, то будто в космосе погиб. Ну как, удалось попасть на корабль?

– Удалось. – Саня рассказал ей про свои похождения.

– А на меня ягуар напал, – нервно рассмеялась Рита.

– Я же предлагал тебе в пещеру уйти, – разволновался Саня. – А вдруг бы что случилось. Я же тогда себе места бы не нашел.

– Не ругайся, – успокоила Рита. – Ничего не случилось. Поиграли с ним в «кошки – мышки» и разошлись. Надо же и мне когда-то набираться смелости, не прятаться же вечно за твою спину. Какой у тебя костюм интересный! – по-женски ловко сменила она разговор. – Это скафандр, верно? В нем можно в космосе летать?

– Можно, – отозвался Саня. – И не только в космосе. Под водой, думаю, тоже можно.

– Хочу такой костюм! – запрыгала Рита, хлопая в ладоши. – Хочу в космос! Хочу на дно моря! Хочу! Хочу!

С этого времени они переключились на необжитые человеком места. Реквизировав со склада скафандры с фонарями, баллоны со сжатым кислородом, тюбики с питательной смесью и еще ряд необходимых вещей, они теперь осваивали новые миры, недоступные простому человеку. Бродили по морскому дну, восторгаясь удивительной, неповторимой гаммой красок подводного мира, копались в остовах затонувших галеонов, разыскивая сокровища, плыли, взявшись за руки, в безбрежных просторах космоса, паря над Землей и любуясь ее голубыми океанами и серовато – коричневыми континентами, наблюдая за неуправляемой стихией облаков. Осмелев, предпринимали все более дальние вылазки – бродили по безжизненным плато Луны, плавали в густой кисельной атмосфере Венеры, увертываясь от небезопасных кислотных плевков туманных амебоподобных созданий, подолгу пропадали в невысоких лесах мохообразных растений Марса, изучая кишащую в них живность.

Во время таких блужданий Сане опять пришла в голову мысль, мелькнувшая и исчезнувшая, словно искорка в тот момент, когда он заметил звездочку космического корабля. Мысль была уже оформившаяся, зрелая.

Страсти на планете накалялись. Новые люди жили своей жизнью и не желали подчиняться новоявленным правителям. Подогреваемый властями народ все более озлоблялся на выдуманного ими врага – Нечистого. Руководство в городах и поселках обвиняло теперь Нечистых во всем, – от былых «дыр» и пришедшей с ними разрухой до неурожая в нынешнем году, эпидемий и вчерашней непогоды. Отупевший от бед, одурманенный, обманутый народ брал в руки винтовку и стрелял, не раздумывая, в мелькнувшую тень, в незнакомое лицо. На землю опускались мрачные тяжелые сумерки средневековья. Началась «охота на ведьм».

Поздней ночью они появились в чуланчике доктора. Было темно и тихо. Ни дыхание, ни шорох не выдавали чьего-либо присутствия.

Саня включил фонарь.

Доктор, отвернувшись к стене, спал, укрытый с головой одеялом. Саня легонько затормошил его за плечо, но тот не просыпался. Саня затряс сильнее, но и это оказалось безрезультатным. Доктор не желал просыпаться. Тогда Саня откинул одеяло. Рита, вскрикнув, зажала рукам рот.

На груди доктора расплылось алое пятно. Судя по количеству вытекшей крови и по спокойному выражению лица убитого, смерть настигла его внезапно и была мгновенной.

– Боже! – прошептала Рита. – За что? Кто его?

Саня вместо ответа выскочил за дверь. Гулко разнеслись по пустынному коридору его одинокие шаги. Вскоре он вернулся.

– Это что-то ужасное! – опустился он на кровать рядом с телом доктора. – Все убиты. Больные, сестры, нянечки – все. Космонавту нашему горло перерезали. Никого не пожалели. И везде действовали холодным оружием, огнестрельных ран не видно.

– У кого рука на такое может подняться?

– Сиди здесь, – приказал Саня, подымаясь, – или уходи в безопасное место.

– Я с тобой, – поняла его Рита.

– Нет, – твердо сказал он. – Это опасно. А с тобой будет опасней вдвойне. Труднее охранять нас двоих, чем себя одного.

– Может, не надо, Саня, – в глазах ее стояли слезы. – Я боюсь за тебя. Ничего уже не исправишь. Пусть живут, как хотят. Сами разберутся. Нам – то что до них?

Саня в ответ указал на труп доктора. Рита кивнула, отступила на шаг и исчезла.

Оставшись один, он заметался по больнице в поисках живого существа. Кругом были одни трупы – холодные, окоченевшие, с

застывшими в оскале ртами. По спине пробегал неприятный холодок. Сане уже казалось, что он сам труп, что мертвецы оживают, зловеще улыбаются и подмигивают ему. Хлопнула входная дверь, и на лестнице послышались тяжелые шаркающие шаги. Они медленно приближались, вызывая в душе Сани нарастающий безотчетный ужас. Ноги, получившие мысленный приказ бежать, стали вдруг ватными и не могли сдвинуться ни на шаг. Шаги слышались все ближе и ближе. На стенах заиграли отблески огня, и из-за угла выплыл мерцающий огонек.

– Уф! – выдохнул облегченно Саня. – Ну и напугали вы меня, баба Шура.

Свечку держала в руке старушка, работавшая в больнице нянечкой. Саня запомнил ее по вечному полушутливо – полусерьезному ворчанию и неунывающему характеру.

– Явился! – покачала она головой.

– Что здесь произошло, бабуля? – кинулся к ней Саня.

– Тебе ли не знать, милок, – вздохнула бабка. – Не шлялся бы здесь так часто, все были бы живы – здоровы. Ан видишь, как вышло?

– Расскажите все по порядку.

– Что рассказывать – то, – начала бабка. – Хозяин – то наш давно недоволен был доктором. С норовом-де, власти подчиняться не желает, с Нечистыми, ну, которые не совсем как люди, с вами, то есть, – она кинула на него виноватый взгляд, – якшается. Тут Нечистых стали винить во всех наших бедах, а недавно по городу поползли слухи, что в больнице логово Нечистых.

– Вчера иду на дежурство, – продолжала она. – Темно уже, ночь на дворе. Вижу – тени в окнах пляшут, да такие жуткие. Испугалась я, но любопытство осилило. Если, – думаю, – это Нечистые оргии устраивают, то нужно будет полицию вызвать. Мне-то терять нечего, – сегодня умру или завтра, – все едино. Я свое уже прожила.

Пробралась я потихоньку сквозь кусты к окнам. Гляжу, – а это сами полицейские во главе с хозяином, да что делают! Ужас прямо! Всех под нож – и больных и здоровых. Вот и доктора нашего тогда же… Видел, небось?

Саня кивнул головой.

– Дальше.

– Испугалась я, ясное дело. А ну, как поймали бы меня? Тоже бы как курице по шейке ножиком – вжик! – и готово. Убралась потихоньку оттуда подобру – поздорову. О том, что видела, молчу, никому ни гу-гу. Тебе первому рассказала.

Теперь слушай, что они надумали. Хозяин объявил, что это

дело рук Нечистых. Представляешь, что будет, если увидит кто тебя? Беги, сынок, и забудь дорогу сюда. Я только из-за тебя приходила, чтобы предупредить. Другие боятся – Нечистых опасаются.

– Хорошо, бабуля, уйду. Скажи только, как хозяина найти? Кто он такой?

– Кто такой, спрашиваешь? – задумалась она. – Человек, как и все. Появился неизвестно откуда, как и большинство из нас. Сколотил команду, полицией назвал. Себя в высшие руководители определил. А на лицо-то вылитый бандюга. Вон там живет, – указала она в темное окно. – Видишь – огоньки на третьем этаже. Вот там его логово. Его самого и его банды. Постой! – встревожилась нянечка. – Ты куда это собрался? Тебе этих голов мало? Хочешь еще свою сюда добавить? Их вон сколько, а ты один. Бог их накажет по справедливости, всем воздаст должное.

– Не могу я, баба Шура, – скрипнул зубами Саня, – простить им это, простить доктора. Я буду им вместо бога. Не беспокойся за меня и прощай, – и он исчез на глазах у старухи.

Последующие события слились в сплошную кровавую пелену, озаряемую вспышками выстрелов. Саня кого-то нагонял, в кого-то стрелял. Кто-то стрелял в него. Он убегал, исчезал, перемещался трассирующей дорожкой, прыгал по стенам, потолку и стрелял, стрелял, стрелял…

Когда он уходил оттуда, никого из банды полицейских в живых уже не осталось. Хозяина, их главаря, он забросил в космический корабль, снабдив на первое время продовольствием, и оставил умирать медленной смертью. Ведь тот хотел быть выше всех, подняться над всеми. Пусть теперь летает над всеми, – он своего добился.

Неделю после этого Саня не мог прийти в себя. Целыми днями он лежал неподвижно на тахте, уставившись отрешенным взглядом в каменные складки свода пещеры. Рита насильно кормила его, отвлекала разговорами, но стряхнуть охватившее его оцепенение не могла. И только после долгого молчания спекшиеся губы его разжались.

– Невозможно, – пробормотал он, подчиняясь каким – то своим думам.

– Что? – не поняла Рита.

– На Земле образовалось два вида, две расы людей. Симбиоз, совместное существование их невозможно.

– Почему невозможно? Мы – люди и они – люди. Ничем друг от друга не отличаемся. Если бы мы превратились в кошмарных чудовищ, тогда я бы с тобой согласилась. Но мы же абсолютно

одинаковы, за исключением…

– Вот именно, за исключением. Во всю историю Земли уничтожались люди с меньшими исключениями. Истребляли за цвет кожи, за образ мыслей. Оставалась только серая безликая массовость. Наше же исключение настолько велико, что неминуемо должно привести, да, собственно, уже привело к столкновению.

– Но мы же абсолютно не мешаем им. Как и они нам. Зря ты краски сгущаешь, Саня. То, что ты видел, это отдельные столкновения на местах. Все со временем образуется.

– Сомневаюсь. Хотела бы ты сейчас стать снова обычным человеком? Чистым, как они себя называют?

Рита отрицательно качнула головой:

– Отказаться от принадлежащего мне мира, сузить всю вселенную до мизерных границ и прожить всю жизнь в таком ограниченном мирке, тоскуя по неизведанным местам, – нет, никогда!

– Вот и они, ограниченные пространственными рамками, обделенные недоступностью, влачащие свое жалкое существование в своем ограниченном мирке, никогда не могут смириться и простить нам этот дар. Будут завидовать черной лютой завистью. И постараются уничтожить нас рано или поздно, чтобы мы не стояли перед ними вечным соблазном недостижимого.

Рита молчала, опустив голову.

– Так что сейчас мы видим не отдельные столкновения, а начало системы, – продолжил Саня. – Неприязнь, нетерпение и открытую вражду встречаем уже повсюду. Присутствуем даже у истоков зарождения новой религии – религии зла. Провозглашение нас Нечистыми, нагнетание вражды со временем преобразится в религиозный фанатизм, который превратит нас действительно в нечистых, исчадия ада, и потребует истребления.

– Господи! – прошептала Рита. – Что же с нами будет? Что делать?

– Уходить.

– Куда?

– На другую планету.

– На какую? – всхлипнула Рита. – На Марс, на эту скудную землю?

– Почему на Марс? Вон сколько звезд над головой светит. Неужто не найдется у какой-нибудь из них пригодной для нас планеты? Такой, как наша? Найдется, и не одна. Сотни, тысячи планет в наших ладонях. Выбирай любую и живи.

– Не так – то просто найти подходящую, – возразила Рита. –

Все равно, что в темной комнате черную кошку.

– Зачем искать? – хмыкнул Саня. – Нужно просто представить себе такую же, как наша. Чтобы были такие же горы, моря, леса. Чтобы был пригоден для дыхания воздух. В общем, все то же, что и здесь, но только там, далеко – далеко, среди звезд.

– Ну что ж, давай попробуем, – Рита была вся сомнение. – Попытка не пытка.

– Рита! – поглядел осуждающе на нее Саня. – Мы же договорились, что рискую первым всегда я один. Мне легче отвечать только за себя одного. К тому же с твоими сомнениями вряд ли что получится.

– Хорошо, – согласилась Рита. – Только одень скафандр.

Облаченный в скафандр, Саня стоял на вершине Серебрянки, готовый к прыжку в неизведанное. Звезды загадочно мерцали в необъятных просторах космоса, манили к себе.

Вздохнув, Саня окинул в последний раз каменистые склоны, темную громаду леса, теряющиеся в ночи соседние вершины и устремил свой взор к звездам.

Ничто не менялось. Все сильнее сосредотачивался он, все сильнее, явственнее росла мысль, отметая все лишнее, сливаясь из тонких ручейков в могучую струю, устремляющуюся в бесконечные дали.

В какое-то мгновение звезды дрогнули, померкли на мгновение и тут же появились вновь. Но что с ними произошло?

Очертания звездного неба неуловимо изменились. Исчезли знакомые созвездия Большой и Малой Медведицы, Кассиопеи. Зато появились новые скопления звезд и даже размытые туманные звездные сгустки.

Неужто удалось? Санин мозг отказывался верить. Все вокруг было знакомым, земным. Скалистое ущелье, по дну которого также бежит нескончаемая речка. Лепящийся по краям ущелья тонкой полосой лес. Вырисовывающиеся на фоне светлеющего неба горные вершины. Совсем как Серебрянка, если бы… Если бы не изменившиеся очертания скал, не более светлые сумерки. Саня решил, что наступает рассвет, и что он переместился всего лишь чуть восточнее, оставшись в то же время на Земле, но, окинув взглядом небо с незнакомой россыпью звезд, замер ошеломленный.

На небе сияли две луны! Одна, большая, ничем не отличалась от земной Луны. Зато другая, вдвое меньше первой, нависшая низко над горизонтом, казалась чужеродной, словно нарисованной на черном холсте. Такого нет и не может быть на Земле.

Свершилось! Он стоял на пороге нового мира, чужого,

неизведанного, по которому еще не ступала нога человека.

Смутное воспоминание, мысль, что он уже видел эти две луны, коснулась легким крылом Сани и улетучилась. Он попытался вызвать воспоминание, но это легкое, капризное чувство не возвращалось. Ну и пусть, не так уж это и важно. Главное, что первый, самый трудный этап позади. Звезды приблизились, до них можно дотянуться рукой. Теперь вся вселенная стала доступной, любой ее уголок.

Теперь предстояло совершить следующий шаг. Саня осторожно, готовый ко всем неожиданностям и настроившийся мгновенно исчезнуть отсюда в случае опасности, приоткрыл гермошлем. С минуту он стоял, затаив дыхание и не в силах вдохнуть воздух чужой планеты. Вдруг все зря, вдруг воздух окажется непригодным для дыхания. Вдруг он, вдохнув, упадет камнем на землю, не успев отдать себе мысленный приказ перенестись на Землю.

Воздуха в легких уже не хватало. Саня начал задыхаться. Тогда грудь, выйдя из повиновения, непроизвольно вздрогнула, и легкие захватили толику чужого воздуха.

Нет, не упал! Осторожно, маленькими порциями, он втянул в себя воздух, выдохнул и вдохнул уже свободно, полной грудью. Можно дышать! Воздух, разреженный на высоте, был приятен и свеж. Так и хотелось вдыхать его раз за разом, чтобы напоить, пропитать им каждую клеточку тела.

Все складывалось удачно. Есть планета, свежая, чистая, судя по запахам, есть пригодная для дыхания атмосфера. Можно было бы сюда перебираться. Лишь бы оказалась она пустынной, лишь бы не оказался у нее свой хозяин, свой разумный обитатель. Это было третьим, последним этапом.

Поднявшись в воздух, Саня полетел над сверкающей в ночи поверхностью планеты к далекому, поднимающемуся из-за горизонта зареву.

На планете оказался один континент. Огромный, на треть планеты, он был изрезан горными разломами и реками, озерами и морями. Океан глубоко врезался в его тело бухтами и заливами. Весь день Саня прыгал с места на место, летал над дремучими лесами, горными странами, покрытыми густой травой степями и жаркими пустынями, но нигде не видел разумных существ, не встретил следов их деятельности. Мелкие животные, пугливо мелькавшие иногда в зарослях, да изрытая норами почва не относились к этим категориям. Планета была свободна и терпеливо ждала своего хозяина – человека.

– Саня, я боюсь! – бросилась к нему Рита. – В меня стреляли. Что я им плохого сделала? – и она расплакалась.

– Потерпи, немного осталось, – Саня обнял ее, ласково погладил волосы. – Скоро мы переберемся на другую планету.

– Нашел? – она оторвалась от его груди и недоверчиво заглянула в глаза.

Он кивнул головой, довольно улыбаясь.

– Совсем как наша Земля, только людей там нет. Будто специально для нас предназначена.

– Хочу туда! – Рита уткнулась ему в грудь. – Надоело бояться, прятаться, словно мы преступники. Надоела эта проклятая Земля!

– Не заговаривайся, – отстранил ее Саня. – Наша старушка тут не при чем. Это все пена людская, злая накипь во всем виновата. Еще затоскуешь по родимой сторонке.

– Это будет еще не скоро. А сейчас не желаю оставаться здесь ни минуты.

– Подожди, не спеши, – остановил ее Саня. – Мы уйдем не одни. Надо забрать отсюда всех Новых, иначе их перестреляют поодиночке.

– Мне опять ждать? – тихо спросила Рита. – Ты опять оставляешь меня одну?

– Ненадолго. Скоро мы будем вместе всегда.

Камера за эти годы не изменилась. Те же покрытые от сырости плесенью стены, деревянный топчан с охапкой истлевшей соломы.

Луч света обежал круг и погас.

Теперь надо к нему наверх, в кабинет. Путь Саня не помнил, но хорошо запомнил комнату, стол и сидящего за ним человека с острым взглядом злых глаз. Он мысленно представил себе этот кабинет и, не успев даже осознать переход, услышал тревожные крики и выстрелы, увидел пламя, вырывавшееся из ствола автомата, направленного на него. Затем все исчезло.

То ли он жив, то ли мертв? Вокруг темно, тихо. Ни дуновения ветерка, ни шороха. Пространство и время потеряли свои свойства. Саня ощупал себя. Тело есть, целое вроде бы, нигде ничего не болит. Значит, он жив!

Саня включил фонарь.

– Дьявол!

Он опять оказался в знакомой темнице, обманчивая тишина которой показалась ему концом света, его концом. Только невероятным везеньем можно объяснить то, что он целым и невредимым выбрался из этой переделки.

Что ж, место здесь тихое, безлюдное. Никто не догадается сюда сунуться. Будет его временной базой. Отсюда он будет проводить вылазки и сюда же возвращаться и отсиживаться в

случае переполоха.

Он предпринял еще несколько попыток проникнуть к шефу, исследовать подходы к его кабинету, но повсюду натыкался на охрану. Видать, не на шутку побаивался шеф незваных гостей.

Ближе к вечеру Саня залег на крыше соседнего дома и оттуда принялся наблюдать за окнами резиденции. Всюду в окнах мелькали вооруженные люди. Перед зданием ржали лошади, используемые из-за отсутствия бензина как основное средство передвижения.

Внимание Сани привлекло затемненное окно. Предположив, что там никого быть не должно, он перепрыгнул туда. Его взору открылась небольшая комната, единственным предметом которой была кровать, широкая, роскошная, с деревянными изразцами и пологом. Окно было задрапировано тяжелыми бархатными шторами, затенявшими спальную и заглушавшими уличные шумы. За шторами-то Саня и решил прятаться.

Ждать пришлось долго. Деловой шум постепенно затихал, пока, наконец, не остались слышны только мерные шаги часовых. У Сани от неподвижного стояния затекали ноги, клонило в сон, но он держался.

Тишину нарушили шаги. Дверь открылась, в комнату кто-то вошел. Щелкнул выключатель, и штора осветилась. Сквозь нее ничего не было видно, но по раздававшимся звукам Саня понял, что вошедший раздевается. Послышался шорох скидываемой одежды, заскрипела под тяжестью тела кровать, и все стихло.

Выждав с полчаса, Саня выскользнул из укрытия. При бледном свете ночника на кровати вырисовывался силуэт спящего. Саня на цыпочках приблизился и заглянул ему в лицо.

Удача! Перед ним лежал сам мафиози. То же скуластое невыразительное лицо, редкие, неопределенного цвета волосы.

Саня тронул его за плечо. От прикосновения спящий вскинулся. Испуганные глаза уставились на дуло пистолета, постепенно приобретая осмысленное выражение.

– Привет, шеф! – сказал Саня.

Мафиози перевел глаза с пистолета на него.

– Кто ты? Я тебя не знаю. Хотя лицо твое знакомо.

– Имел честь побывать у тебя когда-то в гостях и к тому же живым выбрался. Помнится, ты мне еще службу предлагал.

– А – а, – протянул шеф. – Теперь вспоминаю. Прилично тебя жизнь потрепала, – он изучающе окинул взглядом Саню. – Погоди! Ты как сюда попал? У двери же охрана. Кто пустил?

– Тс – с! – прошипел Саня. – Тише! – и для убедительности ткнул пистолетом ему в лоб.

Шеф побледнел.

– Ты из этих, – заикаясь, выдавил он, – из Нечистых?

Саня кивнул головой.

– Веди себя тихо и без шуток, – Санина рука нырнула под подушку и вытянула оттуда пистолет. – Я тебя убивать не собираюсь. Пока, во всяком случае.

– Что я должен сделать? – шеф не мог оторвать взгляда от покачивающегося перед глазами ствола.

– Дай слово, что не будешь предпринимать никаких действий, пока не выслушаешь меня. Тогда я уберу эту штуку.

– Даю.

Саня опустил пистолет и пристроился в ногах мафиози.

– Мне нужен так называемый Властелин Земли, – сказал он. – И мне почему-то кажется, что им должен быть ты.

– Почему ты так решил?

– Когда-то ты излагал мне свои грандиозные планы относительно будущего. Развернувшаяся сейчас кампания против Нечистых напоминает твои действия.

– Допустим, что это я. Что тогда?

– Хочу заключить договор на взаимных интересах.

– Какой тут может быть договор? – хмыкнул шеф. – Вы нам мешаете, поэтому вместе нам жить нельзя. Паршивых овец изгоняют из стада. Земля либо наша, либо ваша. Компромиссов здесь быть не может. Выживет сильнейший.

– Ты сначала выслушай меня.

– Хорошо. Говори, я слушаю.

– Тебе мешают жить Нечистые. Ты от них хочешь избавиться. На борьбу с ними уйдет много ресурсов, в которых ты и так ограничен, и человеческих жизней. К тому же еще неизвестно, кто выйдет из нее победителем. Мы пока еще военных действий не начинали, но возможности наши ты знаешь.

– Но…

Погоди, не перебивай. Мое предложение такое. Я обязуюсь увести всех Нечистых с Земли.

– Как же ты сможешь такое сделать? Куда уведешь – под землю, в ад?

– Это уже мое дело, куда их вести. А вот как, – тут мне нужна твоя помощь. Чтобы увести всех, нужно сначала собрать их всех в одном месте. Это может сделать только Властелин Земли.

– Ты преувеличиваешь мои возможности. Твои Нечистые неуловимы. Остановить их может только пуля.

– Они нужны мне живыми. Иначе наша договоренность теряет силу. Поэтому ты должен будешь прекратить кампанию против нас и во всех местах, с которыми твоя радиостанция держит связь, объявить место сбора Нечистых.

– Ты говоришь так, будто я уже согласился, – усмехнулся шеф.

– Прошлый раз ты мне тоже предоставил выбор – работа на тебя или пуля в лоб. Теперь аналогичный выбор представляю я тебе. Или ты мне поможешь, или… мы начинаем военные действия, – схитрил он.

– Хм! Я помогу вам собраться, а потом вы сообща ударите по нам. Пока вы разрозненны, с вами поодиночке справиться можно, хотя и с трудом. Но стоит вам объединиться, и вы непобедимы. Нет, – замотал шеф головой, – я на это не пойду.

Переговоры зашли в тупик. Шеф со своей стороны был прав. Стоило только захотеть, и, объединившись, Новые завоевали бы мир, поставив остальное человечество на уровень рабов, обслуживающих высшую элиту – элиту Новых людей. Только стоила ли игра свеч? Человеку, обладающему такими способностями, становились чужды барахтанье человечества в грязи, борьба за власть, за место под солнцем. Перед ним открывались такие дали, что на то, чтобы освоить их, изучить или хотя бы разок взглянуть на них, не хватило бы жизни. До того ли ему, до мелочных ли житейских интересов, до соседней кобылы, сожравшей твое сено? Но как объяснить все это сидящему напротив человеку, чтобы тот понял? Нет, не поймет он, не сможет вырваться из узкого обыденного круга своей жизни. Разве что…

Саня резко перегнулся и обхватил руками шефа. Тот от неожиданности замер, но тут же начал вырываться, призывая на помощь охрану. Но было уже поздно. Уже не было ни кровати, ни комнаты, ни привычного земного мира. Они катались в густой зеленой траве девственной планеты.

Убедившись, что достиг желаемого, Саня ослабил объятия. Шеф сел и, отдуваясь, стал растерянно озираться. Трава, берег озера, лесные заросли невдалеке…

– Ты куда меня забросил? – бледнея, прошептал он.

– На то самое место, куда я хочу увести своих людей. Не волнуйся, – успокоил его Саня, – я верну тебя в твою постель, только чуть позже.

– Где мы? Африка? Америка?

– Бери дальше, – рассмеялся Саня.

Дальше некуда, – пожал шеф плечами.

– Нет, это не Африка и не Америка, – сказал Саня. – Это даже не Земля. Это другая планета.

– Ну, – недоверчиво произнес шеф, – будет врать – то! И лес, и небо, и озеро – все земное.

– Сейчас я постараюсь тебя разубедить, – поднялся Саня. –

Держись за меня покрепче. Если потеряешься, я тебя вряд ли найду.

Опять, как и в первый раз, Саня теперь уже в паре с шефом летали по планете, появляясь то тут, то там. Они побывали на ночной стороне, подивились двум лунам и незнакомому звездному небу, глядели с многокилометровой высоты, на которой уже нечем было дышать, на очертания чужого континента.

– Действительно, это не Земля, – согласился шеф, когда они вернулись на берег знакомого озера. – Как она называется?

– Я назвал ее Маргариткой.

– Красивое название. И планета хорошая. Чистая, незагаженная. И безопасная.

– Да, крупных зверей здесь почему-то нет. Только мелкая живность, – Саня указал на темнеющие повсюду норы. – Под землю вся прячется, а отчего – непонятно. Разберемся со временем.

– Убедил ты меня, – сказал шеф. – Помогу вашим перебраться сюда. Я бы и сам от такой планеты не отказался, – он задумался. – Слушай, может и меня с собой возьмете?

– Нет, – покачал Саня головой. – Тяжело тебе будет без благ цивилизации, да еще прикованному к одному месту. Нам-то что, – сегодня здесь, завтра за тысячи километров. И с пропитанием легче, и с непогодой нет нужды бороться. А ведь мог стать таким же, как я. Не сидел бы, отгородившись автоматами от всего мира, понырял бы по «дырам», вот и оказался бы среди нас. А так, – развел он руками, – извини, но рожденный ползать…

– Неси назад, – оборвал его шеф, – не томи душу! Пока я не передумал.

Спустя неделю на остров Пасхи стали прибывать первые Новые. Место Саня с Ритой выбрали не случайно. Благодаря Туру Хейердалу и его «Кон – Тики» об острове знал любой человек. И попасть сюда было просто, – стоило только представить себе знаменитые загадочные статуи этого острова. Самое же главное – остров ввиду своей отрезанности от материка был абсолютно безопасен. Морские путешествия за время катаклизма сошли на нет. Вряд ли бы нашелся желающий снаряжать военную экспедицию на остров для уничтожения базы Нечистых. Поэтому здесь, как и в пещере, Саня чувствовал себя раскованным, не опасаясь неожиданностей.

Несколько аборигенов, попавших в смутное время на остров, одичавших, изголодавшихся и занимавшихся каннибализмом, пришлось, чтобы обезопасить остров, переправить на материк. К прибытию гостей приготовили импровизированные очаги,

натащили с материка кур и овец, чтобы не возникло в первые же минуты проблемы с питанием.

Число прибывающих, исчисляемое в первые дни единицами, росло с каждым днем. Люди появлялись группами, парами, а чаще всего в одиночку. Кого среди них только не было. Белые, черные, желтые, мулаты и метисы. Но всех их роднил один вид. Изможденные, обросшие лица, настороженный взгляд, потрепанная одежда.

На все вопросы Саня, негласно выбранный руководителем, отвечал недомолвками и просил набраться терпения и ждать, пока не соберется большинство. Наконец, когда поток прибывающих стал иссякать, он объявил общий сбор.

Взобравшись на наклонную статую, Саня оглядел сверху колышущуюся под ним многоликую толпу. Собралось тысячи полторы – две.

– Невелико наше племя, – подумал он. – Но то еще не все. Придут еще из далеких закоулков, до которых не донеслись наши вести. Да и наши женщины нарожают нам детей, которые продолжат род.

– Внимание! – крикнул Саня.

Толпа постепенно затихла. Кое-где еще выплескивался невнятный говор, но и там цыкали на говорящих и заставляли замолчать.

– Я собрал вас здесь для того, – начал Саня, – чтобы обсудить нашу дальнейшую жизнь. – Он остановил мановением руки разочарованно загалдевшую толпу. – До недавнего времени мы жили вполне сносно. Но с тех пор, как на нас объявили травлю, жить стало невозможно. Обычные люди, завидуя нам и опасаясь, ополчились на нас и решили стереть с лица Земли нашу маленькую группу, как уничтожали во все времена инакомыслящих. Альтернативы тут нам нет. Либо они нас, либо мы их. Так?

– Так! – загудели внизу.

– Нас две тысячи, а их миллионы. Мы можем сообща, несмотря на это, смирить их, поставить на колени благодаря своим способностям, но… – он выдержал паузу, – но хотите ли вы залить Землю кровью, обагрить свои руки кровью собратьев?

Толпа зашумела, забурлила. Местами вспыхнули потасовки. До Сани доносились крики:

– Нет!

– Да!

– Кровь за кровь!

Спрятаться!

– Братьев и сестер!..

– Тихо! – крикнул Саня. – Кто-то верно сказал. У каждого из нас разбросаны по Земле родные и близкие. Убивать братьев и сестер, отцов и матерей, детей своих, – тех, кто остался обычным человеком, – кто сможет это сделать?

Толпа притихла.

– Никто не сможет, – продолжил Саня. – Поэтому нам нужно решить, что делать дальше, как жить. Решить, пока нам еще дают такую возможность.

– Что решать – то! – крикнул кто-то. – Будем жить, как жили. Захватим Австралию ил Полинезию и обоснуемся там. А Чистых всех на другие материки перебросим.

– Не уверен, что нам будет достаточно одной Австралии. Со временем она покажется узким мирком, и захочется вырваться из заточения и побродить по всей планете, – ответил Саня. – Это Во-первых. А во – вторых, цивилизация Чистых через несколько лет окрепнет. Первые бомбы, которые она сбросит, упадут на наши головы. Никогда не сможем мы мирно жить бок обок с ними.

– Почему? Мы тоже люди.

– Люди, да не совсем. Раньше, до раскола мы все были одинаковы, все равны в своих возможностях. «Дыры» разделили нас. Одни, переборов себя, сумели сделать шаг в сторону и пойти по новому, неизведанному пути. Другие же со своим стереотипным мышлением, с боязнью нового и тягой к старому забились по щелям, пережидая смутное время. В итоге оказались на старом проторенном пути, ведущим в тупик. А тупик – то близок. Стоит только в недалеком будущем иссякнуть запасам нефти, газа, угля, – и опять наступит катастрофа для этого базирующегося на технократии общества. Катастрофа, аналогичная минувшей. Потом наступит следующий кризис, и еще. И так постоянно будет сотрясать цивилизацию Чистых, сбрасывая ее раз за разом все ниже, в грязь, в болото, не давая ей идти прямо к своему величию. Кого они будут винить во всем? Конечно же, не себя, не свой путь развития. Постараются найти виновника на стороне – в данном случае нас. Мы вечно будем стоять у них бельмом в глазу – мы, суперлюди, которым подвластно все – земля, вода, небо, любое расстояние. Вечно будут завидовать нам эти обделенные несбывшейся мечтой люди, завидовать до тех пор, пока не исчезнем мы с их глаз. А значит, и жить нам не дадут никогда спокойно.

– Что же тогда ждет нас? Смерть?

– Что ждет? Честно говоря, не знаю. Мы делаем еще только первые шаги и не знаем, что ждет на следующем. А сделать его надо, иначе за нас сделают другие. Перестреляют, как бешеных собак. И ничего от нас не останется, только смутные сказания да

легенды. Поэтому, пока этого еще не произошло, я собрал вас здесь и предлагаю сделать следующий шаг, – Саня замолк.

– Не томи, говори! – раздались выкрики. – Какой шаг?

– Я предлагаю вам выход из создавшегося положения. Это – уйти на другую планету, в другую звездную систему.

– Чушь! – крикнул кто-то.

– Нет, не чушь. Я уже отыскал эту планету. Она такая же, как наша. Та же земля, воздух, небо и вода. Только нет там ни одного человека. Опасных животных тоже нет. Чистая, девственная планета. Бери и владей. Думайте и решайте. Только имейте в виду, что перемирие заключено на месяц. По истечении этого срока на нас опять начнется охота. Я все сказал, – закончил Саня и спустился со статуи.

Весь оставшийся день и всю ночь остров бурлил. Люди сходились и расходились, обсуждая Санино предложение, выискивая слабые места, выдвигая контраргументы. Один жил в тихом местечке, где о гонениях и не слышали, другой не желал расставаться со своими обычными женой и сынишкой. Но Саня стоял на том, что переселяться должны только Новые.

– Вы посмотрите, – говорил он, – во что превратили нашу Землю. Почва, вода, воздух – все ядовито, напичкано вредными примесями. Все это – продукт нашей технократической цивилизации. Стоит только на Маргаритке появиться хоть одному Чистому, как там начнется то же самое. Он нарожает себе подобных, и цивилизация повторится. Нельзя заражать планету бациллами технократии. Поэтому и нам, идя туда, надо отказаться от всех благ этого мира, брать с собой только самое необходимое.

Этот довод был принят неодобрительно. Сане пришлось отказаться от сохранения чистоты племени, иначе многие предпочли бы остаться на Земле вопреки грозящей гибели. А если бы даже перебрались на Маргаритку, то все равно тайком протащили бы туда и простых смертных – своих близких. Ведь вернуться на Землю можно было в любое время по простейшему желанию.

Единственное, чего добился Саня, это условия того, что Чистые должны путем тренировок при помощи Новых превратиться со временем в таких же. Как произошло это с Ритой.

Сколотив группу добровольцев, Саня слетал с ними на Маргаритку, чтобы убедить их в достоверности своих слов и заручиться поддержкой. К утру споры были закончены, и все готовы к переброске. Для запоздавших решено было устроить сменяемый еженедельно пост из нескольких человек.

Лучи поднимающегося из океана солнца, позолотив барашки

волн и редкие облака на бирюзовом небе, осветили посреди пустынного океана остров, а на нем многочисленную толпу. Люди стояли молча, взявшись за руки и обратив свой взор в синюю даль. Многомерная человеческая цепочка извивалась, закручивалась в спирали, клубки. Между ее витками вздымались одинокие каменные статуи, также вперившие в даль свои застывшие безмолвные лики.

Дрогнул еле уловимо воздух, и люди исчезли. Только морской ветер порывисто метал огонь непогашенных костров да колотил о скалы и вновь осиротевшие статуи обрывки бумаг и лоскуты каких-то тряпок.

Часть третья

Солнце, застывшее огромным оранжевым диском на бледно – голубом небе, палило нещадно. В мареве миражей, дрожащих над горизонтом, угрожающе шевелились невиданные чудовища, которые не приснятся и в кошмарном сне. Многоногие, зубастые, с клешнями на концах гибких щупалец, бесформенные как амебы и еще более жуткие, неподдающиеся описанию. Эти химеры вызвали в первые дни панику среди переселенцев. Обследовав всю планету, земляне так и не наткнулись ни разу ни на одно подобное существо и успокоились. Сочли химеры отзвуком далекого прошлого, так загадочно сохраненного удивительной атмосферой Маргаритки и проецируемого в миражах. На самом деле планету населяло бесчисленное множество мелких существ наподобие земных хомяков, ведущих между собой межвидовую борьбу по каким – то своим законам, абсолютно не обращающих на человека внимания. Безобидные, пушистые, с умными мордашками, они вызывали неистовый восторг у малышей. Им нравилось ездить на руках удивительных двуногих гигантов, лакомиться предложенным угощением или просто спать, уютно устроившись в теплых, вселяющих безопасность и умиротворение ладонях. Только вот изрытая их норами земля доставляла немало неприятных минут. Приходилось постоянно смотреть под ноги, чтобы не угодить ненароком в какую-нибудь нору и не вывихнуть ногу.

Саня добрался до лысой вершины холма и сел передохнуть. Теплый ветерок ласково обдувал разгоряченное тело и снимал усталость, но ощущение неуютности, неустроенности, какая-то неясная тревога томила душу. Причину ее Саня понять не мог. Что-то похожее было в первые месяцы их переселения на Маргаритку. Тогда проблем, кроме миражей не возникало. Люди, осмелев, разбрелись по всей планете. Пищи в лесах хватало, потребности в жилье, крыше над головой из-за постоянных странствий по планете и возможности переночевать в любом понравившемся, да к тому же повсеместно безопасном уголке, не возникало. Не было необходимости в совместных действиях по защите от какой-либо угрозы, в строительстве города – форпоста землян. Материк оказался настолько огромным для маленькой горстки людей, что они быстро потеряли друг друга из виду. И теперь путешествовали в одиночку целыми днями, не встречая себе подобных. Но, несмотря на свою затерянность, контакта между собой не теряли. Телепатия, оказавшаяся еще одним следствием блужданий

по «дырам», развивалась все сильнее. Континент уже весь был опутан сетью незримых нитей мысли. Чувствующий индивидуум, окунувшись в эту сеть, мог бы услышать перекличку невидимых людей, разговор далеких собеседников, ни к кому не относящиеся мысли вслух. Саня мог через эту мысленную сеть узнать, где в данный момент находится Рита или Татьянка, вызвать их или по их мысленному образу перенестись туда.

Вот и тогда тревожный вызов мгновенно собрал разбросанных по планете людей. Сане, тоже откликнувшемуся на зов и очутившемуся в толпе, неприятно ударил в голову гул мыслей сконцентрированных в одном месте людей.

– Что случилось? – спросил он.

Люди расступились, и его подтолкнули к центру.

Посреди свободного пространства стоял на коленях человек. По его лицу, искаженному гримасой боли и отчаяния, текли слезы. Перед ним лежало человеческое тело, вернее то, что от него осталось. Из складок женского платья торчал оскаленный череп, уставившись в небо пустыми глазницами. Рядом лежали, словно аккуратно сложенные анатомом, кости рук и ног. Этот скелет, казалось, лежит здесь уже не один год, если бы не уцелевшая, не тронутая тлением одежда.

Стоявший на коленях поднял голову.

– Макс, – вспомнил Саня. – Жена у него обычная, не Новая.

– Саня! – сколько боли было в голосе Макса. – Это Марта.

Саня опустился рядом.

– Ты уверен? – нерешительно спросил он.

Макс не ответил, устремив остановившийся взгляд на скелет.

Саня дотронулся до фаланги пальца. От прикосновения костяшки дрогнули и рассыпались в прах, осыпав траву белой пылью. От неожиданности Саня отдернул руку.

– Нет, это не Марта, – покачал он головой. – Ты не представляешь, сколько лет может быть этому скелету.

Макс подскочил, дико водя выпученными глазами.

– Марта это, Марта! – истошно закричал он. – Я знаю. Это вы не чувствовали ее, а я чувствовал, хоть она и не нашего племени. А сейчас не чувствую. Вы мне не верите? – Он упал на землю и стал яростно кромсать ее кулаками. – Нет ее, нет!

Саня рывком поднял его и обнял.

– Успокойся, Макс, мы тебе верим, – поглаживая по спине дрожащего Макса, стал успокаивать он, – успокойся и расскажи все по порядку.

Макс немного пришел в себя.

– Рассказывать-то нечего, – начал он. – Я тут рядом был, невдалеке. Марту не видел, – деревья скрывали. Но ее

присутствие чувствовал. А потом вдруг какой-то сильный всплеск мысли, – я не сумел его разобрать, – и щелчок, будто ее выключили. И пустота вокруг, ни единого следа ее мысли. Я бросился сюда, а тут вот это, – указал Макс трясущейся рукой на скелет. – Она это. Ее платье, туфли, – он застонал и спрятал лицо в ладонях.

Саня поднялся и растерянно оглянулся. Вокруг ничего подозрительного. В чистом небе плывут редкие облака, похожие на блины. С неба угрозы быть не может. Пернатые здесь отсутствовали полностью. Как, впрочем, и насекомые. Животный мир Маргаритки развивался по своему необычному, неземному пути. Поэтому и нападать сверху некому. Но кто же тогда? Хомячки – безобидные существа. Стоп! Хомячки! У них могут быть свои болезни. Марта вполне могла заразиться от них.

Толпа, уловив Санины мысли, испуганно раздалась от трупа, но не исчезла. Все застыли в молчании, не вмешиваясь, чтобы не нарушить ход Саниной мысли.

– Если это болезнь, – продолжал развивать Саня пришедшую идею, – то все равно в схему не укладывается. Болезнь начинается и протекает медленно из-за борьбы с нею организма. А в данном случае мы имеем резкий переход из одного состояния тела в другое. Или нет? Может, было какое-то переходное?

– Макс, ты за Мартой ничего подозрительного в последнее время не замечал? – спросил он.

Макс отрицательно мотнул головой.

Опять все зашло в тупик. От напряжения в голове у Сани зазвенело, но ничего оригинального не приходило. Только образовалась пустота от полного отсутствия мыслей. И как только умудрялись Шерлок Холмс и Мегрэ разрешать любую головоломку?

Сомнения в действительной принадлежности скелета Марте опять стали закрадываться в душу. Саня опустился на корточки и принялся исследовать его.

Платье, пусть не новое, ношенное, но не истлевшее. По нему не скажешь, что его обладатель пролежал здесь много лет. Да и кто еще мог побывать на Маргаритке до них? Следов – то никаких не нашли. Значит, это все-таки Марта.

Саня вспомнил маленькую худенькую женщину, державшуюся особняком от них и следовавшую тенью за мужем. Внутренне она побаивалась Новых, – Саня иногда ловил обрывки ее мыслей, – но к мужу относилась, несмотря на это, с полной доверчивостью. Как же она умудрилась превратиться в считанные секунды в это?

– Макс, ты ее в таком виде нашел? – спросил он.

– Да, – отозвался тот. – То есть, не совсем. Еще не в таком, но

уже и не…, – он судорожно сглотнул. – Кое-где еще оставались участки кожи и тела, но и они растворялись на глазах. Таяли как сахар, и из-под них обнажались кости. – Макс содрогнулся. – Ужасно! Лучше бы не видеть этого.

– Еще что? – приступил к нему Саня. – Припоминай! Положение тела, лицо, цвет кожи…

Макс беспомощно пожал плечами.

– Ничего не обычного. Лица уже не было. А положение – вон оно. Да! – встрепенулся он, – цвет кожи был какой-то ненатуральный. С серебристым оттенком.

– Уже кое-что, – пробормотал Саня. – Только что с этим делать?

Он снова принялся обследовать труп. Толпа не расходилась. Кто-то подсел к Максу и принялся его утешать. Саня все ползал вокруг скелета.

– Макс, – вдруг оторвался он, – у Марты с головой все в порядке было?

– Да как ты смеешь! – подскочил Макс и начал вырываться из рук удерживающих его товарищей. – Да я тебя!

– Извини, я совсем другое имел в виду. Смотри! – указал Саня.

В темени черепа темнела маленькая аккуратная дырочка.

– Смерть пришла сверху, – констатировал Саня. Взоры всех обратились к небу. – Причем смерть довольно странная, необычная. Кто-нибудь замечал в небе что-то необычное?

В ответ было молчание.

– Что-то упало сверху, так как деревьев поблизости нет. Пробило Марте голову. Преобразовало органику, – один кальций в скелете остался, – потер Саня между пальцами рассыпавшийся в порошок прах, – в питательную смесь серебристого цвета. Усвоило ее и исчезло. Какой-то вирус, – Саня задумался, но тут же подскочил и уставился в небо. – Где оно?

– Что? Где? – зашумели сограждане.

– Облако. Круглое, как блин. И серебристое. Вон там оно плыло, – закричал Саня. – И плыло оно против ветра!

Толпа ухнула испуганно и рассыпалась. Одни в панике бежали неизвестно куда, другие исчезали на глазах. Смятение перед смертельной угрозой охватило людей. Это грозило распадом и полным исчезновением племени как вида.

– Не расходитесь! – крикнул Саня. – Если мы сейчас ударимся в панику, разбежимся, оно всех нас поодиночке уничтожит. С ним надо бороться сообща.

После недолгих споров отрядили несколько разведывательных групп для поиска выявленного противника. В

одну из них вошел Саня. Группы веером разлетелись в разные стороны. Стремительно неслись они по земле, перепрыгивая с места на место. Останавливались лишь на мгновение, чтобы всмотреться тревожно в небо, и снова мчались вперед.

– Вот оно! – наконец крикнул Саня.

По небу лениво плыло облако. Обычное облако, если бы не серебристый его отлив, идеально круглая форма и направление движения. Другие облака дружно двигались в одну сторону, гонимые ветром. Это же вопреки законам природы плыло навстречу.

Втроем они передали усиленный сигнал остальным, что облако обнаружено. Через некоторое время поступил еще один сигнал, что обнаружено другое облако. Затем еще… Всего зарегистрировано было девять объектов.

Группа осторожно следовала за облаком. Оно медленно двигалось по небу, иногда замирая на месте, словно отыскивая объект для нападения, затем трогалось дальше. Шло время, но никаких событий, способных пролить свет на его поведение, не происходило.

Саня не выдержал.

– Попробую его спровоцировать, – предложил он товарищам. – Встану под ним и буду ждать, что произойдет дальше. В случае опасности прыгну к вам. Вы тоже следите за ним и в случае чего предупредите меня.

– Поздно, – подтолкнул его стоящий рядом Марат и указал в сторону облака.

На земле прямо под облаком стояла тоненькая женская фигурка.

– Рита! – ахнул Саня.

– Тише! Не мешайте и не отвлекайте меня, – донеслась до него мысль. – Стойте на месте и следите за облаком.

Сане ничего не оставалось, как подчиниться и, стиснув зубы, следить, как облако хищно пристраивается над Ритой. Вот оно качнулось вправо, влево, замерло… и вдруг исчезло. На том месте, где только что стояла Рита, вспух серебристый гриб.

– Рита-а! – отчаянно заорал Саня.

Но Рита уже стояла рядом. Раскрасневшаяся, взлохмаченная, довольно улыбающаяся. Но в уголках ее глаз еще стоял пережитый страх.

Саня подскочил к ней и с размаху влепил пощечину, но… рука встретила воздух. Рита оказалась уже на безопасном расстоянии, потешаясь над ним. Тщетно пометавшись за посмеивающейся девчонкой, Саня остановился, тяжело переводя дыхание.

– Все? – с издевкой спросила она. – Успокоился?

– Дал бог на мою голову жену – мутантку! – беззлобно выругался Саня. – Ты зачем это сделала?

Ее руки нежно обвили его сзади.

– Представляешь теперь, каково мне, когда ты подвергаешь себя опасности? – прошептала она. – Пойми, нам одинаково трудно друг без друга. Труднее даже тому, кто остается, а не тому, кто уходит. А я не желаю страдать и мучиться, если с тобой что случится. Раньше, – рассмеялась она, – когда первобытные люди находили пещеру, то вперед посылали женщину. Если через некоторое время оттуда не выскакивал исцарапанный саблезубый тигр или не выходила женщина со словами «дом свободен», они шли дальше. А если серьезно, то это не Земля, и здесь мы с тобой равны. И рисковать должны на равных, и оберегать друг друга одинаково. Так что прости, но иначе я не могла. Как услышала твою мысль, так даже обдумать не успела, как оказалась здесь помимо своей воли.

– Но ты же женщина, мать. Смогу ли я заменить Татьянке тебя? Ты должна думать не только обо мне, но в первую очередь о дочери.

Тем временем появились Марат с Томом, летавшие к месту взрыва. На лице Марата блуждала улыбка, он что-то напевал, кивая в такт головой.

– Там такое столпотворение! – сообщил Том. – Все вокруг покрыто серебристым налетом. Сбежалась уйма хомячков. Слизывают с травы налет и бесятся. Галдят, прыгают, по земле катаются, носятся друг за другом. Налет быстро испаряется и исчезает. Вон, – кивнул он в небо, – облако опять формируется.

Марат, погруженный в свою нирвану, вдруг очнулся и стремительно взмыл вверх.

– Где оно? – кричал он, выписывая в воздухе рискованные пируэты, то проносясь низко над землей, то взлетая под облака. – Я тебя уничтожу! Это мой мир! Ничего не боюсь. Где это облако? Я его в клочья разорву.

Саня, изловчившись, выхватил его из пространства. Они упали на землю и покатились, яростно борясь. С помощью подскочившего Тома Саня скрутил Марата и прижал к земле. Подергавшись, Марат затих и опять начал блаженно напевать под нос заунывную мелодию.

– Пары вдохнул, – сказал Том. – Я в отдалении держался, а он чуть ли не в облако сунулся. Вот и надышался этой дряни.

Спустя немного Марат очухался.

– Отпустите меня, – попросил он, обведя вокруг осмысленным взглядом.

– Что с тобой? – спросила Рита, вглядываясь ему в глаза.

– Голова раскалывается, – растирая виски, простонал он. – Будто обкурился.

– То-то зверьки бесятся, – покачал головой Том. – Тоже дурмана надышались. Наркоши!

На общем собрании Саня сообщил результаты разведки.

– Облако состоит из мельчайших микроорганизмов. В свободном состоянии они легче воздуха, что позволяет им парить высоко в небе. Но стоит им соединиться, слипнуться вместе, как они становятся тяжелее и камнем падают вниз. Поэтому они группируются в колонию, облако. Парят облаком над землей, пока не облюбуют жертву. Затем слипаются в плотное ядро, падают вниз и поражают ее. После этого ядро распадается, организмы разлагают добычу и съедают. Закончив, поднимаются вверх.

– Почему же тогда Марата не съели? – спросил кто-то. – Ему же эти микроорганизмы попали внутрь.

– По-видимому, они могут усваивать только мертвое тело. Живой организм сопротивляется, лейкоциты крови уничтожают их. Поэтому они сначала стараются умертвить его, и только после съедают. А для живого организма они выступают в роли наркотического вещества. На Марата вон как подействовало, да и хомячки вели себя противоестественно. Причем последствий, кроме головной боли, никаких. Но, – предостерегающе поднял Саня руку, – это не означает, что облака – безобидные существа. Они представляют серьезную угрозу. Как я предполагаю, эволюция на этой планете остановилась из-за них. Подтверждением того, что здесь существовали различные, кроме хомячков, формы жизни, служат химеры. А почему пусто небо? Неужто здесь эволюция шла по другому пути, и птицы с насекомыми не освоили воздушное пространство, как на Земле? Маловероятно. Растут здесь прекрасные цветы с чудесным запахом. Значит, и насекомые должны были быть, чтобы опылять их. Иначе для кого цвет и запах? И они были – птицы, насекомые, различные животные. А потом появились эти споры. И для существовавшего мира наступил конец света. Сначала они, подобно земным вирусам, вытеснили и уничтожили насекомых и пернатых, освободив для себя экологическую нишу. Когда же те исчезли с лица планеты, споры эволюционировали, самоорганизовались в облака и научились нападать на сухопутных животных. Тогда наступил конец и тем. Только миражи помнят еще о бывшей здесь жизни. Остались лишь хомячки благодаря своим малым размерам, скорости

передвижения и подземному образу жизни. Но и хомячков эволюция не обошла стороной. Посмотрите, – Саня подхватил юркнувшего мимо хомячка, – глаза у них расположены на затылке. Так они могут смотреть вперед и вверх одновременно. Для чего? Для того чтобы постоянно следить за небом и остерегаться грозящей сверху опасности.

– Но облаков всего девять, – раздался возглас. – Как могли они таким малым числом уничтожить почти все живое?

– Это сейчас их мало. Питаться уже нечем, а в хомячка попасть не так – то просто. Наше облако после удара сформировалось уже наполовину меньшего размера. То же самое происходило и раньше. Вирус, расплодившись, погубил все живое и тем самым вырыл себе могилу. Сейчас он находится на стадии вымирания и, если только мы не поможем собой ему возродиться, через некоторое время должен исчезнуть полностью. Надо ему помочь, но не возродиться, а ускорить агонию. Поэтому давайте думать, как его скорее уничтожить, пока наши глаза не переместились на затылок, как у хомячков, – пошутил он.

– Зачем их уничтожать? Надо организовать постоянную систему слежения за небом, – предложил маленький Лисонг. – Тогда мы всегда будем знать об их местонахождении и в случае опасности уходить из этого района.

– Без жертв не обойтись, – выступил вперед Том. – Такие, как Марта, могут не услышать предупреждение и погибнут. Надо избавиться от облаков навсегда. Это теперь наш мир, и хочется жить здесь спокойно, не таращась с опаской в небо. Нужно спровоцировать их. Как это сделала Рита. Тогда мы быстро освободимся от угрозы с неба.

– И в наркоманов не превратимся, – добавил Марат.

– Это полумера, – возразил Саня. – Вы присутствовали при том, когда я пытался спровоцировать облако повторно. Оно не попалось на удочку. Или из-за своего уменьшившегося объема, массы, ставшей ниже критической, или же поняло, что его сознательно провоцируют. Нет, нужно что-то другое, кардинальное.

– Эх, сюда бы парочку огнеметов, – вздохнул кто-то. – Моментом бы все облака сожгли.

– Есть у меня огнеметы, – встрепенулся Саня. – На Земле, в пещере припрятаны.

Переправка огнеметов заняла считанные минуты. Вскоре боевая группа поднялась в воздух и направилась на далекие сигналы разведчиков, следовавших за серебристыми облаками. Вирусы порохом сгорали в пламени огнеметов, но сдаваться не желали. Облака метались от огня в разные стороны, стремительно

мчались прочь, а застигнутые и обложенные огнем в кольцо, камнем падали вниз. Но и на земле им спасения не было. Огнеметы выжигали растительность, оставляя после себя ржавые проплешины в зеленом покрове планеты, но дело довершали. Спустя несколько дней над Маргариткой не осталось ни одного подозрительного облака.

Уничтожение серебристых облаков было единственной тенью, набежавшей на ясное лико планеты, никогда не видевшей войн. После этого Саня переправил огнеметы опять на Землю, поклявшись никогда больше не использовать подобные методы на просторах новой родины.

Заросли у подножия холма шевельнулись. На опушку леса выступила маленькая женская фигурка. Саня махнул рукой, и Рита очутилась рядом. С плеча ее свивала длинная спираль банана. Кусок его она держала в руке, изредка откусывая сочную мякоть.

– Тебя ничто не тревожит? – спросил Саня.

Рита задумалась, тряхнула головой.

– Нет, – она бросила банан ему на колени и присела рядом. – Что-то случилось?

– Не знаю, – Саня помолчал. – Гнетет что-то меня.

– Значит, случилось, – Рита бросила на него тревожный взгляд. – У тебя это лучше развито.

– Смотря что, – усмехнулся он. – Татьянку ты чуешь намного лучше меня. Кстати, где она?

Рита вслушалась в себя и улыбнулась.

– Строит хомячкам дом. Хочешь посмотреть? – она передала Сане мысленный образ: на залитом солнцем пригорке хомячки возводили сооружение. Зверьки сновали туда-сюда. Одни тащили толстые стебли, другие очищали и выравнивали их по длине. Третьи, неуклюже работая зубами и лапками, пытались составить из них маленькую конусообразную хижину. Тростинки, неумело поставленные, то и дело падали, и домик рассыпался.

– Эх вы, неумехи! – раздавался тогда возглас. В поле зрения появлялись детские ручки, восстанавливали хижину, и все продолжалось.

– Татьянка, ты что делаешь! – окрикнул дочь Саня.

– Домик, – спокойно ответила она.

– Быстро сюда!

– Иду, – недовольно проворчала Татьянка и в следующий миг оказалась перед ними. В сидячей позе, с хомячком в руках.

– Ты зачем зверьков мучаешь? – накинулся на нее отец.

– Я их не мучаю. Они сами хотят. Правда? – обратилась она к хомячку. Тот посмотрел долгим взглядом прямо ей в глаза. – Вот,

слышишь, он говорит, что ему нравится такой домик. Под землей темно, холодно и сыро, а наверху хорошо.

– Выдумываешь! – недовольно отозвался Саня. – Как он может говорить? Они же неразумные.

– Разумные. Только глупенькие еще. Совсем как дети, – с взрослыми, снисходительными интонациями в голосе сказала дочь.

– Как? – поперхнулся Саня.

– Все живое разумно, – нравоучительно ответила Татьянка, – только одни поглупее, другие поумнее. Кеша у них самый умненький, – погладила она хомячка. – Мы друг друга хорошо понимаем. Вот он и попросил меня научить их строить домики. Жаловался, что внизу плохо. А с тех пор, как ушли белые тени, наверху стало безопасно. Теперь там можно жить.

– Отправь его домой, – хрипло произнес Саня.

Татьянка испуганно посмотрела на него и склонилась над хомячком. Тот исчез.

– Ты, не подозревая, создаешь новую разумную расу, – голос Сани был взволнован. – Этого делать ни в коем случае нельзя.

– Почему? – удивилась дочь.

– Потому, что хозяева здесь пока что мы. Если в них пробудится разум, мы вынуждены будем уйти отсюда и снова скитаться по планетам.

– А не ты ли все время твердишь, что оставаться здесь нельзя, – прижала Рита к себе дочь, – что мы деградируем.

– Это разные вещи.

– Нет, не разные. Станут разумными, тогда и уйдем поневоле.

Саня хмыкнул.

– А им что оставим? Путь на технократию? Чтобы здесь вторая Земля получилась?

– Ты прямо зациклился на своей технократии. Почему обязательно она? Хомячки сами выберут свой путь развития.

– Путь у них тот же, что и у землян. Они также жестко ограничены пространственными координатами. Перемещаться вне этих координат, как мы, они не могут. Потому и другого пути, кроме технократического, у них быть не может.

– НО мы же пошли по другому пути. И у них такое может получиться. Опять же, откуда мы знаем, какие пути существуют?

Саня смолк и только беспомощно развел руками.

– Папочка! – плачуще взмолилась Татьянка, – пусть они будут умненькими! Я научу их строить домики, прыгать как мы. Можно, папочка?

– Ладно, – махнул рукой Саня. – Уговорили. Только не учи их глупостям. Кстати, откуда ты взяла такой домик? Надо было из

камней строить.

– Такой проще. Его легче строить. А домик этот я взяла из твоей головы. Туземцев помнишь?

– А – а, точно. Туземная хижина, только в миниатюре. Как ты умудрилась раскопать ее. Я уже напрочь забыл.

– Ой, у вас столько мусора в голове, – всплеснула руками Татьянка, – не сразу и разберешь, что к чему.

Саня ошеломленно оглянулся на Риту. Та понимающе подняла брови.

– Не шепчитесь! – задорно крикнула девчонка. – Я все слышу. Ну, я побежала.

– Постой, – спохватилась Рита. – Ты кушала? Садись, поешь банан.

– Не хочу, мамочка! – затопала ножками нетерпеливо дочка. – Меня солнышко накормило.

– Не выдумывай! – строго прикрикнула мать. – На, ешь! – она сунула дочери кусок банана. Та нехотя откусила раз, другой и опять заныла.

– Не хочу, я сытая!

Саня пожалел ее и хотел уже вступиться, как в его приоткрытый рот угодил банан.

– Ты что над отцом издеваешься! – взвился он, давясь и кашляя.

– Ты же сам хотел мне помочь.

– Хотел, но не так явно. Погоди, – остановил он готовую улизнуть дочь. – Как это ты делаешь с бананом? Покажи!

– Просто, – пожала плечиками Татьянка.

– Просто! – хмыкнул Саня. – На, возьми, – он отломил кусок и протянул стоящей метрах в трех девочке. Банан тут же исчез из его рук. Только пальцы инстинктивно сжали пустоту. Татьянка задорно помахала появившемся у нее в руке куском.

– И с хомячком ты то же самое сделала?

– Да. Я его домой отправила.

– А можешь сделать так, чтобы он опять на руках очутился?

– Попробую, – Татьянка сосредоточилась. В руках ее завозился, испуганно попискивая, хомячок. – Кеша, Кеша, это я, – заворковала она над ним, поглаживая, – успокойся.

– А меня ты сможешь сдвинуть с места? – не унимался Саня.

– Хватит мучить ребенка, – вступилась Рита. – В следующий раз. Иди, доча, – поцеловала она Татьянку.

Дочуркино исчезновение Саня прозевал, так как какая-то сила приподняла его над землей и отпустила. Саня больно ударился о землю и, не удержавшись, завалился на спину, смешно дрыгая ногами.

– Совсем от рук отбилась. Родителей абсолютно не уважает, – ворчал он, подымаясь.

– Сам напросился, – смеялась Рита над его удивленной физиономией. – Не злись. Ребенок она еще. Не соизмеряет своих действий.

– Ребенок?! Родная дочь обскакала своих родителей. Не ожидал такого.

– Новое поколение – очередная ступень. А ты говоришь – деградируем.

– Я имел в виду не детей, а нас самих, – попытался вывернуться Саня. – Пять лет прошло, как мы здесь. А чего добились? Ну, ловкости стало больше. Телепатия развилась, а что дальше? Ведь не можем мы оставаться на этом уровне.

– Чем тебя не устраивает нынешний уровень?

– Половинчатостью своей, незавершенностью. Вроде мы отделились от Земли, пошли своим путем, а все равно зависимы от нее. Хотя бы по части одежды. Не ходим голые лишь потому, что таскаем одежду с родимой планеты. Потому и говорю о половинчатости. Дух наш стал неизмеримо могущественнее, а оболочка осталась та же. Тело все так же надо кормить, одевать, греть. Это ненормально.

– Не вижу в этом ненормальности, – возразила Рита. – Мне лично мое тело нравится. А тебе?

– Ой, да не то я имел в виду, – раздраженно отмахнулся Саня. – Конечно, мне нравится твое тело. Но дело не в нем, а в выполняемых им функциях. Сейчас мои способности сдерживаются его возможностями. Я способен, к примеру, опуститься на дно моря, подняться в космос, пройтись по любой планете, но мое тело не может этого сделать. Оно погибнет. А с ним погибну и я. В итоге мое тело сдерживает мой рост. Вполне возможен такой вариант, когда мои возможности должны будут прийти в соответствие с возможностями моего тела, то есть деградировать.

– Вряд ли, – возразила Рита. – Вон у Татьянки телекинез развивается. Хомячков понимает. Возможно, что энергию солнца усваивает вместо того, чтобы мучиться несварением желудка. Развитие идет. Для нас, может, и наступил предел, но для следующих поколений еще все впереди.

– А я не хочу останавливаться на достигнутом, уповать на следующее поколение. Я хочу большего.

– Какой ты неугомонный, словно ребенок!

– А я и есть ребенок. Все мы дети. Дети Земли. Родила она нас, вырастила, выпестовала, а потом изгнала, будто пасынков. Теперь мы вынуждены брести наощупь в потемках неизвестно

куда. Не останавливаться на нынешнем уровне, а двигаться вперед, продолжать развитие.

– Хорошо, вперед так вперед, – обняла его Рита. – Только успокойся. Или я с тобой что-нибудь сделаю, – она завалила Саня на спину и упала сверху. – Сдаешься?!

– Сдаюсь, – Саня притянул ее к себе.

– Я пошутила, – стала шутливо отбиваться Рита.

Саня стоял на вершине скалистого пика. Под ногами расстилалась горная страна. Покрытые снегом вершины, крутые изломы и темные мрачные провалы. Прыгая по вершинам, он изрядно продрог. Леденящий ветер пронизывал насквозь тонкую одежду и осыпал снежной порошей. Тело сотрясала мелкая дрожь, зубы противно стучали. Не верилось, что далеко внизу, на зеленых склонах тепло и благодатно. Но уходить отсюда рано. Что-то таинственное происходило в этих горах. Отсюда исходили импульсы озлобленности и агрессивности. Саня учуял их еще на равнине. Здесь они усилились и приобрели устойчивое, явно выраженное состояние. И хотя поиски еще не увенчались успехом, он был на правильном пути и шел навстречу этой чужеродной волне, возрастающей с каждым прыжком.

Перепрыгнув на соседнюю скалу, Саня почувствовал изменение направления импульса. Теперь он шел снизу, из зеленой впадины между отрогами гор. Разобрать с вершины, что творится внизу, было невозможно. Принимая меры предосторожности, Саня стал спускаться в низину.

Вскоре он уже лежал на краю обрыва, затаившись среди выступов, и наблюдал за открывшейся перед ним картиной. Под ним на открытой обширной долине происходили непонятные события. Стояли брошенные как попало автомобили, очень похожие на земные, танки, пушки и еще какая-то неопределимая отсюда техника. Между ними муравьями сновали люди, слышались окрики, ржание лошадей, блеяние овец и шум моторов. От костров к небу столбами подымался сизый дым.

Ошибиться было невозможно – это были земляне. Та же враждебность, то же использование орудий убийства, то же чувство уверенности, что земля, которую ты попрал своим кованым сапогом, уже принадлежит тебе по праву сильного.

Послышался шорох потревоженных камней, и рядом с Саней растянулся Раджа. Сухопарый аскет, он походил на йога. Поговаривали, что он и в самом деле был раджей в маленьком индийском княжестве. О прошлом Раджа распространяться не любил, а рыться в его мозгах без спроса не позволяла элементарная этика. Да и неважно, кто и кем был в прошлом. Для

Новых прошлого не существовало. Оно осталось на Земле, куда возврата нет, а, следовательно, нет и прошлого.

– Земляне, – сообщил Раджа. – Я за ними давно наблюдаю.

– Почему не предупредил? – недовольно спросил Саня.

– Решил сначала разобраться в их намерениях, выяснить сильные и слабые стороны.

– Ну и как, выяснил?

– Еще не совсем. Вон та палатка, – указал Раджа в центр скопления, – их штаб. Вокруг по склонам залегли автоматчики. Их не видно, но будь осторожен. Здесь в основном военные, штатских очень мало. Устраиваются основательно и надолго.

– Как могли здесь оказаться? – спросил Саня. – Неужели тоже научились передвигаться сквозь пространство?

– Я сначала тоже так подумал, – ответил Раджа, – но оказалось иначе. Смотри правее штаба, где толпа.

За палаткой большое скопление людей образовало круг. Внутри круга было пусто. Выстроившиеся по периметру солдаты никого туда не допускали. Все стояли в ожидании чего-то.

– Не вижу ничего особенного, – выждав немного, сказал Саня.

– Смотри, смотри, – настаивал Раджа, – не спеши.

Саня подчинился. Ждать пришлось недолго. Внезапно в круге появился вездеход. С него спрыгнул человек, его сменил другой. Вездеход взрыл гусеницами землю и выбрался за пределы круга. Спрыгнувший остался один.

– Это он, – шепнул Раджа, но Саня уже все понял и теперь пытался пошарить у того в мозгах, чтобы выудить, кто он. Но его усилия наталкивались на непреодолимую преграду. Зато человек в круге схватился за голову, крикнул что-то окружающим и исчез. Толпа врассыпную бросилась к склонам, стреляя на ходу по зарослям.

– Зря ты это сделал, – произнес Раджа. – Теперь они знают, что обнаружены.

– А что бы ты посоветовал? – огрызнулся недовольно Саня.

– В одиночку с ними не справиться. Нужно делать общий сбор. Там решим, что делать. А этот теперь начеку. Его блокировку и группой не пробьешь. Моментом исчезнет.

Олимп с избытком вмещал все население Маргаритки. Гигантская впадина, оставшаяся от кратера, с пологими склонами, поросшими густой травой, и обширным ровным дном идеально подходила для массовых мероприятий. Здесь ежегодно устраивались по аналогии с Землей олимпийские игры. На них каждый старался показать, чего он достиг в своих способностях, какой еще неизвестный резерв в его организме дал о себе знать. Здесь собирались для решения важнейших вопросов. Сюда Саня

собирался привести Татьянку, чтобы показать ее способности к телекинезу и обсудить проблему нарождающейся разумной расы хомячков. Вторжение землян на время отодвинуло эти планы.

Олимп гудел от разговоров. Впрочем, это не мешало обменяться словом с соседом или знакомыми на противоположной трибуне. Обсуждали один вопрос, – что предпринять для избавления от вторгнувшейся воинственной группы. Каждый высказывал свою идею, которую после всестороннего обсуждения отметали или, оставив рациональное зерно, развивали дальше. После недолгих споров пришли к решению, что оставлять землян на Маргаритке нельзя. Судя по всему, пришли они отнюдь не с мирными намерениями, и уходить по доброй воле не захотят. Можно было бы перекрыть завалами все выходы из долины и не пустить их на равнину, но уверенности, что они не выберутся оттуда рано или поздно, не было. Оставалось одно – любыми путями отправить их опять на Землю.

На середине арены появилась фигура Раджи.

– Прошу внимания, – обратился он ко всем. – Они, конечно, на это не согласятся. Насильно выдворяя их, мы понесем неизбежные жертвы. Вероятно, придется прибегнуть все-таки к завалам. Когда у них кончатся продукты, земляне сами пойдут на переговоры. Но прежде надо лишить возможности переправляться сюда и поставлять продовольствие. Ее у них обеспечивает один человек, из Новых. Земным он быть не может, так как земляне не знают нашего места обитания. Значит, до недавнего времени он жил среди нас. Кто он?

Олимп зашумел. Каждый искал своих знакомых и близких, проверял, все ли присутствуют.

– Симона нет! – раздался крик.

Симон, вечно грустный одиночка, жил замкнуто. Он очень любил свою жену и частенько наведывался на Землю, не теряя надежды отыскать ее. Многие знали про это и умалчивали, сочувствуя и желая удачи в его нелегких затянувшихся поисках. У многих остались на Земле родители, братья и сестры, жены и мужья, дети. Они тоже, несмотря на запреты, неоднократно делали попытки собрать воедино свои семьи. Видно, что-то очень серьезное произошло с Симоном, раз он решился на этот предательский шаг.

– Надо выдернуть его оттуда, – раздался чей-то возглас. – Упасть сверху в тот момент, когда он появится, и перебросить сюда.

– А Симон опять шмыгнет назад или на Землю, – возразил Раджа. – Нет, нужно сначала доискаться до причин, вынудивших

его пойти на это. Затем только, устранив предварительно эти причины, браться за него.

– Как мы узнаем эти причины? Не бежать же за ними на Землю?

– Может, придется и на Землю. Смотря по обстоятельствам. Нужно создать ударную группу из самых развитых. Всем туда соваться не стоит. Земляне и так встревожены, начнут стрелять не раздумывая. Предлагаю в группу Саню, Питера, Колдуна. Могу и я пойти, если не возражаете.

Саня лежал на склоне, скрытый от чужого глаза скалами. Внизу все также торопливо суетились незваные гости. Долина была наполнена шумом двигателей, голосами людей и животных.

Саня был не один. Где-то по сторонам и на противоположном склоне укрылись товарищи. Саня не видел их, но они были рядом, незримо связанные нитями мыслей. Шел неслышный для постороннего уха обмен увиденным, замечаниями, предложениями. Проводилось осторожное прощупывание мыслей копошившихся внизу людей.

– У меня пусто, – сообщил Саня, закончив обследование находящихся в его секторе землян. – Ни одной стоящей зацепки.

– У меня тоже, – донеслось несколько отзывов. – И у меня.

Позднее всех отозвался Колдун, невидимкой бродивший среди неприятеля.

– Есть! – пробился его ликующий импульс. – Выловил кое-что у командира. Они шантажируют Симона, – а это действительно он, – его женой. Она содержится в заточении на Земле, а где точно, – даже командир не знает. Но есть выход на пункт отправки. Картинка ясная, можно хоть сейчас на Землю. Махнем?

– Да. Немедленно, – донеслись ответы.

– Не все, – остановил их Саня. – Двоих будет достаточно, чтобы справиться с делом и не засветиться. Остальные должны остаться здесь и продолжить наблюдение.

– Согласны. Кто пойдет?

– Думаю, Раджа и Колдун. Раджа умеет искусно копаться в чужих мозгах, а Колдун в случае опасности отведет глаз, сделает их невидимыми.

– Тогда нужно идти и тебе, – отозвался Раджа. – У тебя есть опыт общения с таким сортом людей.

– Меня на это дело лучше не брать, – отказался Саня. – Могу подвести, если придется иметь дело с оружием.

– Это любому из нас претит, – возразил Раджа. – Постараемся обойтись без стычек.

– Хорошо, – смирился Саня. – Но Колдуну сложнее будет прикрыть нас троих.

– Вполне! – хмыкнул Колдун.

Земля за эти годы преобразилась. Исчезли следы разрухи и опустошения. Опять повсюду дымили трубы, застилая голубое небо сизой дымкой. Опять текли по рекам нечистоты, и на месте лесов появлялись пепелища.

У Саня и его спутников, живущих на Маргаритке в гармонии с природой и отвыкших от такого варварского подхода человека к своей матери – Земле, сердце тоскливо сжималось от увиденного. Но нужно было спешить, пока захватчики не выбрались из каньона на просторы Маргаритки. К тому же обнаружение их на Земле могло сорвать все планы. Очень хотелось побывать в родных местах, посмотреть, что с ними стало, а может, и встретить своих родных или знакомых. Но долг и тревога о своем далеком племени перевешивало все остальное.

Тройка разведчиков обосновалась в полуразрушенном здании на окраине города, выловленного из памяти командира вторгнувшегося отряда. Вокруг расположились заброшенные кварталы. Обветшалые здания, казалось, готовы были рухнуть. Неизвестно, какая сила поддерживала их и не давала превратиться в груды обломков. Людей здесь не было, и нашим смельчакам не грозила опасность быть обнаруженными.

Впрочем, кварталы оказались не совсем безлюдными. Если долго наблюдать за ними, то можно было иногда заметить в темных провалах мелькающие тени, блеск глаз да воровато пробирающиеся среди завалов фигуры. Заброшенные кварталы жили своей жизнью, и, судя по всему, представляли весомую угрозу обжитому центру города. Это чувствовалось по ощетинившимся автоматами проезжающими по дорогам грузовикам в сопровождении бронемашин, по разрушенным и сравненным с землей на протяжении всех дорог зданиям и образованным обширным простреливаемым зонам, по перестрелкам, возникавшим то тут, то там в вечерних сумерках.

В центре, в противовес заброшенным кварталам кипела жизнь. Торопились люди в военной форме, мчались куда-то мотоциклы, брели охраняемые солдатами группы людей. С первых минут пребывания здесь Саня огорчило открытие, что его излюбленные места наблюдения – крыши домов – оказались занятыми. На крыше каждого здания были установлены один и более пулеметов. Возле них круглосуточно находился наряд. Саня, решивший по привычке прогуляться для разведки по крышам, чуть не оказался подстреленным в первые же мгновения. Только чудом ему удалось спастись.

Перед группой встала проблема – как проникнуть в город незамеченными. Решить ее мог только Колдун, но его нужно было

беречь для решающих действий.

– Вы оставайтесь здесь, – сказал после недолгих раздумий Саня, – а я постараюсь пробраться в одиночку под прикрытием темноты.

Он миновал несколько зданий и оказался на границе территорий. Дальше лежало пустое пространство шириной метров в двести, выровненное так, что негде было укрыться. За пустырем начинались жилые дома центра, огражденные колючей проволокой и вышками с прожекторами. Лучи света методично прочесывали пустырь, высвечивая каждый участок земли, пробегали по фасадам мертвых зданий, заглядывали в пустые глазницы окон, заставляя Саню каждый раз прятаться за прикрытие стен.

Слепящая полоса огней не позволяла зацепиться за какое-нибудь место для прыжка. Днем хоть что-то можно было разглядеть, а сейчас из-за этого света вообще ничего не было видно. Нижние этажи зданий, как заметил Саня еще днем, были заложены, как и проходы между домами, кирпичами, создавая монолитную каменную стену по периметру всего центра. Только несколько оставленных проходов позволяли центру сообщаться с периферией. Но эти проходы усиленно охранялись. Саня заметил там пушки и даже танки. На ночь проходы закрывались металлическими воротами, и центр превращался в неприступную крепость.

Ситуация складывалась безвыходная. Ни ночью, ни днем проникнуть на территорию неприятеля было невозможно без риска быть убитым. Центр был неприступен – ни для обитающих в развалинах людей, ни для Новых.

– Придется прибегнуть к помощи Колдуна, – подумал Саня. – Рискованно, но выхода нет.

– Я иду, – отозвался Колдун. Он с Раджей следил за мыслями Сани издалека, готовые прийти на выручку.

– Не надо, – ответил Саня. – Сейчас все равно за полосу огня не пробраться. Попробуешь днем.

– Саня, – встрял Раджа, – попробуй под покровом темноты осмотреть центр сверху. Они небо не освещают, не заметят. Может, удастся найти зацепку.

– Хорошо. Тихо! – шум осыпавшихся камней и мысленное чертыханье донеслись до него одновременно. Саня отпрянул за угол и затаился за выступом стены.

По заваленным битым кирпичом и штукатуркой помещениям кто-то пробирался, медленно, выверяя каждый шаг и пристально вглядываясь в темноту, в пляшущие блики света прожекторов. Саня читал его мысли и недоумевал, отчего тот, судя по всему

хозяин этих мест, не чувствует себя в безопасности.

Из темноты в комнату вступила тень. Саня замер, затаив дыхание. Этого еще не хватало! Угораздило же того зайти именно сюда. Будто других комнат нет. Стоит только сейчас полыхнуть свету прожектора, и он окажется обнаруженным. Сжавшись, Саня приготовился к исчезновению.

Тень, замерев на секунду, бесшумно скользнула к окну и затаилась.

Время будто остановилось. Саня боялся шевельнуться, чтобы не выдать себя. Тень у окна тоже не шевелилась. Чиркающие по наружным стенам лучи выхватывали на миг две затаившиеся фигуры, затем опять наступала темнота.

Но вот в положении тени что-то изменилось. Вперед выдвинулся поблескивающий длинный ствол. Покачавшись, он замер. После вязкой тишины грохот выстрела, заполнивший комнату, был оглушающим. Саня услышал далекий вскрик, и в лучах прожектора мелькнула сорвавшаяся вниз фигура.

Тотчас по окну, осветившемуся прожекторами, ударили пулеметы. Пули дождем зашуршали по стенам, посыпалась штукатурка.

Но Сани уже не было на уязвимом для пуль месте. Он боролся с ночным стрелком, запоздало поняв его намерения и не успев предупредить выстрел и сове обнаружение. Молчаливая борьба продолжалась недолго. Придавив стволом винтовки, вырванной из рук не ожидавшего нападения снайпера, горло противнику, Саня лежал, прижимая его к полу в ожидании, когда закончится обстрел.

И только теперь до него дошли тревожные импульсы, бьющиеся в голове.

– Саня! – взывали Раджа с Колдуном, – что с тобой? Отзовись!

– Все в порядке, – сообщил он.

– Тебе помочь? Мы сейчас будем.

– Ни в коем случае. Пока справляюсь один. Если понадобитесь – позову. Еще неизвестно, что это за человек, кого представляет. Попробую выйти на их главаря. Может, это те, кого мы ищем.

Саня ползком выволок полузадушенного противника в коридор. Оказавшись в безопасности, прислонил его к стене, а сам устроился напротив.

Луч, утвердившийся на их окне, освещал все вокруг. Залетавшие иногда пули шлепались в белый прямоугольник освещенной стены и лениво падали на пол.

Саня присмотрелся к противнику. Изможденное лицо, обросший, обшарпанный.

– Совсем как я в те далекие времена, – подумал Саня.

Лежащий зашевелился, приходя в себя. Его замутненные глаза, постепенно приобретая осмысленное выражение, остановились на Сане, опустились к винтовке, лежащей у него на коленях.

– Твоя взяла, – прохрипел он, потирая рукой шею. – Стреляй, не тяни!

– Кто такой? – спросил Саня.

– А то ты не знаешь, – усмехнулся тот. – Не надейся, что я что-то скажу. Мы своих не выдаем, понял! Стреляй, стерва! – заорал он неистово.

Саня усмехнулся, качнул винтовкой, словно в раздумье и вдруг перебросил ее пленнику. Мгновенно дуло уставилось ему в грудь. Щелкнул вхолостую курок.

Ухмыляясь, Саня разжал кулак и подбросил патроны, незаметно вынутые им ранее из магазина. Противник зло выматерился и отбросил винтовку в сторону.

– Чего тебе надо? – зло спросил он.

– Мне нужно встретиться с вашим главарем.

– Ишь ты, шустрый какой! – оскалился тот. – А не боишься?

Саня пожал плечами.

– Ну что ж, пошли.

Путь показался бесконечным. Они пробирались в темноте по бесконечным анфиладам комнат и коридоров, преодолевали бесчисленные завалы, ныряли в проломы стен и все шли и шли. Все это время Саня чувствовал рядом присутствие товарищей, следивших за происходящим его глазами, тревожившихся за него. На протяжении всего пути он внимательно всматривался в темноту, пытаясь создать насколько можно точные образы мест, через которые они проходили. В случае его гибели товарищи смогут легко пройти по его следам.

Наконец провожатый, откинув крышку чугунного люка, нырнул вниз. Саня последовал за ним. Они оказался в освещенном туннеле. Было пустынно, но чисто. По бокам чадили прикрепленные к стенам факелы, светящейся дорожкой уходящие вдаль.

Вскоре им стали попадаться следующие по своим делам люди, по облику похожие на Саниного спутника. Они окидывали Саню цепкими оценивающими взглядами, негромко перекидывались словами с провожатым и следовали дальше.

Путь преградили двое вооруженных часовых.

– Это кто с тобой? – спросил один из них Саниного спутника. – В плен захватил?

– Вроде бы, – смешался тот. – К главному ему надо.

– А вдруг это подосланный? Ты его проверял?

Провожатый пожал плечами. В тот же миг Саня был развернут и брошен на стену. В затылок уперся холодный ствол, по телу умело зашныряли руки.

– Ничего, – ощущение холодного прикосновения к затылку исчезло. Саня осторожно повернул голову. Часовые стояли в нерешительности.

– Ведешь неизвестно кого, даже сам не знаешь, – зло сказал первый. – Доиграешься, Сэм!

– Так получилось, ребята, – извиняюще произнес провожатый. – Думал, наши разберутся.

– Думал, думал. Не тем местом думаешь. Зачем тебе главный? – обратился часовой к Сане.

– Об этом я могу говорить только с ним самим, – отрезал Саня.

– Если дойдешь до него. А дойдешь ты навряд ли, – передернул тот затвор автомата. – Я тебя сейчас…

– Погоди, – перебил его Саня. – Пристрелить ты меня всегда успеешь. Гляди, как бы потом жалеть не пришлось. Пропусти к главному!

– Ладно, – с сомнением в голосе произнес часовой. – Но смотри! Одно неосторожное движение, – и я из тебя решето сделаю. – Ствол автомата ткнулся Сане в спину и подтолкнул к двери. – Ван, останься. И за Сэмом присмотри на всякий случай.

В обширном помещении, куда они попали, было полно народу. Одни оживленно обсуждали что-то между собой, другие молча сидели на полу и слушали. Тут же спали, не обращая внимания на шум, третьи.

Направляемый упирающимся в спину автоматом, Саня пробрался сквозь толпу к небольшому возвышению, на которой восседал человек в изодранной военной форме.

– Ури, – крикнул часовой, – к тебе.

Тот спрыгнул с возвышения и не спеша приблизился к ним. Он был постарше Сани, с короткой неровной стрижкой, сделанной неумелой рукой, и обросший рыжеватой щетиной. Форма, хоть и изрядно потрепанная, была аккуратно заштопана. В отличие от окружающих этот хоть немного следил за собой.

– Говори! – жесткие холодные глаза скользнули по Сане.

Саня оглянулся.

– Я здесь говорить не могу. Слишком шумно. Может, у тебя есть, где уединиться?

– Нет, – отрезал главарь. Тихо! – зычно крикнул он.

Разговоры затихли, и в комнате наступила тишина. – Говори,

у меня секретов от других нет.

Саня молчал, оглядываясь в замешательстве. К разговору при такой многочисленной аудитории он оказался не готов. С лихорадочной поспешностью он стал рыться в голове главаря, но не обнаружил ни единой мысли, которая могла бы вывести на жену Симона. Это были не те люди.

– Что молчишь? – ткнул его в спину часовой. – Выкладывай.

– Погоди, – остановил его главарь. – Ты кто такой? Откуда? – обратился он к Сане.

Саня решился. Приготовившись исчезнуть в случае отрицательной реакции противника, он вымолвил:

– Я – Нечистый.

– Не дури, – усмехнулся главарь. – Нечистых уже давно всех истребили. Говори, зачем пришел. Мне с тобой возиться некогда.

Тогда Саня решился на еще один рискованный шаг. Мгновенно переместившись на возвышение за спиной главаря, он принял его позу.

Гулко хлопнул выстрел, но главарь успел отбить автомат часового в сторону. Испуганная толпа шарахнулась от возвышения.

– Теперь верю, – побледневший главарь подступил к пьедесталу. – Только в следующий раз так не шути. Мигом пристрелят. И вообще ты зря здесь появился. Заведомая смерть. Злы все на вас, Нечистых, – кивнул он на взбудораженную толпу. – Натворили дел, а нам теперь расхлебывать.

– Кончать его! Пристрели его, Ури! – зашумела толпа, щелкая курками.

– Тихо! – поднял главарь руку. – Нечистый сам пришел, не испугался в логово к нам лезть. А смелых мы уважаем. Значит, ему есть, что нам сказать. А мы послушаем, – он демонстративно уселся на пол. – Говори!

– Сразу должен сказать, – начал Саня, – что Нечистые не виноваты в ваших бедах. Чем я отличаюсь от вас? – Ничем, разве что могу исчезать в одном месте и появляться в другом. В остальном я такой же обычный человек. Я и был им. Также, как и вы, скитался по «дырам», потерял мать, отца, брата. Также выстрадал все муки и лишения, выпавшие на мою долю. Только оттого, что я почти не вылезал из этих «дыр», – невесту свою искал по всему свету, – в какой-то момент у меня здесь, – прикоснулся он к голове, – что-то сдвинулось. Я научился сам без помощи «дыр» перемещаться по своему желанию. Вот и вся разница между нами.

– Но ведь говорят, что это ваших рук дело, – крикнул кто-то.

– Это обычная пропаганда. Кого легче обвинить во всех

бедах? Инакомыслящих. Так было всегда. Так было и на этот раз. Когда после исчезновения «дыр» жизнь стала нормализоваться, повсюду опять появились правители. Они все также желали беспрекословного подчинения масс. Нас они не смогли подчинить. Не привязанные ни к жилью, ни к определенному месту, мы не укладывались в привычные стандартные рамки угнетения. Мы стали свободными…

– Мы тоже свободные, – перебили его.

– Я рад, что на Земле остались наши братья, единомышленники.

– А ты разве не с Земли? – удивился главарь.

– Когда правители поняли, что нас им не сломить, не прибрать к рукам, они решили нас уничтожить. Нашли подходящий повод – обвинить во всех бедах Нечистых. На нас началась настоящая охота. Где бы мы ни появлялись, всюду нас встречали выстрелы. И тогда мы решили уйти с Земли. Чтобы сохранить свой дар, свои способности для Земли. Не теперешней, мрачной, человеконенавистнической, а другой, очищенной от злобы и насилия. И мы ушли. Отыскали в далеком космосе подходящую планету и поселились на ней. Но ушли мы не навсегда. Земля – наша родина, наша мать. Рано или поздно, но мы вернемся сюда.

– Невесту – то нашел? – полюбопытствовали в толпе.

– Нашел, – улыбнулся облегченно Саня, поняв, что эти злые недоверчивые люди поверили ему. – Теперь это моя жена.

– Ты пришел рано, – сказал Ури. – Здесь все держится на злобе и насилии. Тебе здесь еще не место. Уходи. Или помоги нам.

– А я к вам пришел за помощью.

– Ну, дела! – рассмеялся главарь. – Боги спустились к нам, простым смертным за помощью. Продолжай, – кивнул он.

– К нам вторглись земляне. Переправляют людей, технику, оружие. Готовится захват нашей планеты. Мы этого позволить не можем. Конечно, мы могли бы уничтожить всю группировку, но нам претит насилие над всем живым. Поэтому мы хотим принудить их вернуться обратно на Землю. Но сначала необходимо перекрыть канал переброски.

– А мы здесь причем?

– Переброска идет отсюда, из этого города. Я подумал сначала, что вы с ней как-то связаны, но теперь вижу, что нет.

– Нет, мы об этом ничего не знаем.

– Помогите мне пробраться в город, – попросил Саня. – У него очень сильная защита, и я не могу туда проникнуть.

– Насчет защиты – это верно, – задумался главарь. – Мы тоже

не можем пробраться. Но не отчаивайся. Придумаем что-нибудь.

Саня сидел с главарем на крыше сохранившегося здания на самой окраине развалин.

События развивались медленно. Его не отпускала тревога за судьбу Маргаритки. Вернувшийся Раджа сообщил, что там пока без изменений. Завоеватели находятся все также в каньоне, попыток проникновения за его пределы не было. Только контингент увеличивается с каждым часом.

– Вот это наша территория, – говорил Ури, обводя карандашом контуры на самодельной карте, нарисованной Саней сверху под прикрытием облака, – а здесь начинается зона горожан. Ты слушаешь меня? – обернулся он к задумавшемуся Сане.

– Да, да, – очнулся Саня, – слушаю.

– Здесь, на границе – сплошная неприступная стена, опоясывающая весь город, да еще два ряда колючей проволоки. Тут нам не пройти. Это, – ткнул он карандашом, – выходы из города. Там тоже не пробиться. Пытались не раз. Сильная охрана, пулеметы, танки. Единственный путь, по которому можно проникнуть, – указал он на жирные штрихи, – это канализационные туннели. Они давно не используются, сухие, но все замурованы. И возможно, что охраняются. Мы подорвем кладку в нескольких местах и ворвемся в центр.

– Не пойдет, – прервал его Саня. – Взрывы наделают много шума, и эффекта внезапности не получится. Горожане успеют подготовиться к встрече. Нет, надо просочиться незаметно и неожиданно ударить из нескольких точек. Эх, хоть какую-нибудь зацепочку, – вздохнул он.

– Может, все-таки я попробую, – предложил незримо присутствующий Колдун.

– Нет. Если ты сразу же нарвешься на кого-нибудь, то не успеешь сделаться невидимым, и он тебя убьет. Не спеши, выход должен быть. Только я пока еще его не вижу.

Ничего не слышавший Ури сидел рядом, устремив взор на далекие зеленеющие поля, раскинувшиеся за городом.

– Когда-то и я там надрывался, – проговорил он.

– Что? – переспросил Саня.

– Смотри, – сунул тот ему бинокль. – Видишь, человечки копошатся?

В приблизившихся полях мелькали человеческие фигурки. Склонившись, почти спрятавшись в густой пшенице, они совершали какие-то действия.

– Урожай собирают, – пояснил Ури. – А в черном – охрана.

– Зачем охрана, – удивился Саня.

– Чтобы не разбежались. Это же подневольные, рабы.

– Какие рабы? – Саня был ошеломлен.

– Обыкновенные. В городе две касты: военные и горожане. Военные живут в свое удовольствие. В их руках власть, а с горожанами они обращаются, как со скотиной. Заставляют работать на себя, бьют плетьми, морят голодом, убивают. Настоящее рабство.

– Да как они терпят такое? – ужаснулся Саня.

– Против пулеметов не пропрешь. Вот и терпят. Выжидают случая и бегут. Или гибнут под пулями. Я сам, да и все наши оттуда. Вот, – обнажил он плечо, – метка осталась. Навылет прошла.

– У меня тоже такая есть, – не удержался Саня.

– Где это тебя?

– Маньяк какой-то в родных местах чуть не прикончил, когда охота на нас началась.

– А я в родных местах так больше и не был, – вздохнул Ури. – Как попал в «дыру», так и пошел гулять по свету.

Саня вздрогнул и ошарашено глянул на собеседника. Из воспоминаний Ури выплывали картины Саниного города. Поверить в такое было трудно.

– Как там теперь? Живы ли мои старики? – продолжал Ури.

– Никак, – перешел Саня на русский язык. – Нет уже города. Река начисто смела, когда плотина рухнула.

– А ты откуда знаешь? – недоверчиво уставился на него Ури.

– Был там. Это ведь и мой город.

В следующее мгновение он очутился в мощных объятиях Ури.

– Земляк! – радостно орал Ури, тиская его. – А ты помнишь это? Помнишь то? – засыпал он Саню вопросами.

– Никогда бы не подумал, что ты мой земляк, – говорил, отдуваясь, через некоторое время Саня. – Имя какое-то нерусское.

– Почему нерусское? – возразил тот. – Самое что ни на есть русское – Юра, Юрий. Это его мои ребята исказили для удобства. Ну, Саня, – поднялся он, – если по-честному, сомневался я в тебе. Но теперь голову сложу, но помогу.

– А я тебе, – отозвался Саня.

– Ну, гады, держитесь! – пригрозил Юра кулаком в сторону центра. – Скоро вам всем наступит конец.

– Юра, что это? – прервал его Саня.

Вдали у горизонта двигалась вереница машин. Через бинокль Саня различил несколько грузовиков. Впереди бойко катили три бээмпэшки.

– Караван? – с сомнением произнес Ури. – Нет, слишком мала охрана. Паскуды! – зарычал он. – Это налетчики из соседнего

города. Смотри, что сейчас будет, – вернул он бинокль Сане.

Дальнейшие события происходили быстро. Колонна подлетела к работающим в поле людям. Бээмпэшки помчались по кругу, поливая оцепленную группу огнем. Люди попадали на землю. Кое-где мелькали черные фигурки, отстреливающиеся из автоматов. Вскоре исчезли и они. Только в середине круга мелькала одинокая черная фигура с полыхающим на конце ствола автомата огнем.

И тогда одна машина ворвалась в круг. Саня видел, как она мчится, не выбирая дороги, прямо по лежащим людям, как извиваются в агонии под ее колесами тела.

Спустя мгновение с сопротивлением было покончено. Из автомобилей высыпались вооруженные люди и стали прикладами и пинками подымать лежащих и сгонять их к грузовикам. Через пару минут колонна двинулась в обратный путь, оставив за особой замершие на земле фигуры. До Сани донесся гул. Откуда-то сбоку из города вырвалась на дорогу другая колонна и бросилась вдогонку за уходящими. Но было поздно. Налетчики быстро уходили в степь. Преследователи, убедившись в тщетности погони, повернули назад.

– Вот всегда так! – Юру трясло. – То соседи налетают, то наши идут к ним за добычей.

– Зачем все это? – перед Саниными глазами все еще стояли извивающиеся в конвульсиях тела.

– Рабов им не хватает. Вот и делают набеги, захватывают друг у друга.

– А вы?

– А что мы? – зло крикнул Юра. – Что может жалкая горстка людишек? Нам самим жрать нечего. Крутимся как шакалы вокруг города, довольствуемся тем, что ограбим раз – другой какой-нибудь караван, – тем и сыты. Они нас всерьез не принимают. Даже охрану в полях сильную не ставят. Понимают, что нам лишние рты не нужны. Мы как в заколдованном круге, – чтобы ворваться в город, нужны люди. А их нужно чем-то кормить. Но еду мы можем найти только в городе. Как выйти из этого круга?

– Есть выход! – закричал Саня, схватил Юру в охапку, и они, кувыркаясь, унеслись в облака.

– Назад! – отрезвил его нагнавший Колдун. – Я не могу вас прикрыть. Могут заметить.

Очутившись на старом месте, Саня шутливо дернул Юру за штаны:

– Как там, не мокро?

– Н-ну ты д-даешь! – стуча зубами выдавил бледный Юра. – Хоть бы предупредил.

– Будут у тебя и люди, и еда, и оружие. Все будет, – Саня ликовал. – И город твоим будет. Итак, приступим, – он посерьезнел. – Где содержатся рабы?

– В подвалах.

– Мне нужен хотя бы один раб. С его помощью я запрыгну в город.

– Зачем тебе один, когда нас вон сколько. Мы все вышли из этих подвалов.

К вечеру был разработан план операции. Саня и объявившийся Раджа ночью распределяют боевиков Ури с оружием по застенкам, в которых содержатся рабы. Перед рассветом все группы, пополненные рабами, активизируются, захватывают подвальные помещения и выходят наверх. Остальное зависит от внезапности нападения.

Саня выговорил у Ури два условия. Во-первых, они с Раджей в боевых действиях участия не принимают, разве что подключаются в случае неожиданных осложнений. Во-вторых, высшие руководители нужны им живыми.

Переправку закончили только под утро. Оружия не хватало, хотя Сане пришлось опустошить свои склады в пещере. Но, несмотря на это, атака началась удачно. Не ожидавшую нападения охрану сломили без шума. С первыми лучами солнца на улицы хлынули из подвалов и люков вооруженные толпы. Загремели выстрелы и взрывы.

К вечеру город был в руках восставших. Кое-где на окраинах еще слышалась перестрелка. В центре выстрелов уже не было. Только возбужденно гомонили на улицах освобожденные горожане. Ури провел Саню с Раджей к окруженной гневными людьми группе плененных военных. Изрядно поработали над ними бывшие униженные. Все были в синяках, изодранная одежда свешивалась лохмотьями, открывая кровоточащие раны.

Саня и Раджа медленно пошли вдоль выстроенных в ряд пленных, вчитываясь в их мысли. Обойдя всех, но так и не обнаружив ничего интересующего их, Саня обратился ко всей группе.

– Где главный?

– Сбежал, – донесся одинокий ответ.

– Кто это сказал?

Из группы выступил солдат в черной форме с перевязанной кровавой тряпкой головой.

– Сбежал с Нечистым, – повторил он. – Я из его личного окружения. Сам видел.

– Рассказывай!

– Когда началась заваруха, ему понадобилось зачем-то в подвал. Потеряли много людей, но пробиться так и не смогли. Тогда генерал бросился к ангару, где орудовал Нечистый. Тот как раз находился там. Наш схватил Нечистого, и они исчезли. Сволочь! – докончил он. – Мог бы и нас с собой забрать.

– Неудача! – констатировал Саня. – Вся наша экспедиция насмарку. Теперь до него сложнее добраться будет.

– Обойдемся без генерала, – сказал Раджа. – Что находится в подвале?

– Не знаю, – ответил пленный. – Все было под строжайшим секретом. Знал только генерал да несколько наиболее приближенных к нему офицеров.

– Они есть среди вас?

Солдат окинул взглядом своих соратников и отрицательно качнул головой.

– Нет.

– Сам сможешь провести в этот подвал?

– Часть дороги знаю, а дальше… – он развел руками.

– Проведешь там, где знаешь.

Пленный кивнул головой.

Дошли только до этого места, – указал пленный на груду мертвых тел.

Судя по всему, схватка здесь была жаркая. Нападающие и обороняющиеся лежали вперемешку друг на друге на протяжении всего подвального коридора. При блеклом свете ламп были видны бескровные восковые лица с застывшими навечно гримасами ярости, страха и боли, темнели на бетонном полу лужи крови.

– Надо проверить все отсеки, – указал Раджа на тянущиеся вдоль коридора двери.

Ури ринулся со своими людьми по коридору, но Санин окрик остановил их.

– Здесь нужна предельная осторожность, – объяснил Саня. – Извини, Ури, но от этого зависит судьба нашей планеты. Поэтому мы должны все сделать сами.

– Хорошо, – согласился Ури. – Мы будем ждать здесь. В случае чего только крикни…

– Что будем делать? – обратился Саня к Радже.

– Не знаю, – задумался тот. – Возможно, она где-то здесь. Возможно, не одна, а с охранением. Мы можем неосторожно спугнуть охрану, и тогда последствия могут быть непредсказуемыми.

– Хватит болтать, – возник неожиданно перед ними Колдун, испугав шарахнувшихся в разные стороны боевиков Ури. – Здесь могу справиться только я.

– Но ты же не сразу делаешься невидимым. Тебя могут заметить, – возразил Раджа.

– И если с тобой что случится, – добавил Саня, – нам будет намного сложнее высвободить ее. Может, не удастся сосем. Ты ставишь под удар всех нас.

– Я пойду под потолком, – предложил Колдун, – и у меня будет достаточно времени, чтобы отвести всем глаза.

– Ну, как? – Саня глянул на Раджу.

– Пусть идет, – ответил тот. – Мы все равно ничего лучшего предложить не можем.

Колдун взвился под потолок и под благоговейный шепот боевиков медленно поплыл по коридору, задерживаясь у каждой двери, исчезая ненадолго, вновь появляясь и следуя дальше.

Через некоторое время он вернулся.

– В трех комнатах женщины. В остальных пусто.

– Это гаремы генерала, – сказал пленный солдат. – Женщин он очень любил. Самых красивых выбирал.

– Не стал бы он из-за гарема рисковать жизнью, – задумчиво произнес Ури. – Может, он держал ее вместе со всеми? В толпе легче спрятать.

– Вряд ли, – возразил Саня. – Там ее сложнее охранять. Симон легко бы выкрал. Она должна быть отдельно.

– Но женщин все равно надо освободить, – глянул Ури вопросительно на Саню. Тот кивнул головой.

– Осторожнее, там автоматчики, – крикнул вдогонку Колдун.

Боевики бросились крошить автоматными очередями дверные запоры. Прошившие двери изнутри очереди сразили нескольких человек.

– Сдавайтесь! – закричал Ури. – Вам сохранят жизнь. Город в наших руках.

Из-за дверей донеслись недоверчивые возгласы и выстрелы.

После непродолжительных переговоров двери раскрылись, и в коридор выступили с поднятыми руками охранники. Поток женщин, вырвавшийся вслед за ними, сбил с ног и их, и боевиков и захлестнул коридор.

– Колдун, – закричал Саня, – перекрой выход.

Колдун мысленно воздвиг перед этой неуправляемой стихией монолитную бетонную стену. Женщины, откатившись от нее, принялись бестолково метаться по коридору, оглашая воздух криками и визгом.

– Тише! – закричал, пытаясь перекрыть женский визг, Ури. – Без паники. Успокойтесь. Отныне вы свободны. Сейчас вас выпустят отсюда.

Шум постепенно стих. Саня выступил вперед.

– Есть ли среди вас женщина, мужа которой зовут Симон и он – Нечистый?

Ряды зашевелились, зашумели. Наконец, одна крикнула:

– Нет такой. Это точно. Мы друг про дружку все знаем.

– Может, кто-нибудь из вас знает или слышал о ней?

– Нет, не знаем, – донеслись ответы.

– Выходите, – понурив голову, Саня отступил от выхода. – Снимай, – сказал он Колдуну. – Все бесполезно.

Женщины потянулись к выходу.

– Да не расстраивайся ты, – остановилась около Сани молоденькая черноглазая девушка. – Другую найдешь. Или хочешь, – я буду вместо нее. Вишь, я какая! – она, смеясь, крутанулась перед ним.

– Извини, – улыбнулся Саня, – у меня уже есть жена. А эту женщину нам позарез нужно найти.

– Ну, как знаешь, – улыбка исчезла с лица девушки, и она метнулась по лестнице. Но, замешкавшись на половине, вернулась назад.

– Пойдем, – схватив его за руку, она потянула его вглубь коридора. Саня последовал за ней.

Войдя в одну из камер, она подвела его к стене.

– Слушай! – и приникла к ней ухом. Саня последовал ее примеру.

Сквозь стену доносились еле слышимые голоса. Разобрать, о чем говорят, было невозможно.

– Наши, наверно, – отмахнулся Саня. – Похоже, это смежная комната из подвалов соседнего дома.

– А это что? – указала девушка на еле заметную ровную вертикальную щель.

– Потайная дверь?

Она кивнула головой.

– Днем здесь никого не бывает. Нас всех угоняют на работу. Можно делать все, что хочешь. Но по ночам я иногда слышу из-за стены женский плач и стоны.

– Колдун! – позвал Саня.

Появившийся Колдун взлетел под потолок и исчез. Но тут же появился.

– Похоже, она! – радостно крикнул он. – Закована в цепи, которые вделаны в стену. К тому же еще рядом двое с пистолетами.

– Знали, как от нас предохраниться, – зло проговорил Саня. – Оттуда нам ее незаметно не выдернуть.

– Выдернем, – успокоил Раджа. – Выбросим сначала тех двоих, а потом уже спокойно перепилим цепи ножовкой или

напильником.

– Зачем ножовкой, – оживился Саня. – Долго провозимся. У меня в пещере газовый резак есть.

Дальнейшее уже было несложно. Колдун отвел глаза охранников, они свалились тем на головы и, не дав опомниться, выбросили прямо в объятия боевиков. После чего, уже не торопясь, освободили женщину от оков. Браслеты решили распилить позже. На это уже не было времени, да и Симон, увидев жену в таком виде, будет злее.

На Маргаритке было неспокойно. В лагере противника полным ходом шли сборы. Спешно укладывались палатки, загружались в грузовики вещи. Техника выстраивалась в походную колонну. Новые торопливо перегораживали выходы из каньона, стремясь не позволить врагу выйти оттуда. В эту работу включилось все население Маргаритки. В ущелья перебрасывались деревья, камни и даже огромные обломки скал. Земляне, не понимая, откуда рушится все это, поливали огнем склоны, но жертв пока не было.

– Вовремя появились, – вокруг прибывших быстро образовалась толпа. – Это она? – спрашивал то один, то другой, пробираясь поближе, чтобы разглядеть виновницу нашествия, новую «троянскую Елену».

– Теперь надо заполучить как-то Симона, – сказал Питер, возглавлявший на время их отсутствия борьбу, – и тогда они для нас серьезной угрозы представлять уже не будут.

– Симон под сильной охраной, – сообщила Рита, участвующая в группе наблюдения. – Незаметно выкрасть его не удастся.

– Да к тому же он будет сопротивляться, – добавил кто-то.

– Да, – согласился Саня, – здесь нужны осторожные и продуманные действия. Колдун, без тебя не обойтись. Набирай группу.

В это время послышался плач, и сквозь толпу к Сане пробилась дочь. Из глаз ее текли слезы, в руках она держала хомячка, безжизненно свесившего вниз голову.

– Папа, – плакала она, – зачем они это сделали?

– Кто?

Те, в черном. Я видела, как один из них пнул его ногой.

Саня прижал Татьянку к себе.

– Потери, дочка, немного осталось. Скоро они уйдут отсюда, и никто больше твоих хомячков не обидит. А ты что там делала? – встревожился он. – Кто разрешил? Там опасно.

– Никто. Я сама. Хомячка только забрала.

– Я запрещаю тебе появляться там. Поняла!?

– А как же хомячки? – захныкала дочь. – Их же растопчут всех.

– Прикажи им спрятаться глубже в норы. Выводить их оттуда уже поздно. Вернись! – крикнул он удаляющейся дочери. Он вспомнил, как она манипулировала с хомячком, да и с ним заодно подшутила. Татьянка вернулась.

– Ты сможешь выдернуть из вражеского стана Симона, как тогда своего Кешу?

Татьянка кивнула.

– Можно, я возьму в помощь подружек, а то одной тяжело будет?

– Они тоже могут это делать?

– Да. Люся и Марыська. Можно?

– Не можно, а нужно! Колдун, отбой! – радостно закричал Саня.

Дети в сопровождении взрослых пробрались к скалам над котловиной. Улучив подходящий момент, они перебросили не ожидавшего таких событий Симона к своим.

Оказавшись среди соплеменников, Симон, затравленно озираясь, попытался тут же, несмотря на сжимающие его силовые узы девчонок, улизнуть.

– Симон!

Взгляд его выхватил из толпы женщину в оборванном платье и кандалах.

– Мари?

Женщина бросилась к нему. Люди молча смотрели на застывшую в объятиях пару. Кто радостно, а кто с затаенной завистью.

– Папа, – толкнулась под руку Татьянка, – зачем ей эти висюльки?

– Это не для красоты, Танюшка. Это ее так мучили те, кто убил твоего хомячка.

– Можно, я сниму их?

– Глупышка! – засмеялся Саня, но тут же оборвал смех. Оковы один за другим падали на землю. Подняв один, он увидел, что браслет разорван, словно лист бумаги. Вокруг восхищенно зашумели.

– Ничего особенного, – Татьянка смутилась и исчезла.

Симон, очнувшись от шума, оторвался от жены и обратился к согражданам.

– Я виновен, – сказал он. – Наказывайте, как хотите. С любым решением я буду согласен.

Саня молча потрепал его по плечу и подтолкнул к жене.

Колонна автомашин вытянулась перед выходом из долины.

Из ущелья доносились выстрелы и грохот взрывов.

Защитники заняли позиции над ущельем и теперь наблюдали за действиями противника. Татьянка, несмотря на уговоры матери, затаилась рядом с отцом.

Внизу под ними танк усердно долбил снарядами завал, стремясь пробить в нем брешь. Пыль серым столбом стояла над ущельем, снижая видимость. От каждого выстрела земля содрогалась, и завал заметно проседал.

– Ведь вырвутся! – сказал лежащий рядом Питер. – Давай сбросим на него скалу.

– Там люди, – лаконично ответил Саня.

Питер затих.

– Чем он стреляет? – спросила любопытная Татьянка.

– Вон той трубой, – объяснил Саня, – что торчит впереди.

– Ага, – Татьянка задумалась.

Ствол танка вдруг зашевелился, выгибаясь словно змея, и, изогнувшись, завязался в узел. Из танка выскочили люди в комбинезонах и столпились под ним, ощупывая узел и возбужденно переговариваясь. Затем все нырнули внутрь, танк фыркнул и попятился назад в долину.

И тогда ближайший утес зашевелился, покачнулся. С него лавиной посыпались камни. Мелено, с трудом оторвавшись от основания, многопудовая глыба поднялась в воздух и поплыла вслед за танком.

– Татьянка! – с благоговейным ужасом прошептал Саня. Та замахала руками, требуя не мешать.

Танк, ползший медленно, резко рванул с места и, словно взбесившись, разнес преградившую путь автомашину, вырвался в долину и помчался на полном ходу прочь. В колонне возникло замешательство. В следующее мгновение автомобили, неистово сигналя, стали разворачиваться, сталкиваясь друг с другом, круша и переворачивая соседние машины. Отвоевав свободное пространство, они бросились в разные стороны. Из них горохом сыпались на ходу люди, попадали под колеса, метались в поисках укрытия от ужасающей громады.

Скала, не обращая на происходящее внизу внимание, упорно преследовала танк. Тот мчался, виляя из стороны в сторону, резко меняя направление, но глыба не отрывалась, накрывая его серой тенью. Отчаявшись, танк остановился. Люк откинулся, выскочившие из него люди метнулись в кусты. Выждав, пока они разбегутся подальше, глыба плавно пошла вниз. Под неимоверной тяжестью танк заскрипел и стал медленно погружаться в землю. Из-под скалы полыхнуло пламя, до наблюдателей докатился оглушительный грохот.

Когда дым рассеялся, посреди ровной долины, прочно утвердившись на почве, возвышалась одинокая скала.

Произошедшее вызвало внизу неописуемую панику. Люди бросали машины, освобождались от сковывающего движения оружия и амуниции и разбегались в поисках укрытия.

Тогда с окружающих долину гор, вызвав вопли ужаса, снялись еще две скалы, к ним присоединилась третья, и они начали хаотически летать над долиной.

– Люська и Марыська! – догадался Саня. – Сгоняйте их в центр! – крикнул он дочери. Та кивнула, сосредоточенно колдуя своей силой.

Глыбы выстроились в цепочку и принялись методично кружить над долиной, сжимая круг по спирали. Одна зацепилась за горную гряду, снеся на ней лесистый покров и вызвав лавину, но выправилась и продолжила свой мистический полет.

Люди внизу обезумели. Одни мчались, не разбирая дороги, другие, упав на землю и закрывшись руками, молились в ожидании страшной смерти. Третьи, поняв, в чем их спасение, бежали к центру долины. Вскоре там собралась многочисленная толпа. Взвился и затрепетал белый флаг.

– Я пойду к ним, – передал Саня своим.

– Не надо. Я уже здесь, – донеслось до него.

– Симон, ты? – ахнул Саня, увидев внизу одинокую фигуру, не спеша приближающуюся к побежденным.

– Я их сюда привел, я должен и увести, – ответил Симон. – Не появляйтесь, постараюсь справиться один.

Симон приблизился к толпе. Послышался одинокий выстрел. Произошла заминка. Было видно, как в толпе кого-то бьют. Скалы грозно качнулись, вызвав панические крики.

– Не надо, – передал Симон. – Все в порядке. Генерала разоружили.

– В тебя стрелял? – спросил Саня.

– Промахнулся. Свои же помешали.

Фигура Симона слилась и растворилась в толпе.

Мучительно тянулось ожидание. Особенно сказалось это на лежащей рядом Татьянке. Бисеринки пота выступили на ее лице, губы плотно сжаты, взгляд застыл на чуть покачивающейся в воздухе скале.

– Скорей же, скорей! – неслышно молил Саня Симона.

Словно услышав его мольбу, кучка людей, собравшихся в центре, вдруг исчезла.

– Все! – вздохнул Саня.

Скалы медленно опустились вниз, и Татьянка, откинувшись на землю, расслабленно прикрыла глаза.

– …тех, кто не захотел остаться с нами, – продолжал Юра, – обменяли в соседнем городе на рабов. За генерала дали аж десять человек. Видно, здорово злы на него были.

– Правильно сделали, – согласился Саня. – Хватит уже смертей.

Они сидели на берегу Океана. Юре очень хотелось посмотреть на Маргаритку, и Саня предоставил ему такую возможность. Они наблюдали планету с высоты птичьего полета, побывали на Олимпе, в долине Непрошенных гостей, смеялись над неуклюжими строителями – хомячками, и теперь прилегли отдохнуть на обширном пустынном пляже Океана.

– Что собираешься делать дальше? – задал Саня вопрос. – Как планируешь строить дальнейшую жизнь?

– Не знаю, – пожал Юра плечами, – а надо бы знать. Мэром меня выбрали. Совсем завяз в делах.

– На круги своя, – пробормотал Саня.

– Что?

– Это я так, сам себе, – отозвался Саня. – Просто думы у меня кое – какие.

– Ну, так выкладывай! Поделись с товарищем. Глядишь, и пригодятся.

– Я вот что думаю. Еще в древности говорили, – любая власть есть угнетение человека. Сколько уж тысячелетий нашей цивилизации, а все остается по-прежнему. Какая бы ни была власть, пусть даже самая прогрессивная, а все равно служит только узкой группе лиц, олицетворяющих ее. Против народа сразу же создается куча запретов, от него его же именем требуют противное его желаниям. Отсюда и нищета, бандитизм, проституция. А позволь человеку делать то, что ему по душе, убери все запреты. Глядишь, и не будет ничего этого.

– Верно ты рассуждаешь, – задумался Юра. – Только как это сделать?

– Не нужно никакой власти вообще. Вот ты – власть. Через год – другой обрастешь жирком, загордишься, почувствуешь вседозволенность, – и опять все повторится.

– Нет, – замотал Юра головой, – не бывать этому. Столько крови пролили, – зоря, выходит?

– Будет, будет, – не уступал Саня. – И сам не заметишь, как по этой дорожке покатишься. Одному скажешь «нет», другому. Это и будет началом твоего конца. Сам не заметишь, как во вкус войдешь. Понравится командовать, приказывать. Возомнишь себя гением.

– М-да, – почесал Юра затылок. – А ведь такое может действительно произойти. Что же делать?

– Откажитесь вообще от политики власти. Решайте все сообща, как в старину на новгородском вече. И любое решение проводите при максимальном количестве сторонников. Чем меньше противников, тем более правильным будет решение.

– Хорошая идея, только сложно будет ее реализовывать, не имея опыта. Слушай, Саня, – вскочил Ури, – почему бы вам не вернуться на Землю? Опорная точка у вас есть – наш город. Там вы будете в безопасности. И нам заодно поможете жизнь настроить. А там глядишь, и другие города к нам примкнут.

– Нет, – покачал Саня головой, – извини, но мы уже не сможем жить на Земле. У нас совсем другая система жизни. Жить у вас, – это, значит быть прикованным к городу, к своему дому, обрастать мелкими житейскими заботами. А нам все это не нужно. Гуляем, где хотим, едим, где хотим, спим тоже. Скучно и тесно будет нам у вас. Хоть внешне мы такие же, но внутри мы, может, уже и не люди. Во всяком случае, не земные люди. И в нас что-то продолжает меняться, перестраиваться. Сравни, к примеру, меня с дочкой. Она уже отличается от меня. А что будет с ее детьми, с моими внуками? Я даже не представляю. У вас все ясно – что было позади, что будет впереди. А у нас? Вот эта неясность и гнетет меня, не дает жить спокойно. Конечно, появляться у вас мы будем, и часто. Но чтобы жить – нет. Со своими проблемами надо разобраться.

– Завидую тебе, – задумался Юра. – Завидую вашей планете, – как вы живете, не коверкая природу. Завидую вашим способностям. Твоей обеспокоенности завидую. Завидую! – топнул он ногой. – Неси меня назад, а не то передумаю. Тогда никакими клещами меня отсюда не выдерешь.

– Не забудешь наш разговор? – поднялся Саня.

– Не забуду. Прощай, земляк!

– Все-таки идешь?

– Иду, – Саня пытался не смотреть в тревожные глаза Риты. – Извини, женушка, не могу иначе. Вон и Питер ушел, слова никому не сказал. Пора и мне. Годы проходят, а конца нашему пути не видно. Так можно состариться и умереть, не узнав главного. Грустно тогда умирать будет.

– Может, нам вместе, как обычно, – взгляд ее стал просительным.

– А Татьянка?

Рита грустно опустила голову.

– Хорошо. Иди. Но только вернись, слышишь! – в глазах ее стояли слезы. – За тобой не только я с Татьянкой, за тобой стоит весь наш народ. Ты не должен погибнуть, не имеешь на это права. Слышишь?!

Саня крепко прижал ее к груди.

– Вернусь, обязательно вернусь, – шепнул он.

Он стоял на горной вершине. Под ним расстилалась невидимая в темноте планета. Его планета. Его и его племени.

Но Саня не видел ее. Его глаз были устремлены к небу, усеянному мириадами звезд. Где-то там, среди них миллионы планет, миллионы миров. Где-то там его ждут.

Звезды приблизились и приняли его в себя.

Часть четвертая

Все осталось таким же, как и прежде. Также журчала, пробираясь меж камней, речушка. Также стояла стеной непроходимая тайга, вздымалась над лесом величавая скалистая вершина. Только заросла молодым леском и кустарником полянка, на которой стояла когда-то палатка, да утонули во мху камни, служившие ранее очагом костра. Исчезло и само очарование этих мест, – природа стала буйной, неуправляемой. Пожалуй, присутствие человека, что ни говори, а украшало. Или настроение у Сани было такое, что все вокруг казалось в сером цвете? Сколько времени бродил он, сколько планет, чужих миров посетил, а результат нулевой. Ни малейшего намека, ни тончайшей ниточки, зацепочки, от которой можно было бы оттолкнуться. Так и вернется он к своим ни с чем.

Саня сидел на стволе поверженной ели, нависшей нерукотворным мостом над речушкой. Вид ее иссохших, искореженных ветвей усугублял и без того тяжелое настроение. Мысли Сани снова и снова возвращались в прошлое в попытке еще раз проанализировать пройденный путь.

…Цветок… Живое существо или растение? Этого он так и не понял. Воронка в грунте диаметром в полсотни и глубиной метров в пять. Из центра ее плывут, расширяясь, кольца дыма или газа. Причем кольца не простые, а разноцветные. Будто радуга, опустившись на землю, свернулась клубком в этом маленьком для нее углублении. Достигая границ воронки, кольца расползались по земле. Налетавший порывами ветер подхватывал их, перемешивал и размывал по поверхности.

Саню так и тянуло забраться вглубь к самому центру, где зарождались эти цветные кольца. Но данное Рите слово, что он обязательно вернется, сдерживало его от рискованных поступков. Саня даже отступал от изредка подбиравшихся вплотную к ногам цветных разводов.

Заглядевшись на радужный цветок, он не сразу расслышал шум сзади. Осыпавшиеся рядом камешки заставили его вздрогнуть и обернуться.

Прямо на него катились серые шары. Вытянувшись цепочкой, они легко скользили по поверхности, обходя неровности и попадавшиеся на пути камни. В первый момент Саня хотел было отпрыгнуть от неведомой опасности подальше. Уловив его движение, шары остановились. Саня замер на месте.

Шары в нерешительности топтались на месте, возбужденно подергивая ноздреватой морщинистой поверхностью. Ни глаз, ни

ушей, ни каких-либо органов чувств у них видно не было, но Саня чувствовал их смятение, настороженность и любопытство при виде неизвестного существа.

Убедившись, что странное существо неподвижно и не предпринимает агрессивных действий, шары двинулись дальше. Обогнув на всякий случай Саню стороной, они один за другим нырнули в воронку. Саня осторожно подобрался к краю и стал наблюдать за ними.

Рассыпавшись в разные стороны, шары метались по склону. В их телах приоткрылись узкие поры, которыми они усиленно стали всасывать радужные кольца. По мере разрежения колец шары возбуждались все больше. Они начали прыгать с места на место, отталкивать друг друга, отыскивая более насыщенные газом участки. Только центр оставался нетронутым несмотря на то, что был наиболее насыщен парами.

Вскоре от радуги на склоне ничего не осталось. Шары выстроились по кругу метрах в двух от центра. Радужные волны, идущие из центра, разбивались об этот круг и исчезали в порах тел. Только до одного шара, которому не хватило места в круге, они не доходили. Обиженно метаясь туда-сюда, он пытался растолкать тела и втиснуться в круг, но это ему не удавалось. Отчаявшись добраться до лакомства, он откатился назад, разогнался и, перепрыгнув через кольцо эгоистичных сотоварищей, очутился в самом центре воронки. Рассмотреть дальнейшее Саня не успел. Запомнился только столб яркого пламени, вставший с сухим шелестом в центре, да испуганно улепетывающие в разные стороны серые шары.

А из центра воронки, как ни в чем ни бывало, уже снова расползались по склону цветные кольца…

Радужные цветы крепко врезались в память. Они были первыми в цепочке миров, прошедших перед Саней. Дальнейшее уже сливалось в смутные образы… Вот его атакует стадо небольших, в метр высотой динозавриков. Скрипя панцирями, жутко завывая, мчатся они гигантскими прыжками прямо на него, и если бы… Если бы не дубинки в их коротких передних лапах, Саня ни за что бы не догадался, что перед ним еще одна зарождающаяся разумная раса… Сиреневые гигантские амебы, стреляющие друг в дружку пучками молний, а затем неторопливо обволакивающие парализованное тело жертвы… Невидимые полевые структуры, чуть не вывернувшие его мозги наизнанку… Чего только не приходилось ему видеть. Но человек ко всему привыкает. Если раньше от одного вида какого-нибудь чудовищного отталкивающего обитателя неведомой планеты Саню окатывала волна ужаса или омерзения, то к концу своего

путешествия он уже вполне спокойно относился и к слизняку с человекоподобным лицом, и к мыслящим гигантским жабам, несмотря на зловонную жидкость, выделяемую тошнотворными бородавками на их коже. Но чего он достиг своими блужданиями, – этого Саня понять не мог. Разве что те каменные обелиски могли приоткрыть дверь в тайну, но их загадку он так и не смог разгадать.

Эта планета была обычной в череде проходящих перед ним. Единственное, что не вписывалось в безжизненность ее ровной песчаной пустыни, – это вознесшиеся высоко в небо гигантские трехгранные пики – обелиски. Что это – остатки былой цивилизации, варварски загубившей саму себя, природные образования или что-то еще третье, неведомое?

Саня долго кружил вокруг одного, пытаясь выяснить это, но ни к какому определенному выводу не пришел. Если это искусственное сооружение, то почему грани не обработаны ровно, а идут наплывами, как кристаллы горного хрусталя? Но если природное, то из какого материала выросла эта черная монолитная громада? В дальнейшем гипотеза природного происхождения взяла было верх, но одно событие сломало всю цепочку умозаключений и опять воздвигло перед ним непреодолимую стену загадочного. К исходу дня, когда он удалился довольно далеко от обследованного пика, почва под ногами дрогнула. Обернувшись, он успел заметить прочертивший вечернее небо огненный зигзаг. Каково же было его удивление, когда, вернувшись назад, он не обнаружил своего обелиска. Только следы, оставленные его ногами, подсказывали, что эти три разошедшиеся, покосившиеся каменные стрелы составляли только что единое целое. Что же все-таки это было такое? И что за снаряд выстрелил обелиск? Все эти вопросы так и остались без ответа. И не только они. На самый важный вопрос – что ждет впереди мутантов? – ответа Саня так и не нашел.

Стоило ли возвращаться назад? Его ждет Рита с Татьяной, ждут Раджа, Колдун, ждут все Новые. Ждут с ответом. А что он может сказать? – Ничего.

На плечо взобрался зеленый клоп. В нос ударил резкий запах. Улыбнувшись, Саня осторожно снял клопа и опустил на ствол.

– Беги, хозяин леса!

Клоп резво засеменил под прикрытие веток. Проследив за ним, Саня поднялся.

– Надо идти. Не со щитом, не на щите, но все равно надо. Хотя бы своих успокоить, что жив – здоров.

Пробежав напоследок места, с которыми так много было связано воспоминаниями, его взгляд задержался на вершине. Что-

то там было не так.

Раньше Серебрянка сверкало одной точкой на самом пике. Теперь там было две сверкающих точки. Словно два глаза воззрились на него с высоты.

– Доконает она меня своими загадками, – проворчал Саня, чувствуя, как по спине предчувствием неизвестного пробегает холодок. – То сверкающая неизвестно от чего вершина, то озеро, неизвестно кем вырубленное там, на самом хребте. Теперь еще эти глаза появились.

Он вспомнил тот далекий солнечный день, когда они вот также отдыхали здесь после своих похождений. Загорая тогда на каменных плитах рядом с неугомонной речушкой, он обратил внимание на огонек, мерцающий на самой вершине горы. Несмотря на ясный солнечный день, огонек светился довольно ярко и был заметен издалека.

– Что это там горит? – спросил он Риту.

– Не знаю, – ответила она, – и никто не знает. Загадка Серебрянки.

– Стекляшка какая-нибудь, – хмыкнул Саня, – или отполированный участок скалы – вот и вся загадка.

– Нет там ничего, – обиделась Рита. – Мы ее излазили вдоль и поперек. Ничего, что могло бы отражать солнечные лучи, там нет. Одни бесформенные камни и скалы.

Саня недоверчиво усмехнулся.

– Не веришь?! – подскочила Рита. – Пойдем, сам убедишься. К тому же ты еще ни разу не был на вершине.

– Я уж столько вершин покорил, и повыше этой, что особого желания добавлять к ним еще одну у меня нет.

– Пойдем! – упорствовала Рита. – Это же моя вершина. Разве тебе не интересно пройтись там, где ступала когда-то я?

– Ладно, – нехотя поднялся Саня. – Куда прыгать-то?

– Погоди! – засмеялась она. – Серебрянка покоряется только тем, кто взойдет на нее пешком, надеясь только на свою силу и выносливость. Иначе победы не почувствуешь.

– Дернуло меня связаться, – проворчал недовольно Саня. – Может, завтра? Сегодня итак вволю находились, устали.

– Только сегодня и сейчас! – Рита, как любая женщина, была упорна в достижении своего желания.

Часа через три взмыленные, промокшие от пота, они взобрались на самую верхушку и растянулись на прохладной поверхности камня, тяжело дыша от усталости. Несмотря на яркое солнце здесь было холодно. Ветер, пронизывая взмокшую одежду, неприятно холодил кожу. Небо удивляло своей чистотой и голубизной. В этой чистоте перед Саней открылась вся горная

страна. Отсюда, с полуторатысячеметровой высоты окружающее казалось неестественным, игрушечным. Ближние и дальние, слегка сглаженные расстоянием и дымкой горы были как на ладони, несмотря на разделяющие их десятки километров. Опушенные снизу лесом, который из могучей непроходимой тайги стал мшистым лишайником, они вздымали к небу голые острые клыки, будто стремясь достать и распороть его.

– Дикие места! – Саня восхищенно крутил головой. Словно впитав в себя мощь покоренной горы, он чувствовал себя равным по могуществу с ней.

– Ну, где твоя зеркало? – вернула его на землю Рита. – Ищи!

Обследовав вершину, Саня так и не нашел подходящего участка скалы, который мог бы отражать достаточно сильный солнечный луч. Кругом были хаотические изломы, нагромождения камней. Ни единой плоской поверхности.

– Убедился?

– Да, действительно загадка, – согласился Саня.

– Хочешь, покажу еще одну?

– Давай, сыпь все сразу, только бы хоть глоточек воды. Умираю от жажды после такого изнурительного подъема.

– Будет тебе вода. Потерпи немного.

– Спустя полчаса они оказались перед круглым, метров десять в диаметре, провалом, на дне которого поблескивала вода. Скатившись вниз, Саня прильнул к зеркальной поверхности и пил, пил, не в силах утолить жажду, удивительно свежую и вкусную ледяную воду. Рита пристроилась рядом.

Вволю напившись, Саня принялся с интересом разглядывать провал. Вертикальные, почти ровные стены образовывали идеальный цилиндр. Только в месте спуска осыпавшиеся камни нарушали строгую геометрию. Сквозь воду у самого берега проглядывались камни, затем дно резко уходило вниз, и до противоположной стены была только бездонная темнота.

– Чудо природы, – прошептал завороженный Саня.

– Или загадка номер два, – добавила Рита.

– Сможет ли природа создать такую правильную цилиндрическую поверхность? – спросила она, встретившись с недоумевающим взглядом Сани. – Нет. К тому же видишь, – она указала на стены, – следы будто от шурфов. Кто их мог просверлить, если насколько человек помнит себя, это озеро уже существовало. А бур стали применять только в наше время. Как же оно образовалось? К тому же непонятные колебания уровня. Сегодня озеро обмелело, а завтра глядишь, – оно уже опять полное, через край переливается.

– Вода талая собирается и заполняет его, – нерешительно

предположил Саня. – Или дождь.

– Откуда стечет сюда вода, если озеро на самом верху хребта, – возразила Рита. – И какой должен быть дождь, чтобы заполнить такой большой объем?

Саня только пожал плечами.

– Не могу объяснить, – вернулся он к разговору, когда они сидели вечером у костра. – Действительно, получается загадка.

– Это еще не все, – отозвалась Рита. – Например, здесь часто появляются летающие тарелки. Я лично дважды их видела.

– Чушь! – ответил тогда Саня. – Нет никаких тарелок. Я в одной книге читал, американского автора, Мензел, кажется, что это все метеозонды и блики в атмосфере от солнца. Называются «гало».

– Ну, все бликами не объяснишь, – возразила Рита. – Я тоже его читала. Только человек, ни разу не запускавший метеозонд, может спутать летающую тарелку с метеозондом. А я запускала метеозонды, и меня этой чушью не проведешь. К тому же НЛО часто видят ночью, а ночью солнечных бликов не бывает. А случаи с появлением человекоподобных существ, контакт с ними людей, – это как объяснить?

Теперь к загадкам Серебрянки добавилась еще одна – сияющие на вершине глаза. Холодно мерцая, они казались недосягаемыми и в то же время тянули, манили к себе, предвещая что-то необычное. Как тот радужный цветок. Но там была опасность. Заранее настраиваясь на то, что он ничего, как и в первый раз, не обнаружит, Саня направился к вершине.

Рядом со сложенным когда-то альпинистами из камней крохотным обелиском – пирамидкой плавал в воздухе яркий золотистый шар. Словно маленькое солнце, заблудившись, сошло на землю. Но в отличие от солнца лучи шара не грели.

– Шаровая молния? – мелькнула мысль, – или НЛО?

Саня осторожно протянул руку. Шар дрогнул и отплыл в сторону. Одновременно в голове Саня возникла чужая мысль:

– Не трогай!

Оглянувшись, он никого не увидел.

– Это ты говоришь? – он снова протянул руку.

– Я же просил не трогать! – шар снова дернулся в сторону.

– Новый вид жизни? – с сомнением произнес Саня. – Маловероятно.

– Иди за мной, – донесся ответ, – и ты все узнаешь.

Не раздумывая, Саня шагнул за поплывшим шаром.

Горное озеро оказалось опорожненным. Вода словно перед самым его приходом исчезла, обнажив мокрые камни осыпи. Дальше зиял чернотой огромный колодец.

Скользнув вниз, шар исчез в глубине.

– Иди, не бойся, – сказал все тот же голос. – О тебе позаботятся.

Саня спустился по осыпи и с опаской заглянул в провал. Жуткой могильной сыростью веяло оттуда. Далеко в непроглядной тьме мерцал шар, освещая ореолом стенки колодца. Помедлив в нерешительности, Саня спрыгнул вниз. Сердце сжало в тиски, но тут же он почувствовал, как что-то неосязаемое мягко обняло его тело и, упруго поддерживая, повлекло все глубже и глубже в бездонную пропасть.

В какое-то мгновение плоть его исчезла, и разум, выплеснувшись, растекся по всей вселенной. Он услышал биение галактик, ощутил невидимые нити, связывающие их между собой, воспринял импульсы разума, зревшего в звездных скоплениях.

В следующий миг Саня оказался в обширной пещере. Не было ни тела, ни органов чувств, но он ощущал себя локализованным сгустком мысли, мыслящей субстанцией, образованных из неизвестных земной науке полей. Рядом с собой, в себе, вокруг он чувствовал еще кого-то, чувствами того воспринимал он и эту невидимую для обычного глаза пещеру, и горы, реки, моря Земли, и все живое, рождающееся, живущее и умирающее в этот миг наверху.

– Где я? – испуганно вскрикнул Саня, не в силах впитать в себя обилие теснящихся перед ним образов и мыслей. – Кто ты?

– Я – то, к чему ты стремишься, – прозвучал ответ, – и кем ты станешь в будущем.

– Но кто же ты?

– Я – Воля Вселенной, ее Разум.

– Вселенной? – удивился Саня. – Неужели и мой разум может приобщиться к Разуму Вселенной?

– В этом нет ничего удивительного. Я тоже вышел когда-то из такого же состояния, переступил на следующую ступень развития.

– И что ты можешь, Разум?

– Все. – И Саня опять ощутил себя в просторах космоса. В своих руках он держал, обжигаясь, раскаленные сгустки материи, лепил из них солнца и планеты, засеивал их спорами генных структур их ядер, вылетавших из тех самых загадочных обелисков на виденной им планете, терпеливо выращивал всходы жизни.

– Теперь понятно назначение обелисков, – подумал он.

– Да. Ты побывал там, где зарождаются зачатки жизни всей Вселенной.

– В этих ядрах, таких маленьких, сосредоточены все виды организмов, существующих во Вселенной?

– Не совсем, в твоем понимании. В ядрах зреют споры генов.

Структура их универсальная.

– Я имею немного понятие о генах. Многомерная цепочная структура. Но тогда получается, что по структуре мы, люди, одинаковы не только с организмами Земли, но и…

– И с медузами Венеры, хомячками Маргаритки, шарами и жабами, динозавриками, – продолжил голос. – Это ты хотел сказать?

– Да. Это не укладывается у меня в голове. Что может быть у нас общего?

– Все тот же ген. В его структуре неисчислимое множество свободных связей. Попадая на планету, ген в зависимости от ее природных условий вступает своими свободными связями в соединения, присущие только данной планете. Оттого и многообразие видов жизни. Но у всех видов одна цель, заложенная в гене и неизменяемая никакими условиями, – создание разума. Это – цель всего живого во Вселенной.

– А твоя цель?

– Всего сказать я тебе не могу. Ты сам не поймешь этого. В частности, моими целями являются совершенствование себя и поддержание разума на всех планетах Вселенной.

– Почему же ты здесь, на Земле, а не в космосе?

– Застывший разум – это не разум. Только постоянно совершенствуясь, существует разум. Потому я здесь. Наблюдая за жизнью на планетах, я накапливаю опыт, совершенствуюсь.

– Здесь, в темноте, под толщей горной породы?

– Я здесь, но я всюду. Я в траве, в земле, в мельчайшей бактерии и громадном слоне. Я прожил миллиарды жизней от простейшей инфузории до современного человека. Я живу в хомячках Маргаритки и медузах Венеры. Всюду, где существует жизнь, присутствую и я.

– И во мне тоже?

– И в тебе.

– Но я тебя никогда не чувствовал, – запротестовал Саня.

– Ты и не мог чувствовать, – ответил Разум. – Я присутствую незримо, неосязаемо. Я только наблюдатель и не должен вмешиваться в чужую жизнь. Разве что в крайних случаях, при непосредственной угрозе живущему.

– Летающие тарелки? – догадался Саня.

– Это частицы моего я. Посредством их я пытаюсь иногда изменить опасный ход событий.

– Но ты мог бы ускорить весь наш процесс развития. Представляешь, насколько нас отбрасывали назад такие темные века, как инквизиция, фашизм, сталинизм и прочие? А что с нашей цивилизацией сотворили «дыры»? Можно же было

избежать этого.

– Очень опасно вмешиваться в естественный ход развития жизни. Ты вскоре сам убедишься в этом. А «дыры» – это закономерный процесс. У животных детеныш до определенного возраста живет в гнезде с родителями. Подходит время, и он изгоняется из гнезда, чтобы начать самостоятельную жизнь. То же самое произошло и с вами. Земля – ваша мать – растила, лелеяла вас. Но наступил момент, когда ваше дальнейшее проживание стало наносить родительнице вред. Она была вынуждена изгнать вас для вашей же пользы, для вашего дальнейшего развития. А также для сохранения своего здоровья.

– Почему же не все люди оказались изгнанными?

– Не у всех одинаковое развитие. Кто-то достиг нужной ступени, кто-то оказался еще не готов.

– А кто-то погиб.

– Что поделаешь – естественный отбор. В гнезде тоже не все птенцы выживают. И на вашем пути будет еще не одна жертва. Таков закон жизни.

– И я могу не дойти?

– Можешь и ты.

– Но я хочу дойти. Я хочу стать таким же.

– Ты еще не готов к переходу на следующую ступень.

– Но попытаться все-таки можно? – не унимался Саня.

– Что ж, попробуй.

Пещера вдруг исчезла. Саня почувствовал, что он стремительно летит во мраке. Исчезло ощущение пространства, исчез Некто, только что говоривший с ним. Осталось только ощущение стремительного полета по черному туннелю, за стенками которого не было ни пространства, ни времени, – абсолютно ничего. И только яркое пятнышко, свет в конце туннеля указывал Сане направление полета. К нему стремилась его мысль, как ночная бабочка слепо и неудержимо стремится на огонь свечи. Чем ближе становилось это пятнышко, тем сильнее нарастало напряжение. Саня вдруг осознал, что он что-то теряет. Исчезали воспоминание детства, размывалось все плохое и никчемное, что ему случалось совершать в былой жизни. Исчезло само воспоминание о своем теле, о том, кем он был раньше. Мысли перестраивались, переоценивали приобретенный опыт. Выплыли из темноты и встали рядом родители, мафиози из заштатного городка и доктор с простреленной грудью, Ури и босс. Они улыбались друг другу! Кролик умильно смотрел в глаза заглатывающему его удаву.

Нет! Этого не может, не должно быть! С потерей воспоминаний, с потерей своего тела и индивидуальности Саня

еще мог смириться, как с неизбежностью перехода на высшую ступень. Но эта вереница образов была фантасмагорична. Не могут быть они равны между собой. Никогда!

– Ты не выдержал испытания, – раздался суровый голос. – Ты нарушил закон жизни. Любая жизнь имеет право на существование. Ты пренебрег этим. Приходи, когда осознаешь это.

Саня очутился на берегу озера. Также ярко светило солнце, воздух был наполнен ароматом жизни.

Что с ним случилось? Явь это или сон? Нет, на сон непохоже. Уж слишком все было реальным. Разве что озеро… Перед ним, обдавая прохладой, плескалась вода. Исчезло дно, исчез колодец, по которому он только что падал вниз. Саня схватился за голову.

Не получилось, не вышло у него шагнуть на следующую ступень. И выйдет ли вообще? Должно выйти, иначе тот, кто внутри горы, не приглашал бы его снова. Но что нужно делать, как осознать этот треклятый закон жизни?

– Слышишь меня!? – закричал Саня, наклонившись над темной бездной. – Подскажи, что я должен сделать?

– К этому ты должен прийти сам, – донеслось до него из глубины. – Прощай! Я буду ждать тебя.

– Я приду, – прошептал Саня.

Навстречу бежали Рита с Татьянкой. Саня подхватил обоих и закружил в вихре.

– Живой! – плакала и смеялась одновременно Рита.

– Куда я денусь, – в избытке чувств кричал Саня. – Я вечный!

– Ну, как у вас тут? – спросил он, когда, немного успокоившись, опустил их на землю.

– С нами все хорошо, только вот с Татьянкиными подопечными, – кивнула Рита на дочь, – не все в порядке. Прямо беда с ними.

– Что такое? – встревожился Саня.

Татьянка расплакалась, не в силах вымолвить ни слова.

– Доигралась! – Рита осуждающе покачала головой. – Все со своими домиками. Научила хомячков использовать для строительства морской ил.

– Зато домики крепче и дождь не пропускают, – возразила сквозь слезы Татьянка. – А еще они обкладывают им свои подземные коридоры, чтобы те не обваливались.

– Все правильно, – поддержал ее Саня.

– Правильно-то правильно, – в голосе Риты чувствовалось недовольство, – но из-за этого ил хомячки теперь гибнут.

– Как гибнут?

– Зверье морское охотится на них, – пояснила она. – Во время

отлива хомячки спускаются и собирают ил с обнажившегося дна. Сначала все было хорошо, а потом там объявились эти самые, как их…

– Реснички, – подсказала дочь.

– Тьфу, и название-то придумала! Ни к селу, ни к городу.

– А что, если они похожи на ресницы. Вот и назвала.

– Да бог с ним, с названием, – перебил их Саня. – Дальше-то что?

– Реснички прячутся в иле и ждут, когда хомячки подойдут поближе. Затем хватают их и в море.

– Ну так надо сначала проверить дно, а потом уже пускать хомячков, – предложил Саня.

– Так в том-то и все дело, что реснички невидимые. Тела у них прозрачные, только глаза черные да лапы и кончик хвоста красноватые. Лапы они зарывают в ил, и на темном фоне их практически не видно. Только когда вскакивают и бегут, тогда их можно заметить, но и то с близкого расстояния.

– Тогда нападать на них в этот момент и отбирать добычу.

– Попробуй, напади! – горько усмехнулась Рита. – Эти глупышки, – подтолкнула она дочку, – попытались. В итоге одна смерть. У ресничек длинный хвост, на конце которого пучок игл. Ими она убила Олеську, которая пыталась спасти хомячка. Что там, в иглах – яд или электрический заряд, – не знаю. Олеську спасти не удалось.

– Вот так задачку вы мне подкинули, – задумался Саня. – Надо что-то предпринимать. Идем на берег.

Волны, сопротивляясь, с шумом бились о берег и медленно отходили, обнажая дно. А там кишела живность. Одни торопливо прыгали, ползли, переливались вдогонку за уходящей водой. Другие зарывались в ил, предпочитая переждать в нем неблагоприятный период. По дну уже вовсю бродили хомячки. Грязные, со слипшейся шерстью, перемазанные зеленоватым илом, они загребали его передними лапами, испуганно шарахаясь от выскакивающего из него какого-нибудь морского урода. Набрав ил, они, смешно переваливаясь с боку на бок, торопливо семенили на задних лапах к берегу, освобождались там от ноши и спешили назад. Отливы и приливы здесь были частые, и им приходилось поторапливаться.

На берегу сидела Тереза.

– Привет! – Саня опустился рядом. – Ты что тут делаешь?

– Смотрю, как бы наша детвора сюда не сунулась. Вернулся?

– Ага. Потом расскажу. Ну, как здесь дела? – Саня кивнул на море.

– Тихо пока. Не показывались.

Они молча посидели на берегу. Рита крепко вцепилась в Татьянку, опасаясь, как бы та в случае чего не кинулась на подмогу хомячкам. Но ничто опасности не предвещало. Освободившееся от воды пространство было чисто. Хомячки деловито сновали по вязкому дну.

– Ой, мамочка! – вдруг вскрикнула и заплакала Татьянка.

Все подскочили.

– Где? Не вижу! – закричал Саня, озираясь.

– Вон там! Смотри! Да не туда же! – Рита указала направление.

Недалеко от кромки воды что-то еле заметно переливалось, рябило на фоне волн.

– Всем оставаться здесь, – приказал Саня и понесся туда.

По дну торопливо следовало странное существо. Сегментное тело длинной около метра с маленькой головкой и большими, еле умещавшимися на ней черными фасеточными глазами, заканчивались длинным суставчатым хвостом, на конце которого наподобие погремушки гремучей змеи находился пучок тонких коротких игл. Все это за исключением глаз и игл, было абсолютно прозрачным. Сквозь хитиновый панцирь Саня видел только красноватые жилки кровеносных сосудов и больше ничего. Только дно, преломленное телом реснички, дергалось и качалось в такт движению. Но что это было за движение! Ресничка не шла, а словно плыла по воздуху, не обращая внимания на попадавшиеся на пути валуны и впадины. По бокам ее тела свисала до самого дна колышущаяся красноватая бахрома, и только приглядевшись, Саня понял, что это ее ноги. Длинные, тонкие, перистые, они действительно напоминали своей изогнутостью и густотой ресницы. Так и хотелось прикоснуться к ним, погладить, подивиться их иллюзорной хрупкости. Но зажатое в челюстях безжизненное тельце и хвост, начавший хищно хлестать по воздуху при его появлении, предупреждали, что здесь не может быть места безобидным ласкам.

Зависнув над ресничкой, заторопившейся к спасительной воде, Саня сместился вбок, пытаясь определить ее реакцию. Та развернулась к нему головой, над которой угрожающе дергался хвост.

– Ясно, – сказал Саня.

Поманеврировав немного с ресничкой, пытавшейся дотянуться до него хвостом, он вернулся на берег.

– Не так уж они страшны, если знать, как с ними бороться. Татьянка, – обратился он к дочери, – ты можешь обучить своих хомячков групповым действиям?

– Попробую, – всхлипнула она.

– Тогда слушай. Хомячки, растянувшись цепью, прочесывают дно. При обнаружении реснички они нападают на нее с боков. Тут она бессильна зацепить их хвостом. Цель группы – откусить как можно больше ног у реснички. На суше она итак неповоротлива, а без ног вообще потеряет свои преимущества. Добивать ее нет необходимости. Уверен, через несколько таких стычек реснички потеряют всякое желание посещать эти места.

Вечером они сидели у костра, разложенного по такому торжественному случаю. Поодаль на границе света и тени толпились хомячки, оживленно чирикая по поводу невиданного полыхающего зверя. Саня мыслями был еще на Олимпе, где он только что обстоятельно рассказал всем о своих похождениях. Разговор был долгим и бурным, но Закон Жизни, о котором говорил Разум Вселенной, так и остался для них загадкой.

Поворошив в костре, Рита выгребла кучу поджаренных стручков картофеля. Они с аппетитом принялись уничтожать сладковатые плоды.

– Ты опять их балуешь, – заворчала Рита на дочь. – Вырастишь попрошаек да лодырей.

За спиной Татьянки, подозрительно быстро расправившейся со своей порцией, шла отчаянная возня, слышались попискивание и хруст картофеля.

– Я чуть-чуть, мамочка, – умоляюще посмотрела на нее Татьянка, – пусть попробуют, какая вкусная. А то они все сыроежки.

– Научи тогда обращению с огнем, – пусть тоже пекут.

– Огню? Хомячков? – задумчиво произнес Саня. – Нужно ли им это? Понял! – вдруг хлопнул он себя по лбу и, повалившись на спину, стал кататься по земле, дрыгая ногами и смеясь.

– Что с тобой? – тревожно спросила Рита.

– Все в порядке, – Саня поднялся и обнял жену. – Понял я этот Закон Жизни. Ты предложила Татьянке научить хомячков обращению с огнем. Но ведь он им совсем не нужен. Они вполне обходятся и будут обходиться без него. Это мы не могли жить без огня. Понимаешь, мы ко всему подходим со своей точки зрения, человеческой. Нас приучили к тому, что человек – венец творения, что только то, что полезно человеку, имеет право на существование, а остальное – нет. Корова, пчела, собака имеют право на жизнь, а комар, таракан, волк – нет. Но ведь это верно только по человеческим меркам.

Вот и здесь, на Маргаритке мы, отрешившись вроде бы от земной цивилизации, от ее моралей и принципов, все равно невольно по старой привычке следуем им. Там подмяли под себя природу и здесь поступаем также.

– Почему? – возразила Рита. – Посмотри кругом. Разве чувствуется здесь наше присутствие?

– А серебристые облака? До нашего прихода все было в экологическом равновесии. Облака, уничтожив всех крупных обитателей, с хомячками справиться не смогли. Угрожая им, они в то же время давали им жизненное пространство. Зато нам облака мешали. И мы их уничтожили по привычке. Что же теперь происходит? Из океана полезла всякая нечисть, сдерживаемая ранее облаками. Реснички – это только начало. Появится еще зверье во сто крат страшнее. Это будет концом хомячков. Выхода нам теперь нет, – уничтожив облака, мы взвалили на себя тяжкую обузу по сохранению племени хомячков. Вот чего достигли мы своими необдуманными действиями. Права была Воля Вселенной – нельзя вмешиваться в чужую жизнь.

– В следующий раз будем умнее, Санечка. Человеку ведь вообще свойственно ошибаться.

– Вот-вот. Ошиблись… Будем умнее… Человек… Что такое человек? Песчинка, микроб в мироздании. И не след ему с его моралью, ущербной и неверной, претендовать на роль высшего судьи, а тем более пытаться приобщиться к Разуму Вселенной. Поэтому мы застопорились в своем развитии. Нам нужно переосмыслить все человеческие ценности. Отречься от всей догматической мишуры, созданной для восхваления человека, и осознать свое истинное место на ступенях разума. Только тогда двинемся мы дальше.

– Хорошо. Дальше так дальше, – Рита положила голову на плечо мужу. – А как ты относишься к Витальке?

– Какому Витальке? – отстранился Саня.

– К своему будущему сыну.

– Да? – Саня с радостным удивлением посмотрел на жену, на ее начинающий обрисовываться живот и притянул ее к себе.

Костер весело пылал, выхватывая из темноты человеческие лица и пушистые мордочки зверьков.

Рецензия

Из всех видов литературного жанра Сергея Сюрсина привлекает фантастика. Причем, кроме чистой выдумки, его произведения содержат в себе увлекательные приключенческие и детективные сюжеты, вплетают в себя лирические преамбулы, любовные переживания героев, человеческие отношения, где есть и взаимное уважение, и подлость, и настоящая дружба. С большой любовью писатель описывает красоту природы от Прииртышья до Уральских гор, или же неведомых нам планет.

Все его произведения («Чарка», «Пасынки земли», «Все демоны», «Химеры летящей» и другие) раскрывают таинства необыкновенной выдуманной жизни, где реальные и сказочные миры как бы переплетаются в тугие нитяные мотки, которые автор распутывает не спеша, дотошно, увлекая читателя все в более необычные перипетии судеб своих героев. Надо сказать, что все его герои с земными чертами, что в придуманном мире он принципиально старается избегать формы небывалых, необычных предметов, которые фантасты зачастую «конструируют» из элементов реального мира. Люди и события под его пером обретают черты жизненности и реальности. Автор вживается в самую невероятную ситуацию и последовательно преображает предмет за предметом и все мыслимые и немыслимые положения, будь то бытовые или общественные в соответствии с предлагаемыми обстоятельствами. Словно предлагает читателю условия игры и талантливо их трансформирует. Причем представляет привычное, примелькавшееся и потому кажущееся естественным, единственно возможным, а значит правильным в своем необычном ракурсе. То есть переворачивает привычные отношения, и читатель попадает в такой мир, где все как бы наоборот.

Как говорит Сергей Сюрсин: «Фантастика – это реальность, слегка приукрашенная вымыслом». И не согласиться с ним нельзя. Фантастическое произведение имеет смысл только в том случае, если его корни уходят в настоящую действительность, в то же время, проникая в мир воображения. Его волнуют многие аспекты нашей жизни, беспокоит отношение людей к окружающей природной среде обитания, не оставляет равнодушным духовная жизнь человека. Фантаст считает, что многие беды проистекают от неумения человека творить большие и малые чудеса и «предлагает» учиться этому на планетах, расположенных в других измерениях. Об этом красноречиво изложено в его фантастических произведениях. Здесь наглядно

демонстрируется возможность человека взглянуть на дела земные сверху, ощутить, по мнению автора, приблизительность и даже ложность постулатов, на которые опирается наука в своем развитии, а также правдоподобность многих религиозных мифов, таящих в себе факты, непостижимые для рационалистов.

Автор не взирает со стороны на несовершенство жизни человеческой. В этом-то и есть драма самопознания и познания окружающего мира. По своей сути человек с рождения внушаем той действительностью, в которой он пребывает, теми первичными идеологическими догмами и краеугольными понятиями, навязываемые обществом. В своих произведениях автор пытается оспорить многое, что не совпадает, как он считает, с научными догмами. Стремится найти истину и сомневается в навязанной людям концепции мироздания. Он как бы предлагает вступить с ним в спор, не навязывая своего мнения категорично и безапелляционно. И при этом не пользуется закостенелыми догмами и мертвыми схемами, опираясь больше на свой личный жизненный опыт, черпая вдохновение из знаний и наблюдений, и часто обильно сдабривая свои сочинения удачными сравнениями, метким, остроумным словцом. Но и не скрывает своего отношения к человеческим слабостям, таким как жестокость, ненависть, жажда наживы. Искренне бичует зло, предостерегая, и, в данном случае, увлекая своей требовательностью к чистоте помыслов и высоких поступков.

В повести «Все демоны» автор смело вторгается во взаимоотношения высших сил – богов и демонов, где в красках, сочно и ярко описаны вселенские битвы двух непримиримых сторон. Здесь реальность пластично вплетается в фантастику. Остроумный поворот сюжета, эффектная концовка и серьезность вложенной в произведение мысли не могут оставить равнодушными читателей.

Иногда простые с виду сюжеты исполнены глубокого социального смысла, а порой и сатирического пафоса, верно отражающие явления нашей действительности. В некоторых из них автор циничен, откровенен, никого не щадит (мафиози из «Пасынков Земли», Павлюк из «Все демоны», Агапыч из цикла сказок, Потапов из «Жил-был у бабушки серенький»). Хорошо вписываются в его сочинительство юмор, сатира, а порою и нужное для благого дела лукавство, что вполне разнообразит повествование. В повестях «Чарка» и «Пасынки Земли» автор описывает те нежелательные действия людей, которые могут привести к их деградации, к гибели цивилизации, предостерегает от самообольщения, самодовольства. Нравственное и физическое вырождение подстерегает всех землян, если они не будут

противостоять злу.

Хорошее знание человеческой психологии, живописание характеров героев, действующих в экстремальных условиях, сквозной линией проходит во всех произведениях писателя. Главное – это человек и его душа, мужественный, не просящий пощады, твердый и бескомпромиссный. Здесь автор оставляет частицу самого себя. Правда (на любителя – авт.), есть у фантаста небольшой перебор в передаче атмосферы ужаса, крадущегося по пятам некоторых его героев («Все демоны»). Чувство безумного страха, кошмара и неуверенности в себе порою зашкаливает границы фантастики, переходя «иллюзорную реальность».

С. Сюрсин пробует себя в различных стилях. Роман, повести, рассказы, сказки. Освоение далеких планет («Химеры Летящей», «Призрак»), прошлое («Запретная зона», «Узник времени»), настоящее («Все демоны», «Агапыч и другие») переплетается с будущим Земли («Чарка», «Пасынки Земли», «Керкира»); реальная и сказочная фантастика – с элементами «фэнтэзи». Здесь трудно выявить определенный жанр, который автор предпочитает больше других. Например, в той же повести «Все демоны», наряду с обычной повседневностью соседствуют и летающие тарелки с полтергейстом, и древние боги и демоны. Повесть с характерной для нее заданностью сюжета, отдельных эпизодов и образов, призванных наглядно проиллюстрировать определенную мысль, концепцию человека и общества, а также мысль об относительности многих человеческих оценок и представлений.

При довольно сложном содержании и весомой идейно-смысловой нагрузке книга все-таки читается легко, хорошо воспринимается и это прекрасный подарок любителям фантастики. Все ее содержание подтверждает точку зрения автора: человек существо разумное и способное к бесконечному совершенствованию, ему нужен мир и добро, вера и любовь, надежда и радость бытия. А войны, предательство, ужасы и страх пусть остаются в фантастике, никогда не превращаясь в реальность…

Авантюрная, щедрая на выдумку фантастика, в некоторой степени непочтительная к признанным мнениям и авторитетам, это и есть творчество Сергея Сюрсина, с его смелостью и дерзостью, с его задором и оптимизмом, с его мастерством в придумывании невероятных сюжетов и с его талантом.

Ирина Винтер,

член Союза журналистов Казахстана

notes

Примечания

1

Часть первая издавалась отдельной повестью «Бредущие» – «ПиФ» (Библиотечка «Уральского следопыта») № 8, 1990 г. Свердловск.